

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
—
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОТИВ
ВУЛЬГАРИЗАЦИИ МАРКСИЗМА
В АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Д. УДАЛЬЦОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Труды И. В. Сталина по языкознанию и по экономике — «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» — имеют огромное значение для дальнейшего развития советской науки и являются важным вкладом в марксистско-ленинскую теорию. Исторические решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза и теоретические труды классиков марксизма-ленинизма должны быть основой работы советских археологов.

В труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин подчеркнул значение критики и творческих дискуссий для всякого научного движения вперед: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики».

Между тем дискуссия по вопросам языкознания, организованная в 1950 г. «Правдой», выяснила, что в области языкознания, как в центре, так и в республиках, господствовал режим, не свойственный науке и людям науки, — «аракчеевский режим». При этом «аракчеевском режиме», существовавшем не только в языкознании, но и в некоторых других отраслях науки, в частности и в археологии, преследовалась малейшая критика «нового учения» о языке Марра, а люди, позволявшие себе такую критику, снимались с постов или снижались по должности.

Дискуссия «выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги».

Вместе с тем, дискуссия выявила также «...невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания...»¹, которая под пагубным влиянием антимарксистских теорий Марра господствовала тогда в языкознании, находя свое отражение и в других смежных отраслях науки, в том числе и в археологии. Труды И. В. Сталина своей сокрушительной критикой языковедческих теорий Марра и дальней-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 32.

шим творческим развитием марксистского учения о языке вывели советскую языковедческую науку из состояния кризиса и тупика и показали дорогу, по которой должно идти марксистское языкознание.

В труде И. В. Сталина вскрыты «теоретические прорехи», существовавшие в языкознании под вредным влиянием вульгаризаторских, псевдомарксистских теорий Марра: глубоко ошибочное признание языка надстройкой, одним из элементов культуры; приписывание ему «классовости»; отрицание, под предлогом борьбы с «праязыком» и «расизмом», существования первичного «языка-основы» и языковых общностей (языковых групп или семей), объединенных языковым родством; преувеличенная оценка значения языковых скрещиваний, в результате которых из двух или нескольких разнородных языков путем взрывов образуется якобы новый язык; признание, в связи с этим, теории «стадиальности» в развитии языков, якобы проходивших последовательно качественно различные друг от друга «стадии», в частности обязательную для всех языков первоначальную «яфетическую стадию»; непонимание происходивших при скрещивании процессов ассимиляции языком-победителем языков побежденных и недооценка роли дробления и расхождения языков; наконец, пресловутый «палеонтологический анализ» по четырем элементам и связанное с этим учение Марра о «единстве глоттогонического процесса», — таков тот основной комплекс вульгарно-материалистических, а порою и прямо антимарксистских положений, о которых И. В. Сталин писал: «Я думаю, что чем скорее освободится наше языкознание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь»¹.

* *

*

Ряд археологов в разной степени оказались под вредным воздействием так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра (М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, В. И. Равдоникас, А. П. Окладников, Б. А. Куфтин, П. И. Борисковский, Б. Б. Пиотровский, П. П. Ефименко, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов, П. Н. Третьяков, Т. С. Пассек, С. В. Киселев и др.). Некоторые из них пытались (Артамонов, Бернштам, Окладников) под флагом критики Марра протащить его антимарксистские концепции. Долг советских археологов — вскрыть ошибки, совершенные под влиянием вульгаризатор-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34.

ских, антимарксистских концепций Марра в области своей науки, особенно в деле изучения вопросов этногенеза, и, освободившись от этого влияния, по-марксистски разрешать стоящие перед ними важнейшие задачи.

Дело идет не только о том, что некоторые археологи привлекали в своих работах дополнительно к археологическому материалу языковой материал, черпая его из порочных произведений Марра и его учеников, снабжая собственные произведения цитатами из марристских произведений и вслед за Марром пренебрежительно относясь к установленным до Марра в науке законам языкового развития, допуская самые произвольные приемы исследования в отношении языка. Дело идет о том, что и в собственно археологических исследованиях сказывалось влияние теорий Марра, искажавшее характер самих исследований.

Это выразилось прежде всего в том, что, восстанавливая по археологическому материалу картину исторического развития того или иного народа, многие археологи считали, что тем самым они устанавливают и изменения в развитии языка этого народа, ошибочно считая язык надстройкой над базисом и не считаясь со специфическими особенностями языкового развития, протекающего по своим особым внутренним законам. Отсюда делались ошибочные заключения относительно языка изучаемых народов, а тем самым и о принадлежности этих народов к той или иной этнической группе. И. В. Сталин осветил специфическую природу и собственные закономерности развития языка, положив конец возможности ошибок в этой области. Отныне решение вопросов этногенеза стало возможным лишь в результате совместной работы лингвистов и археологов.

Под влиянием порочных теорий Марра, особенно в результате пресловутого учения о четырех элементах, характерных якобы для языка древнейших первичных племен, рассеянных по всей земле и давших в результате скрещений народы и языки мира (отсюда учение об единстве этно- и глоттогонического процесса), наша Родина представлялась населенной в древнейший период совершенно фантастическими, абстрактными существами, вроде салов, беров, ионов и рошей, или даже «этрусками», превратившимися якобы впоследствии в русских. Вместе с тем, на основе учения о «стадиальности» языкового развития, изучение конкретных исторических племен и народностей, населявших в древние времена нашу Родину, подменялось «изучением» абстрактных «стадий» развития ее населения — киммерийской, скифской, сарматской, готской, славянской и иных, автохтонно и одновременно

сменявших друг друга. Конкретная история превращалась в сплошную абстракцию, оторванную от исторической действительности.

Под тем же порочным влиянием Марра сложилось среди археологов ложное убеждение, что такие этнические общности как, например, индоевропейцы и другие, являлись вторичными, а отнюдь не первичными, исходными образованиями (пресловутая «пирамида» Марра); понятие первоначальной родины («прародины») и первоначального народа, носителя «языка-основы», давшего в ходе истории такие общности, считались особенно одиозными пережитками буржуазных идеологий, проявлением «расизма».

Необходимо помнить, что при всяком скрещивании один народ всегда является победителем, ассимилирующим другие скрещивающиеся с ним народы. Представление о равноправности скрещивающихся этнических компонентов является, несомненно, результатом влияния концепции Марра. Учение современного советского языкознания о «языке-основе» и представление о народе — творце и носителе этого языка, должны определять наши археологические исследования в области этногенеза, особенно для древнейших его периодов.

Выдвинутая С. П. Толстовым гипотеза «лингвистической непрерывности», стремившаяся избежать признания существования первоначального «языка-основы» и народа, его творца и носителя, которые определяли в ходе истории этнические общности, является прямой попыткой замаскировать протаскивание в науку марристских антинаучных взглядов, попыткой ревизовать сталинские положения. На совещании четырех институтов АН СССР — языка, археологии, этнографии и истории — по вопросам этногенеза в 1951 г. эта гипотеза была подвергнута уничтожающей критике, в том числе и со стороны археологов. Гипотеза С. П. Толстова построена на отрицании языкового родства, и применение ее хотя бы в какой-либо степени исключает всякую возможность совместной работы с этнологами. В дальнейшем статья С. П. Толстова будет подвергнута детальной критике.

Влияние порочных взглядов Марра обусловило гипертрофированный автохтонизм, который сменил собою миграционизм, как единственное объяснение исторического развития, до сих пор господствующий в современной буржуазной археологии. Всестороннее изучение конкретных исторических условий смены определенных материальных культур должно определять выводы о наличии в каждом конкретном случае или автохтонности, генетической преемственности культур, или миграции (расселения, переселения, ассимиляции).

Необходимо указать, что в ряде случаев вредное влияние Марра на археологические исследования смыкается с не менее вредным для археологии влиянием псевдомарксистской, космополитической школы М. Н. Покровского и космополитических теорий А. Веселовского. Такие грубые ошибки, допущенные в последнее время археологами, как идеализация насильников-гуннов, приписывание им прогрессивной роли в мировой истории (А. Н. Бернштам) или проводившаяся с давних пор ошибочная оценка паразитического хазарского каганата как прогрессивного явления в истории Руси (М. И. Артамонов), носят явные следы влияния не только Марра, но и указанных выше исторических школ, извращавших историю народов нашей Родины.

* *
*

Советские археологи осознают свои ошибки и необходимость окончательной их ликвидации. Они знают, что единственно научным методом в их работе является диалектический материализм. Усвоение, внедрение в археологию творческого марксизма — основная задача советской археологии. Самое широкое развертывание критики и самокритики, организация творческих дискуссий — вот путь к преодолению прежних ошибок, к новым достижениям в науке на основе марксизма-ленинизма. В этом отношении работа уже ведется, но сделано еще далеко не достаточно.

Приходится, к сожалению, признать, что еще не все полностью осознали свои ошибки, не все еще действительно преодолели их (например, М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам), не все еще выступили с критикой своих ошибок (П. П. Ефименко и др.). Впереди еще предстоит большая работа. Необходимо оказать помощь этим товарищам в дальнейшем развертывании критики отдельных ошибочных положений, проникших в археологию и еще не вскрытых, не подвергнутых критике.

Перед археологами стоит ответственнейшая задача — выяснить происхождение и воссоздать на основе археологического материала древнейшую историю народов нашей Родины, переживавших последовательно этапы развития от рода к племени и далее к народности.

Отдельные проблемы в этом отношении уже намечены, но далеко еще не решены. Перед советскими археологами поставлены такие актуальные проблемы, требующие разрешения, как происхождение индоевропейцев, происхождение славян, угро-финских, иберо-кавказских, тюркских и других народов

СССР, происхождение древнерусского народа и т. д. И здесь большую помощь должны оказать археологам советские языковеды. Самый тесный контакт в научной работе археологов и языковедов является необходимым условием успешного разрешения поставленных задач. В свете этих задач достигнутые результаты кажутся еще очень скромными.

В статьях сборника (А. Д. Удальцова «Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке», П. Н. Третьякова «Произведения И. В. Сталина о языке и языкознании и некоторые вопросы этногенеза» и А. В. Арциховского «Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии») освещены некоторые общие теоретические положения, главным образом в области изучения вопросов этногенеза, и те ошибки, которые были допущены советскими археологами по этим вопросам. Кроме того, ряд статей посвящен разоблачению ошибок, допущенных археологами в области изучения проблем происхождения и развития речи и мышления, в оценке значения и характера религии и искусства в жизни первобытного человечества (статьи П. И. Борисовского и А. П. Окладникова «О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя», А. Я. Брюсова «К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов» и статья Б. Б. Пиотровского «О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике»). В статьях С. В. Киселева «О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века» и Т. С. Пассек «О марровских ошибках в изучении трипольских племен Восточной Европы» дана развернутая критика ошибок, допущенных при исследовании этих периодов истории. Е. И. Крупнов в статье «Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа» подвергает критике ошибочные концепции В. И. Абаева и Б. В. Скитского и решает важную проблему этногенеза осетин и других народов Северного Кавказа. Наконец, Н. Я. Мерперт в статье «Против извращений хазарской проблемы» вскрывает историю ошибок Марра и Артамонова, извращающих историю взаимоотношений Руси и хазарского каганата и многое заимствовавших от старых буржуазных исследований.

Перед археологами стоит задача — дать подлинно марксистское решение ряда важнейших проблем, связанных с освещением исторического прошлого народов нашей страны.

А. Д. УДАЛЬЦОВ

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА
В СВЕТЕ РАБОТ И. В. СТАЛИНА О ЯЗЫКЕ

Труд И. В. Сталина по вопросам языкознания имеет огромное значение не только для языкознания, но и для дальнейшего развития всей нашей советской науки, так как в нем дано марксистско-ленинское обоснование взаимоотношений производства, базиса и надстройки в развитии общества и роли языка в этом процессе. Труд этот представляет собой образец творческого применения марксизма и открывает широкие перспективы в разработке самых различных актуальных вопросов философии, истории, языкознания, археологии, этнографии и других наук.

Не менее важно и указание на ошибочность господствовавших до того представлений о том, что качественные изменения в развитии обществ якобы происходят обязательно в форме «взрывов». Такой переход не может иметь места не только в развитии языка, но и вообще в развитии общества, не имеющего враждебных классов.

И. В. Сталин выдвинул также перед советской наукой проблему последовательного развития таких человеческих общностей, как род, племя, народность, нация буржуазная, нация социалистическая. Проблема эта, имеющая огромное значение в истории народов СССР, разрабатывалась до сих пор не с позиций марксизма-ленинизма, но под сильным влиянием антимарксистского учения о языке Н. Я. Марра.

В первое время после выхода в свет трудов И. В. Сталина у некоторых исследователей существовало (а может быть, существует и донныне) ложное и весьма вредное мнение, будто бы сокрушительная критика, данная И. В. Сталиным антимарксистским концепциям Марра, относится лишь к области языкознания, но не имеет непосредственного отношения к археологии, разрабатывающей вопросы этногенеза. Согласно

этой ложной точке зрения, собранный и систематизированный археологический материал якобы сам по себе безупречен и не требует переработки для освещения вопросов этногенеза, — необходимо лишь дать ему иную, новую языковую интерпретацию.

Это глубоко неверно. Некоторые историки и археологи (и я в том числе), используя антимарксистскую языковую теорию Марра, внесли и в археологические и исторические наши построения ряд положений, искажающих, помимо освещения процессов языкового развития, процесс развития материальной культуры. За последние три года, протекшие после выхода в свет трудов И. В. Сталина, мы уже в значительной мере преодолели наши ошибки по ряду коренных вопросов истории материальной культуры, связанной с этногенезом.

Чтобы искупить свою глубокую вину перед отечественной наукой, археологи, допустившие марристские ошибки, должны с особой энергией, не покладая рук, работать над тем, чтобы окончательно освободить нашу археологическую науку от остатков вредного влияния теории Марра, все еще продолжающих сказываться и в настоящее время, чтобы идти по пути творческого марксизма в развитии нашей науки.

Для этногенетических исследований огромное значение имеют указания И. В. Сталина, данные им впервые еще в 1913 г. применительно к образованию буржуазных наций в его статье «Марксизм и национальный вопрос» и отчасти повторенные в статье «Национальный вопрос и ленинизм» в 1929 г.

«... Нация, — писал в последней статье И. В. Сталин, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»¹.

Уже в этих своих работах И. В. Сталин выделил язык, как самостоятельную базу в развитии нации, отличную от экономического базиса и культуры, как надстройки.

Мы в своих работах по этногенезу недооценили, не поняли этого важнейшего указания, оставаясь в плену антимарксистского положения Марра о языке как надстройке, как якобы элементе духовной культуры.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.

Еще в 1913 г. И. В. Сталин указал несколько примеров образования буржуазных наций на Западе:

«Нынешняя итальянская нация, — писал он, — образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён.

Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»¹.

Это положение бьет по различным расовым и племенным буржуазным теориям происхождения нации. Оно, однако, вовсе не означает, будто бы все племена, образовавшие нации, сыграли одинаковую роль в этом процессе. Одно племя, один народ со своим языком играл ведущую роль, побеждая, ассимилируя в процессе сложения народностей и наций другие языки и местные диалекты.

Многие археологи, однако, не поняли своевременно этого положения И. В. Сталина, обратив внимание только на факт сложения наций из людей различных рас и племен, и рассматривали этот процесс с точки зрения антимарксистской теории Марра, будто бы на протяжении длительного времени, предшествовавшего образованию буржуазных наций, однородные этнические общности могли складываться путем «взрывов» из разнородного этнического материала, в духе пресловутой «пирамиды» Марра, образуя народы и языки — гибриды.

Вот что говорит И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания»:

«... При скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает»².

В настоящее время в основном все археологи, работающие по вопросам этногенеза, признают существование в древности единого языкового источника, «языка-основы». Их исследования, например, по вопросу о происхождении славян, направлены поэтому теперь к обнаружению той первоначальной территории (сравнительно небольшой), где мог сложиться древнейший славянский язык, послуживший основой для

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 29—30.

образования в более позднее время языков известных нам славянских племен.

Вносимые ранее в той или иной мере в советскую археологическую науку при разработке вопросов этногенеза антимарксистские концепции Марра указывают на упрощенческое с нашей стороны отношение к научному исследованию, на склонность к схематизму, на ошибки вульгарно-материалистического и даже порой и идеалистического характера.

Вместе с рядом историков и археологов и я, в частности, применял в своих исследованиях по этногенезу славян, кроме указанных выше, и такие антимарксистские положения Н. Я. Марра, как «стадиальность» этнического развития (с «яфетической» стадией в основе), якобы проходившего качественно различные этнические этапы при помощи «взрывов». Преувеличивалась мною и роль языковых и иных скрещений в процессе этногенеза, с образованием в результате новых этнических качеств, и недооценивалась роль языковых дроблений и расхождений. Преувеличивалась и исконная автохтонность отдельных народов.

Неспособность разобраться в таких коренных вопросах марксистской теории, как, например, проблема взаимоотношения производства, базиса и надстройки, неспособность дать самостоятельно отпор антимарксистским концепциям Марра, — все это обнаруживает низкий до сих пор уровень овладения нами теорией марксизма-ленинизма, повышение которого представляет для всех нас самую неотложную задачу.

Показав различие в закономерностях развития между языком и надстроечными явлениями, языком и культурой, И. В. Сталин тем самым поставил перед советскими языковедами, историками, археологами, этнографами задачу пересмотреть свои исходные положения при разрешении вопросов этногенеза. Это обязывает нас пересмотреть и вопрос о роли археологического материала в решении проблем этого рода.

Ранее советские археологи, как правило, считали, что на археологическом материале можно решать все основные проблемы этногенеза, — и вопросы развития экономики, и вопросы развития духовной культуры и языка, якобы лишь отражающего в качестве надстройки развитие того или иного базиса.

В свете указаний И. В. Сталина необходимо установить место археологических исследований в этом вопросе, определить, что именно может действительно дать археология для решения этногенетических проблем. Необходимо в то же время опровергнуть и ту точку зрения, будто археология вообще ничего не может дать в решении этого рода вопросов.

* *
*

Указания И. В. Сталина меняют самое понимание процессов этногенеза. Явления этногенеза оказываются значительно более сложными, чем думали ранее. Они охватывают и развитие языка, идущее по своим внутренним закономерностям, и развитие экономического базиса, и развитие культуры, зависящей от базиса и в свою очередь воздействующей на него. Археология, изучающая исторические явления в базисе и надстройках по вещественным памятникам прошлых культур, не в силах заключать на основании одного лишь их изучения о развитии языка — основного (хотя и не единственного) признака, определяющего принадлежность того или иного племени или народности к той или иной этнической общности (славяне, германцы и т. п.), который не относится ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек и имеет свои закономерности. Поэтому археология лишь частично, односторонне изучает вопросы этногенеза и нуждается в постоянной помощи языкознания.

Однако и языковедение вне связи с археологическим, историческим, этнографическим и т. д. изучением также лишь частично может разрешать проблемы этногенеза. Самый язык должен изучаться «... в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Поэтому существенно необходим комплексный метод изучения явлений этногенеза.

Для древнейших периодов археология дает основной материал для воссоздания истории народа. Археология изучает развитие производства, развитие производительных сил того или иного народа, давая материал для хронологической периодизации его истории. Она разрабатывает материал для выводов об экономической структуре общества в тот или иной период его истории.

На основании сохранившихся остатков материальной культуры археология стремится восстановить быт того или иного народа в далеком прошлом, структуру жилища, характер поселений и т. д. Она определяет историю территориальных изменений, характер и направление движений населения на определенных территориях, а в известных случаях и плотность этого населения.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

Она дает многое и для понимания духовной культуры на основании открываемых памятников (памятников искусства и т. д.).

Наконец, археология, не решая сама вопросов языковедения, может в ряде случаев оказать содействие языкознанию, предоставляя материал, способствующий разрешению таких вопросов. Так, например, Хорезмская археологическая экспедиция дала много материала для разрешения проблемы происхождения некоторых народов иранской группы языков. Открытие археологией в последнее время парфянских архивов (теперь известно уже свыше 600 документов) дает языковедам возможность познакомиться с неизвестным ранее парфянским языком, а открытие в Новгороде письменных документов XI—XIV вв. на бересте проливает свет на развитие письменности на Руси с древнейших времен.

При отсутствии письменных памятников, археология дает некоторый материал для суждений о том, какой этап своего развития — рода, племени или народности — переживает данное общество. Можно, например, предполагать на основе археологических данных, что племена возникают в эпоху неолита. Однако методика определения по археологическому материалу характера общественного строя требует еще дальнейшей разработки и уточнения.

Археология устанавливает последовательную смену археологических культур. Под археологической культурой мы понимаем исторически сложившуюся на данной территории, более или менее устойчивую на протяжении известного периода времени совокупность вещественных памятников, объединенных общими признаками, отличающуюся от других устанавливаемых в археологии культур. Археологическая культура отражает развитие производительных сил и производственных отношений, а также ряда надстроечных явлений, характеризующих в совокупности общественное целое, и является источником для восстановления определенного этапа в истории того или иного народа и его культуры (в общепотребительном смысле).

Такие исторические категории могут обладать различной степенью протяженности во времени и пространстве. Культуры, охватывающие наибольшие отрезки времени, совпадают с понятием эпохи, века, периода и т. д. (например, культура эпохи палеолита или неолита, медный век, период бронзы, раннего железа и т. д.), определяя собой длительные этапы общественного развития, продолжающиеся целые тысячелетия.

В пределах широких археологических категорий можно отметить такие особенности быта, одежды, жилища, утвари,

орудий труда, орнамента, деталей погребального обряда и т. п. той или иной локальной группы населения, которые дают основание характеризовать эту группу уже как этническую, выделить ее в отношении материальной и частью духовной культуры из общей массы населения данной территории и определить как племя или народность (в зависимости от типа производственных отношений). Выделение таких более мелких локальных групп имеет уже прямое отношение к изучению этногенеза, однако требуется дополнительная языковая характеристика для определения этнической принадлежности изучаемых древних народов.

Пользоваться указанными этническими признаками для характеристики определенной локальной группы населения можно лишь во всем их комплексе и для определенного отрезка времени, не вырывая отдельных признаков и не отрывая их от соответствующей им общественной среды, от истории конкретных племен и народностей, — во избежание ошибок, присущих узко формально-типологическому анализу. Нельзя, например, крашеную (или расписную) керамику, известную в трипольской культуре, считать саму по себе, отдельно взятую, характерной для той или иной этнической общности, ибо такая керамика широко известна и в Европе, и в Азии, вплоть до Китая, и на других территориях. То же самое можно сказать и о погребениях со «сгорченными костяками» периода бронзы, которые сами по себе, отдельно взятые, еще не характеризуют особенностей отдельного конкретного племени или народности.

Нельзя вместе с тем не отметить случаев несовпадения археологических культур и этнических категорий. В понятие «скифской культуры», например, мы неправомерно объединяем иногда материальную культуру племен различного этнического характера. В понятие «скифы» неправильно включают порой и ранние славяне, и северо-восточные иранцы, иногда фракийцы, и еще более отдаленные племена Южной Сибири, вплоть до Алтая.

В то же время под различными формами (или вариантами) материальной культуры могут, наоборот, скрываться племена единого этнического происхождения, при некоторых вариантах археологических культур, зависящих от особенностей субстрата.

Или еще пример: готы в Причерноморье настолько по своей материальной культуре были ассимилированы местными племенами (аланы—сарматы), что в этом отношении не отличимы от последних; однако они сохраняли свой язык, как мы знаем это по письменным источникам. До сих пор еще археологи не

знают собственно готской культуры, хотя исторические источники много говорят о существовании готов в Причерноморье.

* * *

При воссоздании по археологическим материалам исторических судеб отдельных народов в далеком, бесписьменном прошлом большую роль играет ретроспективный метод исследования — от более известных нам периодов (на основании письменных источников) ко все более и более далекому прошлому. Этим методом в ряде случаев можно проследить генетическую непрерывность развития в области материальной культуры, вскрываемую археологией, что дает возможность со значительной долей вероятности заключать о непрерывности развития данного народа, даже иногда его автохтонности на изучаемой территории. Для западных славян, например, такую непрерывность развития польские археологи, используя этот метод, устанавливают вплоть до времени лужицкой культуры, до второй половины II тысячелетия до нашей эры.

К сожалению, для восточного славянства, ввиду слабой еще археологической изученности территорий Украины и особенно Белоруссии, установление на археологическом материале такой конкретной непрерывности является делом будущего, — надеемся, близкого будущего, так как работы в этом направлении нашими славистами уже ведутся. Длительная непрерывность развития устанавливается советской археологией и для ряда финских этнических групп; однако и здесь не всегда имеется совпадение между археологической непрерывностью и языковой непрерывностью.

Идя ретроспективным путем, археология устанавливает не только наличие генетической непрерывности для следующих друг за другом во времени археологических культур, но и отсутствие в ряде случаев такой непрерывности. В последнем случае можно предполагать наличие переселения, миграции, смену на данной территории одного племени или народности другими. Например, отсутствие генетической связи в период бронзы в степях Восточной Европы между катакомбной и следующей за ней по времени срубной культурой свидетельствует о миграции носителей последней с Востока, что и доказывается в последние годы на все большем и большем археологическом материале.

То же имеет место и в отношении фатьяновской культуры, не связанной генетически с местными культурами междуречья Оки и Волги, которые характеризуются керамикой ямочно-гребенчатого типа, но увязываемой со среднеднепровской куль-

турой бронзы; отсюда делают заключение о приходе племен фатьяновской культуры со Среднего Днепра или близлежащих территорий.

В тех случаях, когда ретроспективный метод указывает на прерывность в смене археологических культур, установить этническую принадлежность того или иного древнего племени затруднительно или вовсе невозможно.

В последнее время пересматривается вопрос об этнической принадлежности племен трипольской, а также дьяковской культур.

Трипольская культура существовала в III тысячелетии до н. э. на территории западноевропейской Украины. Она считалась нами, вслед за киевским археологом В. В. Хвойкой, очень ранней славянской культурой. Однако в последнее время новые археологические исследования показывают, что центром развития этой культуры была не Киевщина и прилегающие к ней области, как думали раньше, а Поднестровье и еще более южные области, а Киевская область была лишь ее периферией.

Такое перемещение центров приводит и к изменению взглядов на характер трипольской культуры. Существует мнение, что трипольская культура археологически теснее связана с южными балканскими народами и, быть может, лишь косвенно имеет отношение к этногенезу славян.

Некоторые исследователи ищут предков ранних славян в других областях, где они могли выделиться из индоевропейской общности и, частью вытесняясь, частью входя в состав племен, завоеванных носителями катакомбной, среднеднепровской и волинской мегалитической культур, ассимилировались этими последними.

Повидимому, и этот вопрос в ближайшее время получит правильное научное разрешение.

Дьяковская культура, распространенная от междуречья Оки и Волги вплоть до Прибалтики, до сих пор представляет предмет споров между советскими археологами об этнической принадлежности породившего ее населения. Если до последнего времени значительную часть верхневолжской территории распространения этой культуры связывали с восточными славянами, то теперь, при более строгом подходе к решению вопросов этногенеза, в частности при большем учете данных топонимики, вопрос о характере дьяковской культуры приходится пока считать открытым. Вероятным представляется теперь более поздний приход сюда, на территорию распространения дьяковской культуры, славянских племен, лишь постепенно просачивавшихся в неславянскую среду и ассимилировавших ее.

Приходится признать, что устанавливать генетическую непрерывность невозможно на основании одного лишь типологического анализа археологических материалов. Здесь требуется учет целого ряда конкретно исторических и языковых явлений. То, что на первый взгляд может казаться генетической непрерывностью, в действительности может быть наличием культурных пережитков этнического субстрата в том археологическом комплексе, который характеризует культуру пришедшего извне народа, ассимилировавшего старое население. Вот почему установление генетической непрерывности требует особой осторожности и критического пересмотра многих доселе считавшихся решенными положений в области этногенеза. В настоящее время, например, требуют дополнительного исследования взаимоотношения между афанасьевской и андроновской культурами в Западной Сибири и ряд других проблем.

Еще раз приходится подчеркнуть, что никакое этногенетическое исследование невозможно для археологов и историков без тесного контакта с лингвистами. Положение о народе, носителе «языка-основы», и о занимаемой им первоначальной территории, а также о последующем его расселении и языковой ассимиляции других побежденных им народов — должно лежать в основе всякого научного исследования вопросов происхождения племен, народностей и наций.

* * *

Мы рассмотрели наши ошибки, связанные с антимарксистскими концепциями Марра, а также пути их ликвидации.

Советская археология уже имеет за последние годы своего развития немалые достижения. В наши дни археологи начинают исследования в области разработки теоретических вопросов своей науки, где до сих пор обнаруживалось наибольшее отставание. Это может служить залогом того, что стоящую перед ними задачу познания далекого прошлого племен и народов они выполнят.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. В. СТАЛИНА
О ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОЗНАНИИ
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА¹

1

В произведении И. В. Сталина, посвященном вопросам языкознания, с предельной ясностью и полнотой вскрыты пороки так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра и дана глубокая, всесторонняя характеристика марксистской теории языка. Советское языкознание получило незыблемую методологическую основу для своего дальнейшего развития; перед ним открылась широкая исследовательская дорога и возможность занять первое место в мире. Выдающееся значение имеет произведение И. В. Сталина для развития всех других общественных наук. В нем получили освещение важнейшие вопросы истории общества; оно является новым крупнейшим вкладом в теорию диалектического и исторического материализма.

Особенно же велико значение этого произведения И. В. Сталина для развития тех отраслей общественной науки, которые тесно соприкасаются с языкознанием, пользуются его материалом и выводами, нередко решают те же, что и языкознание, или же смежные задачи. Эти отрасли общественной науки подверглись значительному влиянию немарксистских «теорий» Марра. К ним относятся в первую очередь археология и этнография, а также история культуры и искусств. Материалами языка постоянно пользуются специалисты в области истории идеологии, истории религии. В их работы также, в той или иной степени, проник марризм. Но, пожалуй, больше

¹ В основу настоящей статьи автором положена статья «Произведения И. В. Сталина о языке и языкознании и вопросы происхождения народов», опубликованная им в журнале «Вопросы истории» № 10 за 1950 г. При подготовке к публикации в настоящем сборнике указанная статья значительно расширена и переработана.

всего марристских ошибок было допущено в той области исторического знания, которая занимается одним из наиболее сложных вопросов древней и средневековой истории — происхождением и развитием народов, вопросами этногенеза, используя при этом материалы языка, археологии, этнографии и других наук. Речь идет при этом не только о работах последователей Н. Я. Марра, но и о значительной части тех исследований по этногенезу, авторы которых не признавали «теорий» Н. Я. Марра, но тем не менее не сумели полностью уберечься от их пагубного влияния.

Известно, что язык является одним из важнейших признаков; определяющих род, племя, народность, нацию. Среди четырех признаков наций, указанных И. В. Сталиным в его трудах по национальному вопросу, общность языка занимает первое место¹. Язык — это наиболее ясный и осязаемый, сразу бросающийся в глаза признак того или иного племени, той или иной народности или нации, форма их национальной (ранее — племенной, народной) культуры². Каждый язык является при этом продуктом многовекового творчества — постепенного развития от языков родового и племенного к языку народности и языку нации³. В отличие от надстройки, претерпевающей резкие изменения на каждом новом историческом этапе, язык изменяется медленно, исподволь. Новый язык складывается в течение столетий, постепенно вырастает на основе старого, а не падает с неба в готовом виде в результате стадияльного взрыва, как это изображал Н. Я. Марр⁴.

Этим определяется важнейшая роль языкового материала при решении проблем этногенеза. Так, например, вопросы о том, как возникли и развивались славянские племена, как сложились из них средневековые славянские народности, (древнерусская, древнепольская и др.), на основе которых сформировались впоследствии русская, украинская, белорусская, польская, болгарская, чешская и другие славянские нации, — все эти вопросы не могут быть разрешены историками, археологами и этнографами без широкого привлечения данных языкознания. Более того, в ряде случаев именно языкознанию принадлежит здесь решающее слово.

В русской дореволюционной буржуазной науке вопросы этногенеза почти всецело принадлежали компетенции языковедов. Проблемой происхождения славян занимались

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

² См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 21.

³ См. там же, стр. 12—13.

⁴ См. там же, стр. 24—25.

А. Л. Погодин, А. И. Соболевский и особенно А. А. Шахматов. О происхождении угро-финских народов писали П. И. Кеппен, М. А. Кастрен, М. И. Веске и тот же А. А. Шахматов. Далекое прошлое тюркских народов посвятили свои труды А. А. Куник, Н. И. Ашмарин и другие. Ими был собран обширный материал, сделан ряд ценных наблюдений и заключений. Однако всем им, буржуазным ученым, не были понятны истинные пути возникновения и развития таких человеческих общностей, как род, племя, народность, нация, а следовательно и пути развития языков. Их взгляды, в своей основе метафизические, грешили схематизмом. Они развивались в отрыве от исторических дисциплин, не учитывали их материала и выводов. В то же время последние (речь идет о буржуазной историографии) нередко противоречили соображениям языковедов. Созданные буржуазной лингвистикой теории происхождения народов, в частности теория происхождения славян, получившая в начале нашего века наиболее законченное выражение в трудах А. А. Шахматова¹, не могут быть приняты советской наукой.

К началу нынешнего столетия начал накапливаться археологический материал, полученный в европейской части нашей страны, проливающий некоторый свет на вопросы происхождения восточных славян. Работы В. В. Хвойки, Д. Я. Самоквасова, И. Е. Забелина, А. А. Спицына и других археологов являлись, однако, лишь робкими попытками решения этих вопросов. А. А. Спицын, например, в своих археологических исследованиях в области славянского прошлого стремился лишь подтвердить соображения А. А. Шахматова². Более решительно выступил В. В. Хвойка, изучавший древности Среднего Поднепровья. Вопреки распространенным тогда в среде языковедов представлениям о позднем появлении славян в пределах восточноевропейской равнины, В. В. Хвойка пытался доказать, что в области Среднего Поднепровья славяне жили с неолитической эпохи³. Однако его мнение было встречено в штыки большинством языковедов и признания не получило.

После Великой Октябрьской социалистической революции во всех республиках Советского Союза развернулись большие

¹ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пг., 1916; его же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

² А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, «Журнал министерства народного просвещения», т. VIII, 1899.

³ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913.

исторические и археологические исследования, ставившие перед собой новые задачи. Поток нового археологического материала, освещенного с позиций марксизма-ленинизма, принес с собой замечательные и нередко неожиданные открытия в области древней и раннесредневековой истории нашей страны. Впервые стала известна культура древних цивилизаций Закавказья и Средней Азии. Стало возможным изучение древней и средневековой истории племен и народностей Поволжья, Приуралья, Сибири, Севера. Ряд интересных открытий был сделан и в западных областях европейской части СССР, там где расположена родина восточнославянских племен — предков русского, украинского и белорусского народов. Руководствуясь трудами классиков марксизма-ленинизма, советские историки и археологи проделали значительную работу по выяснению вопроса о том, из каких древних племен, когда и в какой исторической обстановке складывались средневековые народности, впоследствии развившиеся в нации, как объединялись их территории, как развивались и укреплялись их экономическая база и культурная общность.

Работы советских ученых в области происхождения народов достигли бы, несомненно, более значительных результатов, если бы на них не оказали серьезного влияния немарксистские «теории» Марра.

Одним из показателей застоя и кризиса нашего языкознания являлось то, что за последние десятилетия языковеды-немарристы почти не дали работ на исторические темы. Очевидно, это явилось следствием того «каракчеевского режима», который господствовал в языковедческих учреждениях. В среде языковедов Марр и его ученики были почти монополистами в области вопросов этногенеза. Именно на этом поприще, в области неясных и неисследованных вопросов далекого прошлого, открывались наиболее благоприятные возможности для самых невероятных построений, основанных на «элементном анализе» и т. д. Киммерийцы и скифы, шумеры и этруски, болгары и чуваша, славяне и русь — перечислениями всех этих народов, и притом в самых невероятных сочетаниях, буквально переполнены сочинения Н. Я. Марра. Этногонические построения Марра рассматривались его учениками в качестве марксистских, в качестве единственного пути исследований в данной области. В то же время этот «путь» представлял собой не более, как фикцию. Взгляды Марра не поддавались дальнейшей разработке. Гипотезы его были построены не на фактических данных, не на марксистской теории исторического процесса, а на ошибочных вульгарно-материалистических или идеалистических концепциях. Это было неопровержимо дока-

зано дискуссией по вопросам языкознания и увенчавшими эту дискуссию выступлениями И. В. Сталина.

До выступления И. В. Сталина представители исторических дисциплин, в частности археологи, зачастую обращались либо к историко-языковедческим работам старых буржуазных авторов, что по понятным причинам не могло их удовлетворить, либо же к сочинениям Н. Я. Марра и его учеников. В результате некритического отношения к «теориям» Марра, которые рассматривались как последнее слово науки, его порочные, немарксистские положения проникли в труды советских археологов, этнографов и историков, занимающихся вопросами происхождения народов.

Речь идет отнюдь не о том, что советские исследователи использовали те или иные исторические выводы, соображения или наблюдения Н. Я. Марра из истории народов или его терминологию. Главная ошибка археологов, этнографов и историков, занимавшихся вопросами происхождения народов состоит в том, что ими были некритически восприняты некоторые общие, так сказать, «теоретические» положения Марра, которые рассматривались в качестве марксистских, находящихся якобы в полном соответствии с трудами В. И. Ленина и И. В. Сталина по национальному вопросу.

Именно такая ошибочная оценка общих положений Марра была дана в работе автора этой статьи, посвященной вопросу о происхождении славян¹. Точно так же оценивали в своих работах взгляды Марра А. П. Окладников, М. И. Артамонов, А. Д. Удадьцов, В. В. Мавродин² и многие другие историки и археологи. Большое место марровским концепциям уделял в своих работах С. П. Толстов³, который нередко обращался к данным языка и топонимике, используя их в марровском духе. Нельзя не назвать здесь также и работ акад. Н. С. Дер-

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1948, стр. 9—10.

² А. П. Окладников. Н. Я. Марр и советская археология, Л., 1950; М. И. Артамонов. Предисловие к сборнику «Этногенез восточных славян». МИА СССР, № 6, 1941, стр. 7—8; его же. К вопросу об этногенезе в советской археологии, КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 4, 6, 16; его же. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник ЛГУ», 1947, № 2. А. Д. Удадьцов. Теоретические основы этногонических исследований, «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. I, 1944, № 6; его же. К вопросу о происхождении индоевропейцев, КСИЭ, т. I, 1946, стр. 14; В. В. Мавродин. Древняя Русь, Л., 1946, стр. 22—24.

³ С. П. Толстов. Этнография и современность, СЭ, 1946, № 1, стр. 9; его же. Из предистории Руси, Сб. «Советская этнография», VI—VII, 1946, его же. «Нарцы» и «Волхи» на Дунае, СЭ, 1948, № 2.

жавина, исходившего в вопросах этногенеза из ошибочных положений Марра¹.

В передовой статье «Н. Я. Марр и изучение древней истории», помещенной в первом номере журнала «Вестник древней истории» за 1950 г., указывается, что теория Марра развивалась «на основе марксизма-ленинизма», что марровская «теория стадиальности и скрещенности языков несомненно открывает правильный, с точки зрения марксизма-ленинизма, путь к пониманию того, почему, например, существуют между греческим и латинским языками лексические сходства и расхождения», что взгляды Н. Я. Марра на вопросы происхождения языка основаны на положении марксизма-ленинизма и т. д.²

Что касается этногонических исследований на археологических материалах, то некоторые исследователи считали, что «теория Н. Я. Марра выводит археологию из тупика, в который она зашла в своих попытках исторического осмысления вещественных источников, и открывает перед ней в этом отношении такие возможности, которые позволяют питать надежды на превращение археологии в подлинно историческую науку»³.

Важнейшей задачей, вытекающей из указаний И. В. Сталина, для советских языковедов, археологов, этнографов, историков и представителей других дисциплин, занимающихся вопросами этногенеза, является приближение языкознания к истории, установление тесного контакта языкознания с историческими дисциплинами на основе марксистско-ленинской методологии. «... Язык и законы его развития, — указывал И. В. Сталин, — можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁴.

Первым непременным условием такого объединения сил для подлинно научной постановки исследований в области вопросов происхождения народов является искоренение ошибочных положений Н. Я. Марра в языкознании, археологии, этнографии и истории, критический пересмотр старых трудов.

В настоящей статье автор поставил перед собой задачу разобрать некоторые важнейшие ошибки в области этногенеза,

¹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, М.—Л., 1945, стр. 27 и др.

² ВДИ, № 1, 1950, стр. 5—6.

³ М. И. Артамонов. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник ЛГУ», 1947, № 2, стр. 106.

⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

допущенные в работах советских историков, археологов и этнографов вследствие не критического отношения к работам акад. Н. Я. Марра.

2

Коренным пороком взглядов Марра в области теории было то, что он рассматривал язык как надстройку над экономическим строем общества, что он «... внёс в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчёт языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание»¹. Из этой немарксистской формулы с неизбежностью вытекали все другие ошибки — положение о классовости языка, «теория» стадийного развития языка от одного качественного состояния к другому путем «взрывов», неправильная мысль о том, что при скрещивании двух языков возникает новый, третий язык, третирование изучения групп (семей) языков и т. д. Все эти ошибочные, немарксистские положения Марра отразились и на исследованиях в области происхождения народов, внесли в них значительную путаницу.

Основным источником путаницы в вопросах происхождения народов являлась, как нам представляется, марровская «теория» стадийности. Считалось, что язык в ходе исторического процесса претерпевает качественные изменения, подобно тому как старая надстройка в ходе исторического процесса вместе с изменением базиса сменяется новой надстройкой. Отсюда следовало, что современным языкам и этническим группам со всеми присущими им национальными (раньше — племенными, народными) особенностями предшествовали качественно другие языки и этнические группы. Переход от одного качественного состояния языка и этноса к другому изображался в виде кратковременного скачка, взрыва. В этом усматривали диалектику развития языка и этнических групп.

«Советская наука — писал по этому поводу С. П. Толстов, — принимает важнейшие положения учения Н. Я. Марра об этногенезе как процессе качественной трансформации сменявших друг друга в ходе исторического развития племенных объединений, об этногенезе как социально-экономическом, а не биологическом процессе»².

Сколько-нибудь определенной картины стадийного развития языка и этнических групп сочинения Н. Я. Марра, однако, не содержали. В одних случаях у него получалось, что:

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

² С. П. Толстов. Этнография и современность, СЭ, 1946, № 1, стр. 9.

существующие ныне «системы» (семьи) языков отражают различные стадии языкотворческого процесса, причем высшую стадию составляют индоевропейские языки, а низшую — «яфетические», в других случаях он писал, что «яфетические» языки непосредственно предшествовали индоевропейским, в-третьих, что они непосредственно предшествовали языкам всех других семей — индоевропейской, тюркской, семитической, угро-финской. В одних случаях возникновение индоевропейцев относилось Марром к весьма отдаленному времени — к эпохе распространения металлов, в других — «яфетидами» оказывались племена и народы, жившие на тысячелетия позднее этой эпохи, уже в период раннеклассового общества. Было очевидно также, что марровская теория стадийности в языке отнюдь не соответствует истинной стадийности исторического процесса — смене общественно-экономических формаций. Развитие «языка-надстройки» не связывалось и не могло быть связано с развитием базисных явлений в истории общества. «Надстройка» висела в воздухе, для нее искали какую-то особую стадийность и, конечно, не находили.

Но все эти очевидные неясности и противоречия рассматривались последователями Марра как результат незавершенности «теории» стадийности, как следствие того, что Марр не вышел в этом вопросе за пределы исканий. Вместо того чтобы отбросить «теорию» стадийности, как ошибочную, ненаучную и неоправдавшую себя гипотезу, последователи Марра, в том числе и археологи, продолжали держаться за его «теорию», пытаясь втиснуть этногонический процесс в ее прокрустово ложе. «Марровское научное наследство трудно усвоить, — писал по этому поводу М. И. Артамонов, — но эта трудность не оправдывает невнимания к тому великому и вечному, что воздвигнуто его трудами и что за грудой мусора от снесенных Марром прежних построек и за неубранными еще лесами и штабелями заготовленного материала возвышается в виде остова здания с новыми и прекрасными архитектурными формами»¹.

Однако, когда мусор был убран и леса разобраны, оказалось, что кроме них ничего и не было. Здание с «новыми и прекрасными архитектурными формами» оказалось не более чем миражем.

Наиболее последовательно применял в своих работах марровскую «теорию» стадийности акад. Н. С. Державин. Не касаясь здесь его лингвистических работ, в частности широкого

¹ М. И. Артамонов. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник ЛГУ», 1947, № 2.

применения им «палеонтологического анализа», остановимся лишь на этногонических вопросах и возьмем в качестве примера одну из его последних больших работ — «Историю Болгарии», т. I, где речь идет о происхождении дунайских болгар и где «теория» стадильности представлена в наиболее яркой форме.

Как известно, территория Болгарии принадлежала некогда фракийским племенам, жившим здесь, как предполагают, с неолитических времен и хорошо известных авторам I тысячелетия до н. э. Начиная с первых веков н. э., когда нарастала борьба племен Европы и Азии против Римской империи, владевшей Балканским полуостровом, из-за Дуная в Мезию и Фракию неоднократно проникали другие племена, в том числе и славянские, что было доказано еще в 70-х гг. прошлого века М. С. Дриновым¹. Вместо одноязычной фракийской среды к середине I тысячелетия н. э. в Мезии и Фракии оказалось население, говорящее на разных языках. Следует указать также, что значительное распространение, особенно в городах, получили там греческий язык и в меньшей мере — латинский. И неудивительно, что в VI и начале VII вв., когда в период ожесточенной борьбы славян с Византией произошло массовое переселение славянских племен на Балканский полуостров, имевшиеся там языки и этнические группы стали терпеть одно поражение за другим, растворяясь в мощной и монолитной славянской среде.

В VII в. на основании договора со славянским населением — северянами и семью славянскими племенами, жившими у Дуная, на территорию Болгарии продвинулась одна из причерноморских болгарских орд во главе с Аспарухом, возглавившим впоследствии первое Болгарское государство. Потомки Аспаруха, как и все пришедшие с ним болгары, вскоре ослабились, и в современном болгарском языке не обнаруживается никаких существенных следов тюркского языка древних болгар, что хорошо установлено работами болгарских лингвистов².

Как же изображает процесс болгарского этногенеза акад. Н. С. Державин?

Славянской колонизации Балканского полуострова Н. С. Державин отводит в этом процессе второстепенное место. На первое же место он выдвигает «теорию» стадиль-

¹ М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.

² Предполагают, что в болгарском языке имеется три слова, заимствованных от древних болгар: българин — болгарин, белег — знак, признак, и тояга — палка.

ного перевоплощения фракийцев в славян, указывая, что фракийцы вместе со скифами и венедами входили в группу близких между собой племен — предков славян, стоящих на «яфетической стадии культурного развития». Эти племена древние авторы противопоставляли кельтам, германцам и сарматам¹. Таким образом, фракийцы независимо от славянской колонизации превратились в славян.

Перелистаем несколько страниц «Истории Болгарии» и обратимся к вопросу об аспаруховых болгарях. Оказывается, они тоже яфетиды, «по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собой народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственный этногонически с чувашами». В среде этого «народа» шел процесс превращения его из яфетидов в индоевропейцев, и этот процесс привел «массовый болгарский народ уже в историческое время к славянизации, в то время как верхи болгарского общества были приобщены к восточной культуре господствующих классов соседей — чувашей и хазар, что диктовалось общностью их хозяйственных и политических интересов»².

Таким образом, у Н. С. Державина оказывается, что в ходе этногонического процесса закономерно превратились в славян и фракийцы, якобы близкие скифам и венедам, и приазовские болгары, близкие сарматам, чувашам и хорватам (?! — П. Т.). Высший же слой болгар стал тюркоязычным, ибо хозяйственно и политически он был связан якобы не столько со своими эксплуатируемыми классами, сколько с господствующими условиями восточных соседей. Здесь нашла, следовательно, место и марровская «теория» классовости языка.

Что же представляла собой «яфетическая стадия культурного развития», с каким периодом исторического процесса она связывается, что обуславливало переход от яфетического состояния на следующую стадию? На все эти вопросы акад. Н. С. Державин никакого ответа не дает и дать не может. Лишь в одном месте, там, где речь идет о превращении фракийцев в славян, по этому поводу им высказано следующее предположение: «Трудно пока сказать с исчерпывающей определенностью, что сыграло решающую роль и стимулировало в этнографической истории полуострова возникновение в среде его населения нового этнографического качества, т. е. появле-

¹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, М.—Л., 1945, стр. 70—71.

² Там же, стр. 181.

ние на смену фракийцам славян. По всей вероятности, это был какой-то сложный комплекс обстоятельств, стоявших, быть может, в некоторой связи с римским завоеванием полуострова. Во всяком случае это был результат весьма существенного сдвига в области народного труда и производственных отношений, внесшего в патриархально-родовую жизнь массового населения полуострова основу новой техники и культуры... Сдвиг в жизни народов полуострова явился, надо полагать, в результате разложения патриархально-родового строя и зарождения первых начатков феодальных отношений¹.

Нетрудно убедиться в том, что такая «теория» превращения фракийцев в славян не содержит в себе ничего, кроме путаницы. Римское завоевание, как известно, захватило не только Балканский полуостров, но и многие другие области, где славяне, однако, не сложились. Во всех этих случаях римское завоевание повлекло за собой отнюдь не славянизацию, а латинизацию завоеванных областей. Известно, что основные центры древнего славянства лежали за пределами областей, подчиненных Риму. Возникновение славян, следовательно, никак нельзя ставить в связь с римским завоеванием. Начало нашей эры ни в какой мере не было временем «зарождения первых зачатков феодальных отношений» на Балканах. В этот период у фракийцев, как и у скифов, процесс классового образования шел по пути возникновения рабовладельческого строя. Наконец, хорошо известно, что феодальные отношения возникли в свое время не только в среде предков славян, а по всему миру, и поэтому зарождение феодализма отнюдь нельзя рассматривать как причину превращения фракийцев в славян.

Несомненно, что единственной причиной славянизации Балкан явилось проникновение на полуостров большого числа славян и превращение их в господствующую экономическую и политическую силу. В однородной славянской среде растворилось местное фракийское и иное население полуострова. Позднее в ней растворились также и пришельцы — болгары, говорившие на одном из древних тюркских языков.

В работах Н. С. Державина живая конкретная история подменена искусственно созданной мертвой схемой. Такое «омертвление» истории было весьма нередким явлением в исторических и археологических работах 30-х годов. Примером может служить нашедшая в свое время статья В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья». В этой статье киммерийцы в результате стадийного

¹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 89

скачка превращаются в скифов, скифы таким же путем — в готов, готы — в славян¹.

Применение марровской теории стадильности в подобных работах может быть охарактеризовано как полностью некритическое. У других историков и археологов, занимающихся вопросами этногенеза, наблюдалось стремление ввести в марровскую «теорию» значительные коррективы, которые бы позволили так или иначе примирить марровскую «теорию» стадильности с истинным ходом исторического процесса. При этом исходным материалом для исследования брался не язык, а исторический, археологический и этнографический материал, отражающий изменения в области культуры. «Ошибка наших товарищей, — указал И. В. Сталин, — состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»².

А. Д. Удадьцов, много работавший над вопросами этногенеза, полагал, что появление новых «этнических качеств» следует связывать с теми переломными, критическими периодами в истории племен и народов, «когда происходят коренные изменения в общественном строе и в идеологии»³.

Руководствуясь работами И. В. Сталина по национальному вопросу, А. Д. Удадьцов в качестве таких «переломных периодов» указывал период зарождения классового общества, когда из племен складывались народности, период образования буржуазных наций и, наконец, период их превращения в нации социалистические, но, исходя из положений Марра, А. Д. Удадьцов добавлял сюда еще один, наиболее ранний период — II тысячелетие до н. э., когда в Европе и Азии скотоводы отделялись от общей массы варваров, когда появились первые металлы и наблюдался переход от материнского родового строя к отцовскому. С этим периодом А. Д. Удадьцов связывал «возникновение новой стадии в развитии материальной и духовной культуры, а в языковом развитии — переход, повидимому, от яфетической стадии к индоевропейской на основе новых многочисленных языковых скре-

¹ «Известия ГАИМК», т. XII, вып. 1—8, 1932.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.

³ А. Д. Удадьцов. Теоретические основы этногонических исследований, «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1944, № 6, стр. 258.

щений»¹. В это же время, по мысли А. Д. Удадьцова, складываются и все другие существующие ныне языковые и этнические группы. «Яфетические племена с древней языковой общностью являлись основой процессов этногенеза не одних индоевропейцев, но и, например, хамито-семитов, а также урало-алтайцев»².

В других местах у этого же автора, однако, оказывается, что процесс образования индоевропейцев развивался на территории Европы и Азии неравномерно. Кельты в конце I тысячелетия до н. э. и германцы во времена Тацита еще находились якобы в стадии превращения из яфетидов в индоевропейцев³.

Таким образом, превращение яфетидов в индоевропейцев происходило и в первом периоде и во втором, а это значит, что попытка А. Д. Удадьцова совместить марровскую стадиальность с историческим процессом потерпела крах. Это, повидимому, ясно понимал и сам автор. Во всяком случае в своих последующих работах он воздерживался от упоминания яфетической стадии и ввел в употребление такие несовместимые с «теорией» стадиальности и забракованные в свое время Марром понятия, как протославяне, протогерманцы и т. д., для обозначения различных групп древних европейских племен⁴.

Автор настоящей статьи в своих работах, посвященных вопросу происхождения славян и народов Поволжья, также пытался увязать марровскую стадиальность с основными этапами исторической жизни. Ссылаясь на Н. Я. Марра, он писал, что язык и другие культурные и этнические особенности развиваются не только «по горизонтали», в результате слияния, расчленения или воздействия друг на друга различных этнических групп, но и «по вертикали», из стадии в стадию. «Поэтому языкам и национальностям современной Европы предшествовали некогда совершенно иные языки и этнические образования, сменившие в свою очередь еще более древние и примитивные языки и этнические группы»⁵. Сказать что-либо определенное на основании своего материала о яфети-

¹ А. Д. Удадьцов. Теоретические основы этногонических исследований, «Изв. АН. Серия истории и философии», 1944, № 6, стр. 259; его же. К вопросу о происхождении индоевропейцев, КСИЭ, т. I, 1946, стр. 16.

² А. Д. Удадьцов. К вопросу о происхождении индоевропейцев, стр. 18.

³ Там же, стр. 16—17.

⁴ А. Д. Удадьцов. Племена европейской Сарматии, СЭ, 1946, № 2, стр. 41 сл.

⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 9.

ческой стадии автор не мог и поэтому не вводил в свои работы это марровское понятие. Но вместо этого, отдавая дань марровской теории стадильности, автор писал о предках современных этнических групп, о предках славян, о предках угро-финнов и т. д., резко отделяя «стадию предков» от эпохи современных этнических групп.

В работе «Восточнославянские племена», опубликованной в 1948 г., автор намечал четыре группы древних племен Средней и Восточной Европы, составлявшие последовательные звенья одного процесса, завершившегося возникновением исторического славянства. Первую группу составляли древнейшие (III—начало II тыс. до н. э.) земледельческие племена Среднего Поднепровья, Поднестровья, поречья Дуная, Повисленья и бассейна Эльбы, связанные с древними культурами Передней Азии и обладавшие характерной земледельческо-скотоводческой культурой. Они рассматривались как древнейшие предки славянства. Во вторую группу включались пастушеские племена II тысячелетия до н. э., возникшие на основе первых в эпоху распространения металлов. Третья группа объединяла земледельческие скифские, лужицкие и некоторые другие племена Средней и Восточной Европы I тысячелетия до н. э. и рубежа н. э., знакомые с железом и плугом, достигшие последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, составлявшие обширные политические объединения и экономически связанные с рабовладельческими государствами Средиземноморья и Причерноморья. Эти племена — скифы и фракийцы, венеды и лугии, иллирийцы и кельты и ряд других — рассматривались как непосредственные предки славян.

Исходя из взглядов Н. Я. Марра, автор полагал, что возникновение древних славян, составлявших четвертую группу, на основе всех этих племен произошло в результате стадильного «взрыва» в развитии языка и этнического типа. Временем этого «взрыва», отделявшего славян от их предков, он считал рубеж нашей эры, «когда порывающие с первобытно-общинным строем племена — предки славян в условиях насыщенной бурными событиями исторической обстановки Северного Причерноморья и Прикарпатья, подобно металлам, попавшим в один горн, мало-помалу создали новый, ранее неизвестный сплав — славянские племена»¹.

Сказанное отнюдь не означает, что перечисленные выше древние племена нельзя рассматривать в качестве предков славянских народов. Они действительно являлись строитель-

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 56.

ным материалом при возникновении славянских народов — предшественников славянских наций, точно так же, как римляне, германцы, этруски, греки, арабы и другие племена послужили строительным материалом для итальянской нации, а галлы, римляне, бритты, германцы и др. для французской нации¹. Ошибка автора заключалась здесь, во-первых, в том, что все эти племена рассматривались как равноценные предки. Все они, по мысли автора, славянами или протославянами раньше не являлись. Но все они — и венеды, и лугии, и скифы, и иллирийцы и другие в определенный период в результате стадияльного перевоплощения стали славянами.

В действительности же перечисленные племена были далеко не равноценными предками славян. Одни из них — венеды, лугии, несколько раньше — невры и ряд других племен бассейна Вислы и Днепра являлись основными, главными предками — создателями и с глубочайшей древности носителями протославянского и впоследствии славянского языка. Скифы же или фракийцы, а также некоторые другие племена в разное время и в результате различных причин целиком или частично были поглощены и ассимилированы славянами и, таким образом, лишь косвенно принимали участие в образовании славянских племен. Их древние языки при встрече со славянским языком потерпели поражение и исчезли почти без следа.

Во-вторых, ошибкой автора было изображение в начале н. э. стадияльного взрыва, что отнюдь не основывалось на каких-либо фактических данных, а исключительно на концепции Марра. В области культуры рубеж нашей эры — время начавшегося распада у славян первобытного строя жизни, конечно, принес много нового. Иначе обстояло дело с развитием языка и этноса. Они не претерпели никакого взрыва. На рубеже нашей эры и в последующие века продолжалось постепенное развитие того языка, на котором говорило славянское или протославянское население предшествующих веков.

Так, по нашему мнению, должен решаться вопрос о предках славян. Перед археологами, языковедами, историками стоит большая и сложная задача: нужно определить для каждого исторического периода, какие же именно племена являлись славянами или протославянами, а какие племена становились славянами лишь в результате ассимиляции. Только идя по этому пути, возможно создать подлинную историческую картину славянского этногенеза.

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

3 Против вульгаризации марксизма

Говоря о предках славян, следует особо остановиться на одном вопросе, наиболее запутанном в трудах Марра и его последователей. Речь здесь идет о скифо-славянских отношениях и связях, о попытках изобразить скифский мир в качестве главного стадийного предшественника и предка восточных славян.

По Марру, скифы являлись яфетидами, в среде которых выделялся высший класс, вставший на путь иранизации. В качестве яфетидов скифы рассматривались Марром как предки самых различных этнических групп Восточной Европы и Кавказа, в том числе и славян. А так как подобное представление о скифах имелось в историографии еще и до Марра, скажем, в трудах И. Е. Забелина или Д. И. Иловайского, оно получило особенно широкое хождение как среди историков, так и среди археологов. Скифы стали изображаться в качестве главных предков восточных славян, а скифская государственность в Крыму и прилегающих частях Причерноморья в качестве чуть ли не славянской государственности¹.

«Среди древнейших государственных образований на территории СССР, — писал в 1947 г. С. В. Юшков, — особое значение имело скифское государство, поскольку некоторые народы, входившие в состав этого государства, были предками восточного славянства и, следовательно, русского народа». И далее, говоря, что в истории не может быть регресса, С. В. Юшков рассматривает государственную историю восточного славянства, как непосредственное продолжение скифской государственности². Последнюю он неправильно определяет как «дофеодальную», тогда как в действительности у скифов было государство раннерабовладельческого характера.

Не приходится говорить о том, что подобные взгляды на характер скифо-славянских отношений не имеют ничего общего с истинной историей. Они противоречат фактам и прежде всего тому давно установленному языковедами факту, что скифы говорили на иранском языке, который не был и не мог быть предшественником славянского языка. Отношения скифов и славян — это отношения соседей, различных не только по языку и культуре, но и по уровню социально-экономического развития. В скифское время северо-западные соседи скифов — славяне или протославяне были еще весьма далеки

¹ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. «Советский Крым», Симферополь, 1946, № 2, стр. 116; его же. Тавро-скифская экспедиция», «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», IV, вып. 3, 1947, стр. 291—292 и сл.

² С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. I, М., 1947, стр. 23, 58 и сл.

от государственности, и вести непрерывную нить от скифского государства к политическому устройству антов и Руси — значит допустить серьезную ошибку.

В эпоху своего наибольшего могущества скифы оказали, конечно, некоторое влияние на славян. Скифские изделия встречаются не только в соседних со Скифией славянских областях, но и в землях западных славянских племен между Вислой и Одером¹. После того как могущество скифов рухнуло, некоторая часть скифских земледельческих племен на рубеже и в начале н. э. была поглощена и ассимилирована славянами, что точно так же не могло не повлечь за собой проникновения в славянскую культуру, а возможно и в язык, некоторых скифских элементов. Следовательно, в известном смысле славяне — наследники скифов, а скифы — один из косвенных, второстепенных предков славян, подобный сарматам, фракийцам и ряду других более поздних причерноморских племен и народностей, в том числе и тюркоязычных, которые в разное время были поглощены восточным славянством.

Нетрудно убедиться, что такое решение скифского вопроса коренным образом отличается от концепции последователей Марра.

Можно было бы привести ряд трудов других советских историков, предпринимавших попытки, каждый по-своему, применить марровскую «теорию» стадиальности. Но и на основании приведенного материала вполне очевидно, что эта «теория» во всех ее «разночтениях» не принесла исторической науке ничего, кроме путаницы. Она противоречит фактическим данным, опыты ее применения сопровождались насилием над этими данными. Все попытки примирить марровскую стадиальность с этапами истории общества, установленными в трудах классиков марксизма-ленинизма, окончились неудачей.

3

И. В. Сталин указал, что одной из ошибок Н. Я. Марра была неправильная оценка роли скрещиваний в процессе развития языка. Скрещивания рассматривались Марром как одна из основных причин появления новых слов, грамматических форм и, наконец, новых языков, что происходило якобы путем скачка, взрыва. По мнению Марра, в результате скрещивания двух или большего числа старых языков мог возникнуть

¹ T. Sulimirski. *Kultura luzycka a Scytowie*. «Wiadomosci archeologiczne», XVI, Варшава, 1939—1948.

новый язык, не похожий ни на одного из своих предшественников.

Такая оценка роли скрещивания является глубоко ошибочной. «Скрещивание языков, — указывал И. В. Сталин, — есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи»¹. Скрещивание языков отнюдь не приводит к появлению нового языка, не похожего ни на один из скрещенных языков. При скрещивании один из языков выходит победителем, а другой постепенно отмирает. В истории языков имело место не только скрещивание, но и дробление: «... племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»².

Теория скрещивания направляла внимание лингвистов преимущественно на изучение отдельных элементов в языках, принадлежащих к различным группам (семьям), а изучение групп родственных языков всячески третировалось, рассматривалось как проявление теории «праязыка». «А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести лингвистике большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения»³.

Ошибочные положения Марра, связанные с неправильной оценкой роли скрещиваний в процессе развития языка, сказались и на исторических исследованиях, посвященных вопросам этногенеза.

Выше уже приводились отрывки из работ А. Д. Удальцова и автора настоящей статьи, в которых скрещивания в этническом развитии рассматривались как одно из условий стадийного скачка. Возникновение славян, в частности, изображалось как результат кратковременно протекавшего скрещивания и одновременно качественного переформления ряда древних племен Средней и Восточной Европы — предков славян. Такие же представления можно встретить в работах и других историков и археологов. «Лингвистическое учение Н. Я. Марра показало, — писал С. П. Толстов, — прежде всего, несостоятельность самого представления об этногоническом и глоттогоническом процессе, господствующего в индоевропеистике, противопоставив ему взгляд о ведущей роли социально-обусловленного языкового скрещивания, приводя-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 33—34.

шего к качественным трансформациям языков, и возникновения принципиально новых лингвистических общностей»¹. Славянство, по мысли С. П. Толстова, — «продукт скрещивания культурно-родственных между собой иллирийских, фракийских и западноскифских племен, «бесследно» исчезающих, чтобы по всей территории своего распространения уступить место славянам, в своем языке, культуре, антропологическом типе сохраняющим многочисленные особенности своих «предшественников», фактически предков»².

Довольно широкое распространение имела и переоценка значения скрещивания при одновременной недооценке роли дробления и расхождения родственных племен, что приводило к однобокому, неправильному изображению общей картины этногонического процесса.

Ошибочность всех этих положений несомненна, и нет необходимости на них останавливаться. Но необходимо обратить особое внимание на ошибочный, неисторический и немарксистский подход к значению скрещиваний, на неправильное понимание их роли на разных этапах этногонического процесса, в чем, как нам кажется, оказались повинными буквально все историки, археологи и этнографы, занимавшиеся вопросами происхождения народов.

Как уже было указано, Марр в своих сочинениях исходил отнюдь не из марксистских представлений об историческом процессе. Говоря о различных племенах и народах, о развитии их языков и о процессах скрещивания, он отнюдь не принимал во внимание, с какой степенью общественного развития имеет дело — с первобытно-общинным, рабовладельческим, феодальным или капиталистическим строем. Для него существовали, по сути дела, лишь яфетиды и неяфетиды, а также еще более неопределенное понятие «классы», являвшиеся якобы носителями особых языков.

Подобные же взгляды имели место и в трудах последователей Марра — археологов, этнографов и историков. Правда, нельзя сказать, что они смешивали между собой социально-экономические формации и такие категории, как род, племя, народность, нация, соответствующие определенным ступеням социально-экономического развития. В этногоническом процессе историки и археологи особо выделяли периоды, когда скрещивания, дробление и расхождение племен и народов протекали наиболее интенсивно. Было известно также, что на-

¹ С. П. Толстов. «Нарцы» и «Волхи» на Дунае, СЭ, 1948, № 2, стр. 10.

² С. П. Толстов. Этнография и современность, СЭ, 1946, № 1, стр. 9.

кануне возникновения классового общества, когда складываются народности, значительное распространение получали межплеменные языки, развивавшиеся на основе или языка господствующего племени или языков ряда родственных племен, и что из межплеменных языков возникали нередко языки народностей и т. д. Несмотря на все это, в работах историков не было четкого представления о том, что в разные исторические периоды глоттогонический и этногонический процессы имеют различные формы. Поэтому для правильного понимания природы этногонического процесса являются особенно важными указания И. В. Сталина по поводу характера скрещивания языков, сделанные им в работе «Марксизм и вопросы языкознания», а также еще раньше в работе «Национальный вопрос и ленинизм». Много ценных указаний по данному вопросу содержат работы Ф. Энгельса, взгляды которого на развитие языков и этнических групп нередко замалчивались, так как они находятся в явном противоречии с «теориями» Марра.

Говоря о скрещивании языков, И. В. Сталин указал, что в этом случае «... один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает»¹. В качестве примера И. В. Сталин привел русский язык, «... с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем»². Для классового общества — рабовладельческого, феодального, капиталистического, — а также, как нам представляется, для последней ступени в развитии первобытнообщинного строя, когда подчинение и порабощение одних племен другими было обычным явлением, результатом скрещивания было «... не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков»³, ассимиляция одних и победа других племен или народностей.

Особенно энергично протекал этот процесс в эпоху раннеклассового общества, до возникновения национальностей и национальных языков, до упрочения народностей и их языков. Достаточно указать хотя бы, как в I тысячелетии н. э. в течение всего лишь нескольких столетий по широким пространствам степей Азии и Европы, населенным разноязыч-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 53.

ными племенами, в результате экспансии тюркских племен и народностей распространился тюркский язык. Точно так же среди разноязычного населения римских провинций распространилась в свое время народная латынь. В течение I тысячелетия н. э. ряд не только мелких, но и значительных племен и народностей Европы вместе со своими языками навсегда исчезли, были поглощены и ассимилированы своими соседями. Так, в состав восточных славян в этот период вошло значительное число неславянских племен Поволжья, Севера, Прибалтики и Причерноморья — мурома, меря, весь, ряд чудских племен, остатки скифо-сарматского населения, фракийцы и даки, несколько тюркоязычных степных племен и другие, вклад которых в состав восточнославянских языков, если не считать топонимики — названий рек, озер, урочищ — оказался настолько незначителен, что лингвисты и этнографы так и не могут решить, в чем же именно этот вклад заключается.

В эпоху позднего феодализма, когда народности и их языки значительно окрепли, и в период капитализма, когда возникли нации и национальные языки, факты ассимиляции стали относительно редким явлением, несмотря на то, что политика ассимиляции сохранилась. В своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин писал, что «... нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-пруссские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать»¹. Эту же мысль, говоря об устойчивости национального языка, И. В. Сталин повторял в работе «Марксизм и вопросы языкознания»².

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в нашей стране открыли новую эру в развитии наций — эру социалистических наций, взаимоот-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347—348.

² См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

ношения между которыми, основанные на принципах ленинско-сталинской национальной политики, проникнуты духом взаимного уважения, нерушимой дружбы и тесного сотрудничества.

«... Политика ассимиляции, — указывал И. В. Сталин, — безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная»¹. В Советском Союзе наблюдается укрепление, рост и расцвет всех советских социалистических наций, являющихся «... гораздо более сплочёнными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общепородными, чем любая буржуазная нация»².

И. В. Сталин нарисовал величественную картину будущности наций и национальных языков после победы социализма в мировом масштабе, «... когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнёт будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества»³. В этих условиях будут выделяться сначала наиболее развитые, наиболее обогащенные зональные языки, которые впоследствии сольются в единый международный язык, «... который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»⁴.

Таким образом, массовая ассимиляция племен и народностей и их языков в период возникновения и развития народностей, упорное противодействие ассимиляции и отстаивание национальной независимости при буржуазном строе, отсутствие ассимиляции, подъем и расцвет наций и их языков в период социализма, постепенное слияние наций и возникновение единого мирового языка после победы социализма в мировом масштабе — вот грандиозная картина одной из сторон конкретно-исторического развития племен, народностей и на-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

² Там же, стр. 341.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 54.

ций, которая так ясно представлена в произведениях И. В. Сталина.

Возвращаясь к вопросу о происхождении народов, необходимо выяснить, какие особенности в этническом развитии имелись в эпоху первобытно-общинного строя, когда люди составляли такие этнографические общности, как род и племя, и когда лишь закладывались основы современных языков и этнических групп?

Господствующей формой этногонического процесса в эпоху первобытно-общинного строя, особенно на ранних его ступенях, являлось не скрещивание, а, наоборот, дробление племен и их языков. В условиях низкого уровня развития производительных сил, особенно при охотничье-рыболовческом хозяйстве, размеры первобытной общины были ограничены. И как бы медленно ни происходил ее естественный рост, рано или поздно наступал момент, когда община должна была разделиться на части. В том случае, когда разделившиеся общины продолжали обитать по соседству и не теряли друг с другом связей, они и в дальнейшем являлись носителем одного языка и одной родоплеменной культуры, возможно с незначительными диалектными и культурными особенностями.

То, что в результате естественного роста древних племен создавались нередко значительные родоплеменные группы, не может подлежать никакому сомнению. Классическим примером является изученное Л. Морганом ирокезское племя Сенека, состоявшее ранее из двух родов, а затем разросшееся до восьми родов, объединенных в две фратрии. Может быть, результатом естественного роста древнего племени являлась и вся ирокезская федерация, состоявшая из пяти племен, горювших на родственных наречиях одного и того же языка.

Такие возможности имелись, однако, далеко не везде и не всегда. Нередко, особенно в более позднее, неолитическое время, отделившаяся община должна была совершать далекое путешествие, чтобы отыскать для себя свободные охотничье-рыболовческие угодья или же она должна была отвоевывать эти угодья у других племен, вытесняя их с насиженных мест. И этнография и археология сообщают немало такого рода примеров. Так, в результате работ А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс установлено, что отдельные неолитические племена лесной полосы Восточной Европы совершали далекие путешествия из бассейна реки Оки на север, вплоть до территории нынешней Карелии. Само собой разумеется, что в этих условиях единые ранее первобытные языки в дальнейшем распадались на диалекты. Ф. Энгельс охарактеризовал этот процесс как «...новообразование племен и диалектов»

путем разделения...»¹. В течение тысячелетий таким путем могли создаваться обширные группы родственных диалектов и языков.

Вместе с новообразованием этнических групп и диалектов путем разделения в эпоху первобытно-общинного строя, как представляется, имело место и скрещивание языков и этнических групп, которое, однако, не может быть охарактеризовано как ассимиляция в обычном понимании этого слова. Это была своего рода «неполная ассимиляция». Условием, при котором совершалось скрещивание в первобытную эпоху, были обычно передвижения племен, когда сталкивались племена с разной культурой и языком. Условием «неполной ассимиляции» было отсутствие эксплуатации и порабощения одних племен другими, сравнительно слабые экономические связи между племенами и традиционная замкнутость родовых и племенных общин. В этих условиях язык более слабого племени либо сохранялся, но испытывал на себе очень сильное влияние языка более сильного племени, или же слабое племя получало новый язык, сохраняя в нем многочисленные элементы старого языка. Если в более позднее время, в эпоху классового общества, процессы скрещивания вели к уменьшению числа языков и диалектов за счет победы сильных языков над слабыми, то при первобытном строе процессы скрещивания вели к росту численности диалектов, они лишь усложняли и усиливали тот процесс дифференциации племен и диалектов, который являлся в первобытное время основным процессом². Такие же явления наблюдались и в области культуры. Другими словами, нам кажется, что теория субстрата и суперстрата, разработанная в лингвистике, в наибольшей степени применима именно к эпохе первобытно-общинного строя.

Особенно большое значение в эпоху первобытно-общинного строя имели передвижения племен, связанные с распространением новых форм хозяйства — скотоводства и земледелия. Скотоводы и земледельцы, если они хотели с успехом развивать хозяйство, должны были очень часто покидать те места, где они жили раньше, будучи охотниками и рыболовами, и искать новые, более благоприятные для нового хозяйства. К этому нужно еще добавить, что численность населения при наличии скотоводства и земледелия возрастала значительно быстрее, чем при охоте и рыболовстве, что послужило дополнительным стимулом для расселений.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 93.

² Т. С. Шаранзенидзе. Процессы дифференциации и интеграции языков, «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 77.

Среди археологов имеется мнение, что трипольские земледельческо-скотоводческие племена, обитавшие между Днестром и Днепром в III тысячелетии до н. э., как и близкие им племена нижнего и среднего течения Дуная, явились пришельцами из более южных областей — с Дуная или Балканского полуострова. Если это действительно было так, то можно себе представить, какое огромное влияние на жизнь местного населения оказало вторжение этих новых племен — носителей несравненно более высокой культуры. Они послужили источником распространения в среде местных племен новых форм производства и быта. Их язык, несомненно, так же должен был оказать серьезное влияние на местное население. Через несколько веков часть местных племен, вероятно, в значительной степени подверглась ассимиляции со стороны пришельцев, остальные же в той или иной мере испытали на себе их влияние.

Мы не будем здесь останавливаться на других передвижениях племен, отмечаемых археологами для периода распространения скотоводческого и земледельческого хозяйства (IV—II тыс. до н. э.), укажем лишь, что эти передвижения послужили, повидимому, важнейшим условием распространения в Европе и Азии индоевропейской речи.

Рассматривая сказанное выше лишь как предположение, как гипотезу, требующую разработки, автор считает, что вопрос об особенностях этногонического и глоттогонического процесса в эпоху первобытно-общинного строя, когда, как указал И. В. Сталин, были заложены элементы современного языка, является очень важным. Без его разрешения нельзя установить, как возникали основные этнические группы — индоевропейцы, угро-финны, тюрки, семиты и т. д., как возникли современные и древние этнические группы — славяне, германцы, кельты, фракийцы, грузины, армяне, иранцы и т. д.

4

И. В. Сталин, указывая, что язык, как средство общения людей, всегда был общим и единым для общества, что не было и не могло быть классовых языков, особо остановился на характере некоторых государств древности, которые не имели единого языка. «Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого, или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли

иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹.

Данная характеристика великих государств далекого прошлого является чрезвычайно важной для правильного понимания и освещения процессов происхождения и развития народов. Несмотря на то, что И. В. Сталин уже останавливался на этой теме в своем произведении «Марксизм и национальный вопрос»², в трудах некоторых историков тут допускаются значительные ошибки. Древние государства, подобные или близкие перечисленным выше, в трудах историков нередко наделяются чертами чуть ли не национальных государств, их историей заслоняется история входивших в их состав племен и народностей, от этих государств, а не от отдельных племен и народностей ведется начало современных национальностей.

Это относится не только к империи Кира или Александра Великого, но и к таким государствам Средней Азии, как Греко-Бактрийское царство, Кушанское царство, Парфянское государство и другие.

Если мы обратимся к учебнику по истории СССР для высших учебных заведений или к курсу истории государства и права, составленному С. В. Юшковым, а также к другим работам обобщающего характера, то нетрудно будет убедиться, что история этих государств, быстро возникавших, обычно кратковременно существовавших и также быстро распадавшихся, совершенно заслоняет жизнь и историю входивших в их состав племен и народов³. К этому следует еще прибавить, что в упомянутой книге С. В. Юшкова имеется ряд явных несуразностей. Большую часть древнейших государств территории СССР он определяет как дофеодальные. Он пишет, что в VI в. до н. э. отношения между древней Арменией и покорившим ее царством Кира были основаны на сюзеренитете-вассалитете, что предполагает наличие соответствующей экономической базы, что в I—III вв. н. э. «феодальный уклад в системе производственных отношений Армении стал превращаться в господствующий способ производства. Армянское общество делается феодальным, а Армянское государство превращается в феодальную монархию раннего типа». В Средней Азии в период державы Сасанидов черты рабовладельческого строя уже были изжиты, и здесь стали развиваться

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

² См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 290—367.

³ «История СССР», т. 1, изд. 2, 1947, стр. 25 и сл.; С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, М., 1947, стр. 22 и сл.

феодалные отношения и т. д.¹ Не приходится говорить о том, что изображение царя Кира в виде сюзерена и все другие попытки отнести возникновение феодальных отношений в Закавказье и Средней Азии к рубежу нашей эры являются не чем иным, как модернизацией древних государств, результатом непонимания их характера. Правы, несомненно, авторы «Истории народов Узбекистана», «Истории таджикского народа», «Истории Грузии», «Истории армянского народа», относящие начало развития феодальных отношений в Средней Азии и Закавказье к середине I тысячелетия н. э.²

Нам представляется также, что значительных уточнений требует и характеристика государства Урарту, в частности вопрос о месте этого государства в древнейшей истории Грузии и Армении, как известно, вызвавший среди некоторых грузинских и армянских историков значительные разногласия, которые до сих пор полностью не разрешены.

Так, например, в учебнике «История Грузии» государство Урарту представлено, как государство хетто-субарских племен, близких иберийцам, т. е. предкам грузинского народа³. «Этническая принадлежность халдов бесспорна, — говорится в учебнике, — они составляли часть грузинской народности»⁴. Более правильная, по нашему мнению, точка зрения высказана в «Истории армянского народа», где говорится, что «урартские племена растворились в слагавшихся армянском и грузинском народах»⁵. Но и здесь, по нашему мнению, следовало бы яснее подчеркнуть, что государство Урарту включало в свои границы различные племена, с различной культурой, оно было создано силой оружия, что и послужило важнейшей причиной падения Урарту.

Правильное понимание характера древних государств, возникавших обычно путем завоеваний и нередко распадавшихся после смерти завоевателя, гарантирует историков от идеализации этих государств, от переоценки их роли в жизни входящих в их состав племен и народов. Если мы обратимся, например, к древней истории Армении и сравним те характеристики, которые получают обычно государство Арташеса I и государство Тиграна II, то увидим, что государство

¹ С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, стр. 26, 29, 50.

² «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1949; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I, изд. 2-е, Госполитиздат, 1952; «История Грузии», т. I, Тбилиси, 1950; «История армянского народа», ч. 1, Ереван, 1951.

³ «История Грузии», т. I, стр. 32 и след.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ «История армянского народа», ч. 1, стр. 24.

Тиграна II изображается, как могущественная держава. В то же время известно, что политика Тиграна II, создавшего огромную армию, вставшего на путь завоеваний и грабежа покоренных стран, по сути дела окончилась крушением всех его планов. И отнюдь не римское завоевание сыграло роковую роль для державы Тиграна II, а именно его политика, которая привела государство к внутренней неустойчивости. Не настаивая на справедливости нашего мнения, полагаем, что время Арташеса I — это несравненно более важный период в древней истории армянского народа и развитии его государственности — время образования и укрепления суверенного, собственно армянского государства.

Неправильную характеристику в нашей исторической литературе получили также и некоторые раннесредневековые государства, подобные государству Карла Великого.

Трудно, например, согласиться с казахскими историками, авторами первого тома «Истории Казахской ССР», когда они, говоря о возникновении тюркского каганата VI—VIII вв. и характеризуя его как «дофеодальное» государство, изображают его по сути дела в виде национального государства с единой культурой¹. В состав каганата, как известно, входили самые различные и при этом разноязычные племена, покоренные тюрками силой оружия. В городах Семиречья звучала разная речь, там жили согдийцы, китайцы, сирийцы и представители других народностей, а не только тюркские племена². В свое время легенда о тюркском каганате как о едином государстве и о былом могуществе древних тюрков была создана историками-пантюркистами, и возродить эту теорию в какой бы то ни было форме нет ровно никаких оснований.

В трудах некоторых татарских и чувашских историков неправильное освещение получает Волжская Болгария, в результате чего между татарскими и чувашскими историками возникли значительные разногласия по вопросу о болгарском наследстве.

Волжская Болгария являлась раннефеодальным государством своеобразного облика. В ее состав входил ряд волгокамских племен, подчиненных завоевателям-болгарам, пришедшим из приазовских степей. Города Болгарии являлись крупными рынками, связывавшими Русь, Балтику и Север с Нижним Поволжьем и Средней Азией. Племена, входившие

¹ «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1949.

² См. С. В. Киселев. Древняя история Сибири, МИА, № 9, 1949, стр. 273 и сл.; А. Н. Бернштам. Чуйская долина, МИА № 14, 1950, стр. 71 и сл.

в состав Болгарии, как тюркоязычные (предки чувашей, татар, бургасы и др.), так и нетюркоязычные (предки удмуртов, марийцев, мордвы), полностью сохраняли свой образ жизни, за исключением лишь некоторых областей, где находились земельные владения болгарской знати. В городах Болгарии, кроме болгар и представителей местных племен, жили славяне, хазары, кипчаки, хорезмийцы и т. д. Судя по археологическим данным, феодальные владения болгарской знати, к которой примкнула, несомненно, и местная знать, имелись как на территории современной Татарии, так и на юго-востоке Чувашии. Понятно, что наследником болгарской культуры не может быть какой-нибудь один современный народ Поволжья, подобно тому как культурное наследство Киевской Руси принадлежит в одинаковой мере и русскому, и украинскому, и белорусскому народам.

Тем не менее некоторые татарские историки и лингвисты обнаруживают определенную тенденцию объявить поволжских татар прямыми и единственными потомками волжских болгар. Ту же тенденцию обнаруживают некоторые чувашские историки, следующие за своим крупным буржуазным историком и лингвистом Н. И. Ашмариним, который утверждал, что чувашаи — это болгары. Нельзя считать удачной также и появившуюся за последнее время теорию, рассматривающую татар, как потомков болгар, а чувашей — как потомков суваров, одного из близких болгарам племен¹.

Правильное понимание характера древних государств, возникших в результате завоеваний, предохранило бы от ошибок тех историков, которые допустили в своих трудах идеализацию хазарского каганата и гуннского государства. Как известно, хазарский каганат, включавший в свой состав различные кочевые племена и в значительной мере существовавший за счет грабежа соседей, бывший паразитическим государством, захватившим торговые пути Руси и Северного Причерноморья с Востоком, не имел прочной собственной экономической базы и, строго говоря, собственной культуры. В городах, существовавших на территории Хазарии, обитало пестрое разноплеменное население. В Итиле, столице Хазарии, был русский квартал, много жило там и хорезмийцев. В Итиле было семь судов: два — для мусульман, два для хазар иудейского вероисповедания, два для христиан и один — для всех других. Многочисленные ремесленники, жившие в этих городах, были главным образом пленными, пригнанными хазарами из соседних стран. Городская культура

¹ Сборник «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 135.

Хазарии — это конгломерат среднеазиатской, причерноморской, аланской и византийской, русской и других культур. Когда Хазария, как политическое целое, рухнула, рухнула и ее «культура». Кочевые племена, входившие ранее в состав каганата и составлявшие большинство его населения, были по сути дела чужды этой культуре, они были потребителями, но не создателями или носителями ее.

Все сказанное было известно, конечно, и раньше. Все это было хорошо известно и М. И. Артамонову, долгое время занимавшемуся историей и историей культуры Хазарии. Тем не менее Хазария до последнего времени получала в исторической и археологической литературе неправильную характеристику, и именно потому, что не был глубоко и всесторонне рассмотрен вопрос об экономической базе каганата, не были вскрыты происхождение и характер его «культуры». Все это в конце концов и привело к идеализации Хазарии, которую ставили в один ряд с другими раннефеодальными государствами, в частности с Древней Русью или среднеазиатскими государствами. Однако сказать, что Хазария — раннефеодальное или «дофеодальное» государство и полагать, что вопрос исчерпан, — значит совершить большую ошибку. Конечно, Хазария просуществовала значительное время, она была несколько более прочным государством, чем древние государства, — империи Кира, Александра, Цезаря и Карла Великого, указанные в трудах И. В. Сталина. Но ни хазарский каганат, ни другие паразитические в своей основе государства (аварский каганат, ряд тюркских государств в Азии), созданные в раннесредневековую эпоху завоевателями-кочевниками, не идут ни в какое сравнение с раннефеодальной Русью и другими средневековыми государствами, имевшими прочную экономическую базу и население, говорящее на одном языке.

Еще более паразитическими и поэтому непрочными являлись некоторые государства кочевников-завоевателей, существовавшие в более раннее время, примером чему служит государство гуннов, незаслуженно возвеличенное А. Н. Бернштамом в «Очерке истории гуннов»¹.

Опираясь на известные мысли Ф. Энгельса о германцах и других «варварах», которые участвовали в штурме Римской империи и «омолодили» Европу, А. Н. Бернштам полагает, что такую же прогрессивную роль в истории, причем не только Европы, но еще раньше и Южной Азии, в частности Китая, сыграли завоеватели-гунны, не понимая, что прогрессивная роль европейских «варваров» заключалась не столько в том,

¹ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Изд. ЛГУ, 1951.

что они воевали с Римом и ускорили его крушение, а прежде всего в том, что их общинный строй и земледельческая культура сыграли крупнейшую роль при формировании феодальных отношений. А в чем же заключается положительный вклад гуннов? Они грабили и поработали население Европы, опустошали обширные земли и недаром на Католаунских полях, ставших закатом гуннской державы, против них объединились многочисленные племена Европы.

А. Н. Бернштам пишет, что «гуннское нашествие разбудило варварские «запасы» племен, сломивших Рим, и в этом заключается всемирно-историческое значение гуннского похода на Запад, в этом заключается всемирно-историческая роль Атиллы». Но ведь известно, что борьба европейских племен с Римом началась задолго до гуннов. Можно подумать, что А. Н. Бернштам следует здесь за буржуазной историографией, которая считала, что борьба европейских племен с Римом была следствием прежде всего не внутренних причин, а внешнего толчка.

Гуннское государство, поработившее многие племена, государство разноязычное, на что указывал Приск Панийский, не сыграло положительной роли в историческом процессе; очень невелика была его роль и в этногоническом процессе, так как для ассимиляции одних языков другими, — длительно протекавшего процесса, характерного для этой эпохи, — гуннское паразитическое и грабительское государство не представляло подходящих условий.

* *
*

Мы остановились здесь лишь на трех вопросах: на ошибках в трудах советских историков, явившихся следствием некритического усвоения марровской теории стадиальности, на ошибках, связанных с неправильным пониманием роли и характера скрещивания в этногоническом процессе, и на некоторых неправильных оценках древних государств. В качестве материала автор смог использовать и назвать здесь лишь незначительную часть тех трудов советских историков, археологов и этнографов, в которых представлены указанные выше ошибки, рассматривая настоящую статью как незначительную часть большой и ответственной работы по критическому пересмотру трудов, посвященных вопросам происхождения народов, которую должны осуществить советские ученые и которая, следует отметить, развертывается далеко не достаточно.

В произведениях И. В. Сталина, посвященных языку и языкознанию, получили освещение все важнейшие вопросы

истории языка и этнических общностей, — вопросы о связи языка с историей общества, с историей таких общностей, как род, племя, народность, нация буржуазная, нация социалистическая. В них дан наглядный урок того, как нужно по-марксистски подходить к решению всех этих вопросов. Тем самым перед историками, занимающимися происхождением народов, раскрыты самые широкие возможности, чтобы избавиться от ошибок, связанных с концепциями Н. Я. Марра, и на основе теории марксизма-ленинизма дать полноценные научные исследования.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ Н. Я. МАРРА В АРХЕОЛОГИИ

Опубликование 20 июня 1950 года труда И. В. Сталина имело большое значение не только для языковедов, хотя, конечно, именно языковедам мешали работать антинаучные построения Марра. Для всех отраслей советской науки этот труд является неисчерпаемым источником творческих идей.

И. В. Сталин вскрыл в логически строгом порядке, закономерно начав с вопроса об языке и надстройке, корни теоретической неразберихи, созданной Марром. Ведь из признания языка надстройкой вытекало признание его классовости, по аналогии с другими надстройками, а отсюда признание стадийального и революционного развития языка от одного качества к другому; а отсюда отказ от изучения семей языков — изучения ненужного при признании этих прыжков со ступени на ступень; а отсюда для объяснения существующих схождений между языками — учение о скрещивании, как о гибридизации. Все это составляло систему ошибок, но, поскольку реальные языковые факты не укладывались в рамки марровских измышлений, были изобретены четыре элемента: сал, бер, ион, рош, от которых якобы произошли все слова всех языков мира, четыре элемента, при помощи которых можно доказать все, что угодно. Над четырьмя элементами у нас всегда издевались, но никто должным образом не знал, что все выводы во всех работах Марра (со времен создания им его «нового учения об языке») получены путем четырехэлементного анализа. Если его выбросить, то ничего не останется, да и сам Марр о значении этого анализа писал очень категорически. И вот даже ученые, не признававшие элементов (а их почти никто не признавал), постоянно ссылались на многочисленные выводы Марра, полученные путем четырехэлементного анализа, ссылались, как на высшую мудрость.

Раньше чем говорить о путях преодоления марризма в археологии и истории, надо подробно рассмотреть, в чем он здесь заключался.

Я вынужден привести в этой статье много цитат из работ Марра. Языковеды неоднократно говорили о Марре-языковедом. Но археологи и историки молчали о Марре-археологе и Марре-историке. Цитаты, которые я буду приводить, могут показаться удивительными и невероятными, однако я должен их привести, чтобы показать, куда вели археологов и историков Марр и его ученики.

Языковедческие построения Марра были созданы без привлечения археологических данных. Марр, настойчиво требовавший от археологов, как он говорил, «увязки нового учения об языке с историей материальной культуры», не мог сам указать никаких способов этой увязки. В его сочинениях археологические категории упоминаются редко и обезличиваются по довольно простому шаблону. Понятие «камень» возводится к понятию «рука» и понятие «железо» — к понятию «рука». «Топор» — тоже «рука» и «мотыга» — тоже «рука», и «нож» — тоже рука, и «кинжал» — тоже рука, и «меч» — тоже рука, и «копье» — тоже рука, и «щит» — тоже рука, и «кольцо» — тоже рука, и «печать» — тоже рука, и все это, конечно, получено путем четырехэлементного анализа, а самая рука тем же путем возводится к так называемому семантическому пучку «рука—женщина—вода». Все эти монотонные превращения находятся вне науки, но предположим на минуту, что они реальны. Все равно и тогда для археологических исследований они были бы безразличны: ведь никакие археологические выводы не могли бы быть основаны на этих тождествах.

Поэтому даже марристам было трудно привести примеры археологических выводов, полученных на основе теории Марра. Пример всегда приводился один и тот же: замечания Марра о средствах передвижения, говоря его словами, «домашних животных, равноправных или эксплуатируемых товарищей из состава первичных человеческих производственно-общественных организаций» (ИР, 2, 291)¹. Эта терминология довольно типична, дальше я буду еще говорить о своеобразном восприятии Марром марксизма. Домашние животные интересовали Марра, как средства передвижения. Основываясь на все тех же четырех элементах, он доказывал, что таким средством сначала были собаки, а затем их сменили ло-

¹ Ссылки на «Избранные работы» Марра даю сокращенно: ИР, первая цифра означает том, вторая — страницу.

пади. Он сослался здесь, в виде исключения, даже на раскопки: обилие костяков собак в нижнем слое Кобыкова городища на Дону он счел подтверждением этого своего вывода (ИР, 3, 47). Однако этнография, изучившая много примитивных племен, знакомых с собаками и незнакомых с лошадьми, знает ездовых собак только в Арктике, применение их в условиях умеренного климата затруднительно, а собачья сбруя археологам неизвестна. Предшественниками лошадей у Марра являются также олени. Эта гипотеза не столь оригинальна, Марр здесь следовал за Сирелиусом и Таном-Богоразом, но они говорили лишь о странах холодного климата, да и то неубедительно, а Марр чрезмерно обобщил их предположения. Подтверждением этих взглядов Марра многие считали маску лошади из Пазырыка, называя ее изображением оленя, но, как теперь доказано, это грифон. Смена ездовыми лошадьми ездовых собак и оленей немислима уже потому, что сама лошадь, как прекрасно доказано археологически, разводилась сначала для получения мяса и только позднее стала использоваться при передвижении и как тягловая сила.

Можно указать еще одно замечание Марра, имеющее отношение к истории материальной культуры: «Термин «лапоть», «лапти» унаследован русскими, казалось бы, от обществности того стадиального развития речи, в которой «рука» и «нога» носили еще одно название» (ИР, 4, 68). Итак, наши предки ходили в лаптях на четвереньках.

Марр, которого еще и сейчас кое-где называют великим археологом, для своих теоретических построений лишь подобным образом привлекал явления материальной культуры. Они не были нужны для его идеалистических схем.

«Великий археолог!» Этот титул еще недавно пытались сохранить за Марром. Между тем археологическая деятельность его была вредна, археологом он не был и не знал археологии. Надо привести примеры, показывающие, что нашей науки Марр не изучал вовсе и не хотел изучать.

Греческий автор Эфор приписал скифам изобретение гончарного круга. Страбон, возражая ему, сказал, что этот прибор известен уже Гомеру. Марр поправляет Страбона: «Совершенно непонятно, каким образом известность Гомеру гончарного круга опирачивается показание об его изобретении скифами: ведь это изобретение надо относить, конечно, не к эпохе исторической их жизни» (ИР, 5, 313).

Итак, президент Академии истории материальной культуры не знал, что скифская керамика, даже через много веков после Гомера, изготовлялась еще от руки. Да судя по этой фразе,

он и не понимал, что такое гончарный круг. Страбон, которому адресован этот высокомерный упрек, за две тысячи лет до Марра знал историю материальной культуры лучше Марра. Впрочем, вообще все успехи археологии XIX и XX вв. прошли мимо Марра.

«Откуда огонь? — спрашивает он. — Кто первый изобрел огонь? Тот ли, кто вызвал его случайно трением дерева о дерево или хотя бы ударом камня о случайно подвернувшийся слиток металла при валявшемся тут же труте, в который попала искра» (ИР, 3, 31). Нелепостей в этой фразе несколько, и они настолько элементарны, что на них и останавливаться не стоит.

Любопытно и такое восклицание: «Какое же первобытное мышление может быть, когда в неолите, да и на значительной глубине палеолита имеем уже письмо, а в неолитические эпохи обнаруживается совершенно разработанный алфавит» (ИР, 3, 46). Марр верил в подлинность глезельских подделок, но даже этим нельзя объяснить слова о палеолитическом письме.

Русские народные массы, по уверению Марра, «так и остались в общем на палеолитических и неолитических уровнях своей хозяйственно сродной культуры» (ИР, 2, 373). Эта клевета на русскую культуру свидетельствует, между прочим, что он не имел никакого понятия ни о славяно-русской археологии, ни о палеолите, ни о неолите.

Но он все же занимался археологией, и рассмотрение его археологической деятельности имеет некоторое значение для понимания его отношения к этой науке. Грандиозные раскопки в Ани доказывают его всегдашнее пренебрежение к историческим источникам вообще, к археологическим в особенности. Публикации анийских материалов в этом отношении показательны. Не изучены и не изданы многочисленные найденные при раскопках вещи. Ни орудия труда, ни оружие, ни украшения, ни посуда, — ничто не удостоивается внимания Марра; он только иногда бегло упоминает об этих находках без описаний. Даже встреченные в Ани ремесленные мастерские не описаны. Привожу чудовищную для каждого археолога фразу: «Без всяких подробностей я укажу еще на такой существенный факт, как находки нескольких плавильных горшков; в III районе улицы на одной стороне найдена мастерская металлических работ»¹. Чья это была мастерская? Металлурга? Кузнеца? Литейщика? Ювелира? Даже это неизвестно.

¹ Н. Я. Марр. Ани. Л., 1934, стр. 96.

Марр начал анийские раскопки в 1892 г. и тогда же прислал в Археологическую комиссию такое сообщение: «Результат вполне удовлетворительный в том смысле, в каком можно ожидать всегда результатов от раскопок в Ани: вещественных находок никаких, но зато богатый материал по истории армянского искусства, архитектуры, скульптуры и даже живописи»¹. Вещественных находок, как и во всех городах, было много, но он их выбросил. Судя по беглым упоминаниям в отчетах, анийские слои чрезвычайно насыщены вещами. Отчеты Марр посвящал открытым при раскопках зданиям, но и то почти никогда не давал чертежей. Столь же показательно полное невнимание к стратиграфии. Слои многослойного городища не изучены, и хронологические соотношения зданий поэтому не выяснены. Тем самым и описания этих зданий становятся бесцельными, а больше ничего в анийских отчетах нет. Это не помешало В. И. Равдоникасу заявить: «Анийские полевые традиции бесспорно должны лежать в основе методики советской археологии»². Не знаю, чем объяснить столь грубую лень. Вообще ученики Марра говорили, что раскопки в Ани были для своего времени передовыми; это неверно, все русские археологи конца XIX и начала XX в. копали лучше, примеров можно привести сколько угодно (В. И. Сизов, А. А. Спицын, В. А. Городцов, Б. В. Фармаковский, В. Л. Вяткин, В. В. Хвойка, В. В. Шкорпил, Н. Н. Новокрещенных, Ф. Д. Нефедов и многие другие).

Рассмотрим, каким же был Марр историком. Высказывания его по историческим вопросам отличались своим антимарксизмом и искажениями фактов. При их анализе надо, конечно, учитывать, что при жизни Марра у нас еще проповедывались всяческие псевдомарксистские теории и что этот человек, плохо знавший историю, мог легко их воспринимать. Но такая поправка на эпоху мало меняет характер высказываний, они и для той эпохи были совершенно неприемлемыми, что можно установить на ряде примеров.

Не буду подробно говорить о пресловутых классах в доклассовом обществе, хотя это любимое утверждение Марра. Об этом все теперь знают. Приведу по этому поводу только одну цитату из работы Марра: «Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляют ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается

¹ В. А. Миханкова. Н. Я. Марр. Л., 1948, стр. 46.

² СА, IV, стр. 6, см. также СА, X, стр. 327.

в серьезных поправках» (ИР, 3, 75). Марр даже не понимал, что это не «гипотеза Энгельса», а одно из основных положений марксизма-ленинизма.

По более поздним эпохам высказывания Марра столь же странны и неизменно идеалистичны. Например, возникновение ремесел он представлял себе в виде «перерождения племен с тотемами в средневековые цехи» (ИР, 5, 124). Этот фантастический способ неприемлем для любого историка и непримирим с марксистско-ленинским учением о роли разделения труда в процессе классовообразования.

Вообще основные положения исторического материализма по вопросу о классовообразовании Марром отрицались на основе его знаменитого учения о классовости языка. Он писал, например: «Нами уже указано, что организующий социальный слой сосредоточивался в городах, что в древности города заняты были, как организующие центры, населением особого племенного состава. Народ-строитель городов это господствующий или руководящий класс» (ИР, 5, 366). Итак, господствующий класс имеет особый племенной состав. Кстати, то же самое утверждали наиболее оголтелые расисты. Но никто, кажется, еще не утверждал, что этот класс сплошь заселял города.

Учение о классовости языка привело Марра к полному смешению этнических и социальных различий. Он писал, например, что расхождение римской лексики с греческой и этрусской есть «продукт различия социального строя у римлян с этрусками, более того, различия социального, или, как обычно принято выражаться, племенного состава у римлян с греками». В чем эти социальные различия заключались, он, как всегда, умолчал, зато непосредственно за этой фразой следует такая: «Кстати, я вспомнил сейчас про КИПС Всесоюзной Академии Наук, т. е. про Комиссию по изучению племенного состава населения СССР, где имею честь заведывать Кавказским отделом, и ставлю вопрос: не лучше ли было бы переименовать эту комиссию в КИСС, т. е. в Комиссию по изучению социального состава населения СССР» (ИР, 3, 157). Таким образом, даже в советских республиках Марр отождествлял этнические различия с социальными. Не знаю, думал ли он о том, какие политические выводы влечет за собой такое отождествление.

Историкам античности Марр и его ученики долго и назойливо навязывали в качестве величайшей научной истины отождествление плебеев с пеласгами и этрусками, отождествление, полученное, конечно, как всегда, только путем четырехэлементного анализа этих трех названий. Марр на основе

этого анализа прямо утверждал: «Плебейское сословие выработалось, следовательно, из племени пеласгов или этрусков» (ИР, 3, 13). Это он повторил много раз, вопреки всем историческим источникам, в качестве универсального объяснения римской классовой борьбы. Социально-экономически объяснять борьбу плебеев он и не пытался. А о борьбе рабов он и не вспоминал. И вообще в его сочинениях ничего нет о рабовладельческом строе античного мира, да и самое слово «рабство» упоминается редко и случайно.

О феодализме и феодалах Марр говорит много раз, но только в связи с измышленными им феодальными языками, совершенно не касаясь социально-экономического строя, и даже остается неизвестным, что он подразумевал под словом «феодализм».

Смешав классовые и национальные различия, Марр проповедывал чувашам в Чебоксарах, что русский народ (именно народ) — враг чувашей. «Здесь, — говорил он, — в волжско-камском мире, вообще на севере, местные верования и эпические сказания, искони родные для первоначального населения края, чувашей, и кровно родственных тогда с ними, еще не финнизированных и не славянизированных народов — яфетидов, северных сарматов и русов, могла сохранить лишь письменность народа, и религиозно, и классово-национально враждебного им, — народа христианского и индоевропейского — русского, который и использовал их для построения своей первоначальной легендарной истории» (ИР, 5, 361).

Идеалистическая методология приводила Марра к самым противоестественным сопоставлениям несопоставимых явлений, например: «Энгельс поднимал перчатку, давно брошенную «культурным» Римом «некультурным» германцам в первые два века христианской эры. Перчатка, брошенная древним римским культурным миром в лице историка Тацита, германцам, как варварам, была поднята Лютером» (ИР, 2, 448). Эта перчатка, довольно долго лежавшая и поднятая не то Лютером, не то Энгельсом, свидетельствует, между прочим, что Марр, даже в конце своей деятельности, признавал извечность борьбы романского мира с германским. Здесь, как и в ряде других случаев, он опять близок к расизму.

Многие исследователи, пытавшиеся найти здоровое ядро в учении Марра, ставили все же ему в заслугу именно борьбу с расизмом. Борьба эта сводится к ряду отождествлений расизма и индоевропеизма, что совершенно голословно. Конечно, все расисты — индоевропейцы. Но все виднейшие представители индоевропеизма не были расистами, они всегда

говорили о несовпадении лингвистических и антропологических делений человечества. Расисты, вопреки фактам, провозгласили связь языковых семей с расами. Марр исходит в своей аргументации из признания той же связи, только он предпочитает отрицать самые языковые семьи, поэтому его учение есть расизм навыворот. Никаких опровержений расовой теории у него нет, он отделяется фразами вроде: «Необходимо ли единое расовое происхождение собачки и пастуха, чтобы объяснить бесспорную общность их речи» (ИР, 4, 6).

Даже в конце своей деятельности Марр с восторгом отмечал совпадение некоторых своих взглядов со взглядами реакционнейших зарубежных ученых. Известнейшим фашистом среди археологов является Менгин. Марр в 1932 г. писал в немецкой статье: «Я чрезвычайно благодарен проф. Менгину, который в своем одновременно с моим курсом вышедшем произведении «История человечества и каменный век» занимается в отношении яфетической теории, нашедшей вообще понимание немецких ученых кругов Вены, искреннюю и лишенную предрассудков позицию» (ИР, 2, 305). В следующих строках Марр касается одного археологического спора. Спорили Менгин, уже тогда гитлеровец, впоследствии гитлеровский министр, включенный в список военных преступников, и Бош-Гимпера, испанский археолог, впоследствии министр испанского республиканского правительства, а затем политэмигрант. Бош-Гимпера занял в этом споре прогрессивную позицию, отстаивая самобытность Испании в бронзовом веке. Марр всецело против него на стороне Менгина, сославшегося здесь на Марра.

Но что это за «понимание немецких ученых кругов Вены»? Об этом понимании Марр писал много раз. Он говорил с 1928 г. о «появлении яфетидологической ячейки в Венском университете» (ИР, 5, 397), которую возглавил Блейхштейнер, верный ученик знаменитого клерикального лингвиста и этнографа Шмидта. Марр знал, кто такой Шмидт, титуловал его кардиналом. Вызвавшие восторги Марра яфетидологические статьи Блейхштейнера были напечатаны, одна в руководимом иезуитами журнале «Антропос», другая с посвящением самому кардиналу Шмидту, который, говоря словами Марра, «первый ознакомил Европу с достижениями яфетической теории» (ИР, 5, 434). Тем не менее Марр называл Блейхштейнера: «наш венский последователь» (там же) и даже выдал ему такой аттестат: «Блейхштейнер не только использует положения яфетической теории по части формального порядка, но все с большей и большей полнотой, захватывая и идеологическую сторону, усваивает ее методы» (ИР, 5, 399).

Я должен особо подчеркнуть, что все приведенные мною цитаты взяты из пяти томов «Избранных работ» Марра (если не считать анийских отчетов). Но уже и эти цитаты говорят сами за себя.

Воинствующий идеализм под маской материализма — таково объективно было мировоззрение Марра. Сам он, очевидно, считал свои взгляды материалистическими, но это не меняет их сущности. Для всех его статей с тех пор, как он создал свое пресловутое «новое учение», характерно пренебрежение историческими особенностями областей и этнических групп, антиисторизм. Исторический процесс обесцвечивался и упрощался предельно. Всюду четыре элемента в одних и тех же примитивных комбинациях, всюду однообразные стадийные превращения и однообразные скрещения, всюду одинаковые проявления классовости языка.

Схематизм, антиисторизм и субъективизм Марра каждому историку должны напомнить схематизм, антиисторизм и субъективизм М. Н. Покровского. И не случайно именно Покровский первый объявил Марра марксистом. Он создал ему в ряде выступлений настоящую рекламу; процитирую одно из них: «Если бы Энгельс жил между нами (неизвестно, почему ему понадобился именно Энгельс. — А. А.), теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания человеческой культуры»¹.

Узнав, что его называют марксистом, Марр заявил: «Тем лучше для него (для марксизма. — А. А.) и тем хуже для его противников, так как в реальности положений яфетического языкознания факты не позволяют сомневаться» (ИР, 1, 199). Вот еще подобное заявление: «Если бы Маркс воскрес и обратился к тому, что происходит в части исследовательской работы и практики в пределах Советского Союза, он увидел бы громадную, неслыханную практику со сдвигами в теории по всей стране и изумительные положения нового учения о языке» (ИР, 2, 452).

Особенно раздражали Марра попытки критики марризма с марксистских позиций. Вот как он на них отвечал: «Всякая сволочь, зарубежная не только (чорт с нею), но и у нас выступает, да еще «в защиту марксизма» от этого марксистского учения» (т. е. от «нового учения» о языке. — А. А.)². Другой образец его полемики: «Послушайте только, какую

¹ «Известия», 23 мая 1928 г.

² ПИДО, 1935, № 3—4, стр. 195.

древность, не стесняясь, позволяет себе говорить про новое учение об языке какой-нибудь рыцарь печального образа по литературоведению, думающий говорить марксистски и пролетарски организовать русскую литературу»¹. Впрочем, отношение Марра к критике — это особая тема. Примеров такой нетерпимости в истории русской и советской науки нет. На научные возражения он отвечал только голословными и грубыми обвинениями своих критиков в невежестве или в недобросовестности.

Увы, среди этих критиков не было ни одного археолога и ни одного историка. Все мы, археологи, сотрудники Института, носившего имя Марра, несем за это ответственность; все мы не выполнили своего долга; мало того, многие ссылались на Марра, кто изредка, кто часто. Я не собираюсь хвалиться тем, что я ни в одной из своих работ не сослался на Марра, за что на меня нападали его жрецы. Гордиться тут нечем: во-первых, я тоже отдал известную дань марризму, вставив в две мои статьи по несколько строк явно марристских, хотя и без ссылок на Марра²; во-вторых, молчание — плохой метод борьбы. Многие археологи молчанием отвечали на призывы Марра «увязывать новое учение об языке с историей материальной культуры». На это молчание сотни раз жаловался Марр.

Но многие все же начали «увязывать», хотя никто не знал, как за это приняться. Такие опыты продолжались до 1950 г. Если бы я попытался дать полный обзор их, статья растянулась бы невероятно. Ограничусь несколькими, наиболее яркими примерами.

Больше всего примеров подобного увязывания можно извлечь из сочинений В. И. Равдоникаса. Этот археолог вообще наиболее восприимчив ко всем веяниям, лишь бы они были вредные. Вспомним его клеветнические отзывы о древнерусской культуре, о русской науке, принижавшие русский народ. И марризм он воспринял образцово, более последовательного марриста среди советских археологов нет и не было.

Народы, под пером многих марристов, сменяли друг друга при помощи марровских взрывов, фантастичность которых показана И. В. Сталиным. Обычно речь шла о прыжках с так называемой яфетической стадии на индоевропейскую. Равдоникас рассказывал нам о феерических превращениях исторически известных народов, неуместно играя при этом марксистской терминологией. Например: «Старые производственные отношения этого не допускали. И они были сняты. Вместо

¹ ПИДО, 1935, № 3—4, стр. 248.

² ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 41; СЭ, 1946, № 1, стр. 85.

однотипных раздробленных матриархальных групп киммеров возникает сплоченное родоплеменное общество скифов»¹. Или: «Готская проблема есть в первую очередь проблема феодализации... , причерноморские готы автохтонно и стадияльно образовывались из ранее бывших здесь племен путем скрещения в период возникновения феодализма»². Здесь и скрещение, и стадияльность, и прочие заклинания, необходимые для подобных фокусов.

Марровское смешение этнических и социальных категорий, возникшее на базе учения о классовости языка, типично и для Равдоникаса. Например: «Хазары были скорее всего высшим социальным слоем, жившим в городских центрах феодального общества»³. Или: «Невозможно не соглашаться с тем же Марром, когда он говорит: «иранское течение или турецкое влияние требует расшифрования не как мистическое национальное или расовое содержание, а как производственно классовое»»⁴. Несмотря на слова «мистическое национальное», мистика все же была здесь на стороне Марра.

«И не смешно ли говорить, — продолжает Равдоникас, — об обособленности финского, славянского и т. д. миров, когда палеонтология речи вскрывает такие, например, связи: вотское слово «валь» — «лошадь» при более ранней космической семантике, когда лошадь сопоставлялась с солнцем на конях, с утренней зарей, с утром, есть то же, что грузинское «квале» — «утром»»⁵. Какие уж тут границы между финнами и славянами, если грузинское утро превратилось в удмуртскую лошадь. Типичный аргумент и типичная логика марриста.

Марр изобрел тотемическую и космическую стадии первобытного мышления, а Равдоникас подобрал к ним иллюстрации, написав статьи «Элементы тотемических представлений в образах наскальных изображений» и «Элементы космических представлений в образах наскальных изображений». Там он, между прочим, советует археологам «принять первобытное мышление». «Тогда, — уверяет он, — и семантические пучки Марра не будут казаться фантастическими»⁶. Таким образом, надо стать первобытным человеком, чтобы понять Марра. Думаю все же, что это поклеп на первобытных людей.

Много вообще вреда причинили археологии марровские

¹ «Готский сборник», Л., 1932, стр. 62.

² Там же, стр. 86—87.

³ Там же, стр. 88.

⁴ «За марксистскую историю материальной культуры», Л., 1930, стр. 81.

⁵ Там же, стр. 87.

⁶ СА, IV, стр. 28.

представления об истории мышления. Марр приписывал первобытным людям смешение всех понятий и отрицал их способность логически мыслить. Это противоречит всей истории производственных достижений первобытного человека и тесно связано с домыслами идеологов империализма, тоже провозгласивших психику так называемых «дикарей» психикой низшего порядка. Утверждения Марра о древнем тождестве бесчисленных понятий, произвольно подобранных им в так называемые «семантические пучки», часто цитировались археологами, которые иллюстрировали эти пучки древними культовыми фигурками, стараясь доказать, что птица и женщина одно и то же, что женщина и змея одно и то же и т. д.

Марровские монотонные утверждения о связи множества современных слов с понятием «рука» вдохновили Равдоникаса на следующее заявление: «Эти положения, выведенные чисто лингвистическим путем (с помощью палеонтологической речи), проливают свет на процесс очеловечения обезьяны, в котором именно развитие руки, обусловленное началом трудовой деятельности, имело важное значение»¹. Гениальное открытие Энгельса — роль труда в процессе очеловечения обезьяны — искажено здесь измышлениями Марра, результат получился, конечно, только карикатурный. Обезьяна сама на современных языках рассказывает о своем очеловечении.

Другие археологи с большей осторожностью подходили к марровским «теориям», чем В. И. Равдоникас. Но осторожность здесь недостаточна. Увлечение марровскими теориями довело А. Н. Бернштама, например, до таких утверждений по вопросу о гуннах, тюрках и монголах: «Мы считаем возможным утверждать, что все указания на общность указанных племенных образований не дадут ничего более, как установление общих для истории турок и монголов стадий, в частности гуннской». Гунны, как скифы у Марра и Равдоникаса, превратились в стадию, да еще общую для турок и монголов. Это привело Бернштама к археологическим выводам: «Некоторой аналогией для этой стадии являются скифы, исследованные Марром. В частности, не случайно отмеченный рядом ученых скифо-сарматский звериный стиль указывает на эту общность»². Трудный вопрос о тождестве звериного стиля Восточной Европы и Сибири разрешается, таким образом, без всякого труда при помощи голой марровской фразеологии. А. Н. Бернштам закончил когда-то свою статью о Марре словами: «Я не его ученик, но я его наследник»³.

¹ «История первобытного общества», т. I, Л., 1939, стр. 59.

² ПИДО, 1935, № 5—6, стр. 46.

³ Там же, № 3—4, стр. 169.

Шумиха, поднятая марристами в последние годы вокруг имени Марра, нашла отзвук и на страницах журналов. Так, в передовой статье «Вестника древней истории» (1950, № 1), посвященной Марру, было сказано между прочим: «Теперь мы видим, что труд Марра не пропал даром, он приносит богатые плоды в области советской истории материальной культуры» (стр. 10). Труд все же пропал даром — плоды оказались кислыми.

Археологи неправильно считали заслугой Марра борьбу с миграционизмом, который, действительно, долго задерживал развитие нашей науки. Буржуазная археология постепенно выродилась в бессодержательную науку о переселениях и заимствованиях. Закономерности общественного развития не изучаются буржуазной наукой и устанавливаются только марксизмом-ленинизмом. Все коренные изменения в материальной культуре зарубежные археологи объясняют сменой племен, миграцией, все частные — влияниями, заимствованиями. Исследуя социально-экономическое развитие, советские археологи выяснили тем самым на множестве конкретных примеров для всех эпох и многих стран подлинные причины крупных и мелких видоизменений материальной культуры, затемненные в буржуазной науке. При этом показано, что явления культуры, в том числе материальной, развиваясь в разных странах по общим закономерностям, приобретают вследствие этого черты некоторого формального сходства. Подобное сходство буржуазные ученые объясняют переселениями и заимствованиями, между тем оно обусловлено социально.

Советская археология не отрицает ни переселений, ни заимствований, но они сами социально обусловлены и не являются ни движущей силой исторического процесса, ни основным его содержанием; да и происходили они гораздо реже, чем думают буржуазные археологи. В ранних своих яфетидологических работах Марр был крайним миграционистом, затем стал автохтонистом и довел автохтонизм до абсурда, отрицая и исторически реальные переселения и заимствования (изучать которые мы должны, ведь без этого немислимо изучение этногенеза). Впрочем, отрицая реальные миграции, он конструировал самые фантастические миграции, никакими историческими или археологическими материалами не подтвержденные, лишь для оправдания своих четырехэлементных скрещений.

Мы должны бороться с пережитками влияния пресловутой школы заимствований, препятствовавшей правильному пониманию генезиса и характера любой национальной культуры. Литературоведы не прекращают борьбы с традициями

А. Н. Веселовского, подобные традиции были и в археологии, и в этнографии, и в истории, и в истории искусств. Всякую культуру представители школы заимствований сводили к сумме влияний. Вспомним, к каким позорным для науки результатам привели тенденциозные поиски византизмов и германизмов в древней Руси, арабизмов и иранизмов в Средней Азии. Любопытно, что и Марр, даже в последний период своей деятельности, не отказался от порочных теорий, выработанных создателями школы заимствований, вопреки уверениям его учеников. Его концепция сложения всех языков мира и всех культур из одних и тех же четырех элементов заставляла его во многих случаях объяснять такие явления не только конвергенцией, но и заимствованием. Я уже говорил, как Марр, совместно с Менгином, выступая против Бош-Гимперы, отрицал самобытность Испании в бронзовом веке. Владимиро-Суздальское зодчество он, споря с К. К. Романовым, всецело сводил к кавказским влияниям. Он, впрочем, и сам признавал всегда связь своих взглядов со взглядами лидера школы заимствований, известного космополита Александра Веселовского. Резко отрицательно отзываясь о других индоевропейцах, он ставил его (в конце своей деятельности) в пример археологам: «А. Н. Веселовский, академик, революционизировавший было речевую культуру в части литературоведных и фольклорных интересов, тогда как лингвистика по увязке с жизнью не пошла теоретически дальше этнографического эмпиризма, ведь факт: ни одного историка материальной культуры, ни одного археолога вне власти формального учения» (ИР, 4, 258).

С искоренением марровских влияний тесно связано распространение должного уважения к древним вещам. Марр и марристы широко распространили пренебрежительное к ним отношение. По примеру Марра многие археологи посвящали свои публикации почти исключительно открываемым при раскопках постройкам, пренебрегая находимыми вещами. При всей важности этих построек такая односторонность вредна. Донекие некоторые археологи не занимаются должным образом орудиями труда, несмотря на прямые указания Маркса и Сталина об их значении. Недостаточно внимание к оружию, без знания которого нельзя создать историю военного дела, и к украшениям, которые являются надежнейшими племенными признаками. Посудой занимаются больше, но обычно без должного статистического изучения, а она важна именно тем, что в силу своей массовости годится для такого изучения. Под влиянием марристов, многие археологи стеснялись определять, классифицировать и хронологизировать археологические на-

ходки. Боялись упреков в вещеведении. Изобретенный Марром двусмысленный термин «вещеведение» покрывал совершенно разнородные явления: с одной стороны, буржуазную фетишизацию вещей и буржуазные представления о их саморазвитии, с другой стороны, необходимое источниковедное изучение вещей, то изучение, без которого археология перестает быть наукой. Нельзя, конечно, подражать тем буржуазным ученым, для которых изучение вещей является самоцелью. Но не всегда у нас сознают, что без сложного и длительного исследования древние вещи немые, и основанные на них выводы произвольны. Это источниковедное исследование должно быть подчинено задачам, выдвигаемым марксистско-ленинской исторической наукой.

Работы по этногенезу надо вести на основе тесного контакта и сотрудничества историков, археологов и лингвистов. Эти работы должны вдохновляться словами И. В. Сталина о развитии «... от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»¹. Древняя множественность языков (поскольку древних родов было много) принадлежит к основным положениям марксистского языкознания, но Марр и его последователи антинаучно толковали эту множественность: ссылаясь на нее, они отрицали генетическое родство внутри современных языковых групп. Единственный возможный путь исследования открыт И. В. Сталиным: «... при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает»². Именно такими языками-победителями были, надо полагать, древнеславянский и т. п., поглотившие в свое время много языков и распространившиеся на огромные территории, а затем распавшиеся, породив современные языки. Но и дальше шел процесс скрещивания по тем же закономерностям, и для нас, специалистов по древней Руси, огромное значение имеют слова И. В. Сталина: «Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем»³.

Но вернемся к вопросу о происхождении семей языков. Что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

² Там же, стр. 29—30.

³ Там же, стр. 30.

конкретно-исторически представляли собой языки-победители? Из них хорошо известен лишь предок романских языков. Латынь сначала была языком маленькой части Италии (Лациум), затем большей ее части, затем многих (хотя далеко не всех, против этого понимания работа И. В. Сталина нас тоже предостерегает) романизованных областей Испании, Галлии и других провинций. Латынь при этом несколько видоизменялась, превратившись в так называемую народную латынь, которая потом распалась на ряд романских языков; это общеизвестно, это подтверждено изучением множества древних надписей, и надо было быть Марром, чтобы против этих бесспорных положений возражать. Но мы имеем все основания полагать, что прочие семьи языков образовались тоже на основе каких-то языков-победителей, как и романская семья, вполне им подобная (хотя различными путями и в иных исторических условиях).

Довольно вероятно, что максимальная (конечно, не первичная) языковая общность была достигнута иранцами в процессе совместной борьбы с Ассирией, Урарту и Эламом; германцами в процессе совместной борьбы с галлами и Римом; славянами в процессе совместной борьбы с Византией и германцами (здесь имеется в виду максимальное территориальное распространение древних общих языков). Какие именно племенные языки оказались победителями при сложении древнеиранского, древнегерманского, древнеславянского языков, мы пока сказать не можем; эти языки, в отличие от древнероманского, развивались не в условиях классового общества и не под наблюдением историков. Нельзя отрицать, что сближение племенных языков во многих случаях облегчалось их древним родством. Конечно, славяне, например, существовали задолго до борьбы с Византией и германцами. Вероятно, правы археологи, говорящие о славянах бронзового века. Но до раннего средневековья славянская территория была сравнительно невелика, а славянские племена разобщены. Консолидация стала возможна лишь в процессе великой совместной борьбы, в итоге которой многие неславянские племена ославянились, а славянские сблизились на единой основе.

Объяснить реальные связи между индоевропейскими языками археологи и лингвисты должны путем совместных усилий. Никто не может сразу, в несколько месяцев, решить возникшие перед нами проблемы, необходимы годы интенсивной научной работы. Перед археологами здесь интересные задачи. Ведь многие, притом важнейшие для сравнительного языкознания, слова обозначают явления материальной куль-

туры, а мы знаем, когда эти явления возникли и как распространялись, и мы можем оказать здесь помощь языковедению, освобожденному от марристских пут. Особенно важна здесь история скотоводства и связанных с ним социальных образований, поскольку несомненно, что индоевропейская общность могла возникнуть только в какой-то части широкой полосы скотоводческих патриархальных племен бронзового века Европы и Азии, хорошо известных археологам.

Связь скотоводства с патриархатом, установленная еще Ф. Энгельсом, подтверждена теперь многими археологическими открытиями. Закономерно среди важнейших слов, объединяющих индоевропейские языки, имеются термины родства, говорящие о патриархальных отношениях, а также имена домашних животных. Изученные археологами древнейшие скотоводы Европы и Азии составляли несколько общностей, различаемых преимущественно по керамике и по погребальным обрядам; социально-экономических различий почти нет; область этих скотоводов тянется от Атлантического до Индийского океана сплошной полосой. Сходство некоторых металлических изделий в разных концах этого огромного мира говорит об оживленных культурных связях.

Несомненно, эти скотоводы были разноязычны: характерно, что область их распространения на северо-восток доходит до Енисея. Но индоевропейские племена, проникшие в эгейский мир, Малую Азию, Иран и Индию с севера, могли выйти только из этого мира первобытных скотоводов, прилегавшего с севера ко всем древневосточным цивилизациям.

Совместные усилия археологов и лингвистов помогут территориально и хронологически определить область древних индоевропейцев. Лингвистам-марристам ничего этого не было нужно, они имели на все готовые ответы чисто дедуктивного происхождения и совершенно не интересовались никакой археологической конкретностью и никакой исторической конкретностью вообще. Будем надеяться, что лингвисты, строящие теперь советское языковедение, проявят должный интерес к истории вообще, к археологии в частности. Нельзя решать индоевропейскую проблему, исходя только из чисто лингвистических постулатов, пренебрегая исторической обстановкой и социально-экономическими условиями. Надо помнить слова И. В. Сталина: «... язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык...»¹.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, стр. 22.

Положение о том, что «... культура и язык — две разные вещи»¹, недостаточно учитывается археологами. Не касаюсь здесь вопроса о термине «археологическая культура», это совершенно особая тема. Речь идет о культуре в общесторическом понимании. Язык, вопреки Марру, сохраняется при изменении социального строя. Но дело не только в этом. Исследуемые археологией большие общности, объединяемые сходством хозяйства, поселений, керамики и т. д., могут включать в себя ряд совершенно разноязычных племен. Вспомним, сколько разнообразных по происхождению народностей знает в Восточной Европе во II в. н. э. Птолемей, и как однородны кажутся большие археологические массивы этой эпохи.

К этническому дроблению этих массивов неизбежно приводят и попытки связать древних жителей нашей страны с их средневековыми потомками. Часть дьяковских городищ Средней России приписывается предкам русских славян, часть предкам мери, веси и муромы; границу пока провести трудно, слишком однородны археологические материалы, разделение которых становится очередной задачей археологов². Разделить аланские и хазарские древности в степной полосе никому еще не удалось, хотя многие над этим работали (салтовский вопрос); здесь встает труднейшая задача разграничения культуры ираноязычных и тюркоязычных племен.

Симбиоз этих двух этнических групп наиболее характерен для Средней Азии, где они и в условиях развитого классового строя были объединены значительным сходством (хотя, конечно, и не тождеством) хозяйства, поселений, керамики (об этом говорят археологические и этнографические материалы по культуре узбеков, таджиков и их предков). Правда, при возникновении классов развитие ремесел дало для археологов во многих странах надежные этнические критерии в виде массовой ремесленной продукции, распространявшейся в пределах стран, родственных по языку; ярчайшим примером является славянская керамика. Но для изучения этногенеза эти поздние явления почти бесполезны. Тем не менее надежные этнические признаки археология знает: это второстепенные, но выразительные своей наглядностью элементы материальной культуры, это племенные наряды, некоторые культурные явления (в том числе и керамические орнаменты, но не группы орнаментов, а определенные рисунки) и т. д. Выискивать их,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 20.

² В последнее время среди археологов все более укрепляется мнение что дьяковская культура сама по себе не связана с происхождением русских славян, с их предками (Ред.).

конечно, труднее, чем определять языковые группы прямо по общему облику керамики или по типам жилищ. Смещение этих общекультурных признаков с этническими одинаково характерно для буржуазных археологов и для марристов.

Работа И. В. Сталина по вопросам языкознания открыла перед археологами и историками неограниченные возможности научной работы. Будем надеяться, что археологи и историки сумеют эти возможности должным образом использовать.

Животворящее учение марксизма-ленинизма всегда неприемлемо враждебно мертвящим учениям схоластов, заменявших живой мир мертвыми схемами. Одним из таких схоластов был Марр. Его выводы монотонны и примитивны, его доводы, наоборот, усложнены и запутаны, а исторические и археологические факты вообще не привлекаются. Древняя история современных этнических групп, начисто отрицавшаяся Марром, непомерно приближавшим к современности время их существования, должна быть теперь выяснена совместными усилиями историков, археологов и лингвистов. Лингвистика, в том числе изучение вещей, вопреки Марру, должно занять свое место в науке. Бесцветный мир однообразных марровских призраков многим мешал видеть красочный и яркий мир разнообразных реально существовавших народов. Марровское смешение этнических и социальных различий, абсолютно несовместимое с историческим материализмом, влияло на историков и археологов; все признаки этого влияния надо выявить и выкорчевать.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ и А. П. ОКЛАДНИКОВ

О ПРЕОДОЛЕНИИ ВУЛЬГАРИЗАТОРСКИХ
ПСЕВДОМАРКСИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ Н. Я. МАРРА
В ИЗУЧЕНИИ РАННИХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ
ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» подняла марксистско-ленинскую теорию на новую, высшую ступень и открыла советским исследователям широчайшие перспективы творческого развития.

Вскрывая немарксистский, вульгаризаторский характер взглядов Марра и его последователей, работа И. В. Сталина в то же время показывает путь их творческого преодоления. Как и во всех классических произведениях марксизма-ленинизма, в работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» сокрушительная критика немарксистских концепций органически, неразрывно сливается с позитивным изложением предмета, с выдвижением и дальнейшим развитием положительный марксистско-ленинской науки.

Работа И. В. Сталина настоятельно требует от всех советских исследователей бороться за внедрение марксизма в различные отрасли науки; покончить с упрощением и вульгаризацией марксизма, с догматизмом, талмудизмом и начетничеством; смело идти вперед, ломая отжившее; в борьбе мнений, в критике и самокритике, творчески развивая передовую науку.

{ Псевдомарксистские взгляды Марра оказали влияние на ряд советских археологов и историков первобытного общества. Порочные «концепции» Марра нашли свое отражение в работах по частным вопросам, в учебниках, а также во втором издании обобщающего труда П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1938 г.), где в значительной мере было подытожено все сделанное советской наукой о палеолите за первые 20 лет ее развития.

Влияние вульгаризаторских, немарксистских взглядов Н. Я. Марра повело к серьезным ошибкам, допущенным рядом советских исследователей каменного века и, в частности, авторами настоящей статьи. Одной из таких ошибок является прежде всего мнение некоторых исследователей, в том числе П. П. Ефименко¹, что всеми своими основными достижениями, в частности разработкой новых, строго научных методов изучения палеолитических местонахождений, как мест древнего обитания, советская наука о каменном веке обязана Марру. При этой явно ошибочной постановке вопроса упростили и вульгаризатору марксизма Марру приписывались крупнейшие достижения советской археологической науки. «Культ Марра» был свойственен и авторам настоящей статьи. Пожалуй, наиболее яркое выражение он нашел в декларативных положениях брошюры А. П. Окладникова «Н. Я. Марр и советская археология» (1949 г.). В статье П. И. Борисковского «Изучение палеолита в Советском Союзе» (1949 г.) влияние работ Марра и Мещанинова также рассматривалось как одна из причин, будто бы обусловивших крупные успехи советской науки о палеолите.

На самом деле было, конечно, не так. Своими неоспоримыми достижениями в деле открытия и исследования новых археологических памятников, в области разработки совершенных методов раскопок, комплексного изучения поселений и могильников каменного века, в области исторического освещения каменного века, создания древнейшей истории народов нашей страны, а также обобщающих трудов по истории первобытного общества и первобытной культуры советская археология каменного века обязана тому, что она является составной частью советской марксистско-ленинской исторической науки. Своих успехов советская археология каменного века добилась, несмотря на влияние вульгаризаторских идей Марра, на основе изучения фактического материала, правильно освещенного благодаря гениальным указаниям И. В. Сталина, историческим решениям партии и правительства по идеологическим вопросам.

Несомненно, что, если бы не порочное влияние Марра, успехи советской археологии каменного века были бы еще большими. Влияние вульгаризаторских, немарксистских взглядов Марра причинило значительный вред археологии каменного века, истории первобытного общества, привело к теорети-

¹ П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. — «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 82—83.

ческим ошибкам, допущенным рядом советских исследователей и получившим в советской науке достаточно широкое распространение.

Вскрыть до конца вызванные влиянием Марра ошибки, отказаться от них, реализовать в своей области науки ценнейшие положения гениальной работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», — настоятельная задача всех советских исследователей каменного века, над выполнением которой они работают уже около двух лет.

Источником влияния вульгаризаторских, немарксистских идей были как многочисленные языковедческие работы самого Марра, так и специально посвященные древнейшим этапам развития первобытного общества работы И. И. Мещанинова¹, по существу не основанные на археологическом материале и свидетельствующие о незнании их авторами проблем археологии каменного века, об отсутствии у них компетенции в этих вопросах.

Особо следует подчеркнуть вредное влияние работ И. И. Мещанинова на изучение палеолита и вообще древнейшего прошлого человечества, поскольку И. И. Мещанинов пытался направить всю деятельность исследователей каменного века по марристскому пути.

1

Наибольшее распространение в нашей области исторического знания получили глубоко ошибочные взгляды Н. Я. Марра на характер древней речи, марровская теория «кинетической речи», неразрывно связанная с вульгаризаторской трактовкой языка как надстройки. Как показал И. В. Сталин, Марр внес в языкознание ошибочную, немарксистскую формулу насчет языка как надстройки и запутал себя, запутал языкознание.

Развитое в работах Марра и Мещанинова в корне порочное положение о «языке жестов», «ручном языке», «кинетической речи», якобы господствовавшей в качестве единственного средства общения у древнейших людей — питекантропов и неандертальцев, а затем сменившейся вследствие перехода на новую «стадию» звуковой речью, возникшей только у кроманьонцев, в позднем палеолите, было воспринято рядом со-

¹ «Палеоэтнология и «Homo sapiens» (1930 г.), «К вопросу о стадильности в письме и языке» (1931 г.), «Верхний палеолит» (1931 г.), «Язык и мышление доклассового общества» (1934 г.).

ветских археологов. Трактовку древнейшей речи как речи кинетической, мы найдем в работах П. И. Борисковского «Исторические предпосылки оформления так называемого «*Homo sapiens*» (1935 г.), «Людина кам'яного віку на Україні» (1940 г.), «Начальный этап первобытного общества» (1950 г.), в обоих изданиях книги П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1934 и 1938 гг.), в первых двух частях учебника по истории первобытного общества В. И. Равдоникаса (1939 и 1947 гг.) и в ряде других его работ, в книгах А. П. Окладникова «История Якутии», т. I (1949 г.) и А. С. Гущина «Происхождение искусства» (1937 г.), а также во многих иных работах советских археологов, этнографов, антропологов, историков первобытного общества.

Советские исследователи, писавшие о кинетической речи, не затрудняли себя самостоятельным углубленным исследованием этой проблемы и, доверившись Марру, забывали указания Ф. Энгельса («Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека») и И. В. Сталина («Анархизм или социализм?») на важную роль звуковой речи в процессе выделения человека из животного состояния. Изучая эту проблему, советские исследователи ограничивались некритическими ссылками на общие выводы о «первичности кинетической речи», основанные на идеалистическом «четырёхэлементном анализе». Марр в своих идеалистических домыслах пытался опереться на свидетельства этнографов об употреблении «языка жестов» некоторыми «примитивными» племенами XIX в. (австралийцы, индейцы Америки). Однако «язык жестов» является лишь незначительным дополнением к господствующей у этих племен звуковой речи. Наличие его не является признаком «примитивности», так как он не отмечен у ряда весьма отсталых племен и в то же время описан у некоторых племен, находящихся на довольно высокой ступени развития; таким образом, его нельзя рассматривать как пережиток глубокой древности. И, наконец, система жестов, описанная этнографами, как правило, очень сложна и, по справедливому замечанию В. В. Бунака, несколько не уступает по сложности ручным сигналам международного морского кода¹. Для понимания подобного «языка жестов» необходимо длительное обучение с помощью развитой звуковой речи, на которой он основан и без которой он вообще немислим. Этот «язык жестов», несомненно, представляет собой вторичное

¹ В. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. — «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951, стр. 267.

явление, развившееся, может быть, в связи с частыми перекочевками некоторых племен и необходимостью вступать в общение с чужеземцами.

Утверждения об изначальности «языка жестов» сторонники Марра пытались подкрепить также данными палеоантропологии, ссылаясь на отсутствие у питекантропа и у неандертальца подбородочного выступа и на неспособность их по этой причине к звуковой речи. Однако подобные ссылки также не выдерживают критики. Показательны в этом отношении антропологические изыскания В. В. Бунака, подытоженные в его работе «Происхождение речи по данным антропологии». Бунак приходит к выводу, что речевую деятельность нельзя признать непосредственным фактором, формировавшим нижнюю челюсть; отдельные особенности последней, в том числе подбородочный выступ, нельзя связывать со специальной речевой работой. В то же время перестройка нижней челюсти не может быть безразличной для развития речи. Для древнейших людей — питекантропов и синантропов — речевая функция могла быть доступна лишь в самых начальных ее формах, не связанных с частой сменой артикуляции. Неандерталец занимал некоторое промежуточное положение между синантропом и позднепалеолитическим человеком и располагал ограниченными возможностями фонетической деятельности. Строение же нижней челюсти позднепалеолитического человека уже не представляло препятствий для владения речевой функцией и ее дальнейшего развития¹. Налицо, таким образом, длительное развитие звуковой речи и ее органов, а вовсе не смена «кинетической речи» звуковой речью.

Положение о роли звуковой речи в процессе очеловечения обезьяны было развито И. В. Сталиным в работе «Анархизм или социализм?». И. В. Сталин подробно обосновал его и в работе «Марксизм и вопросы языкознания»:

«Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни

¹ В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 223, 232, 235. Ссылаясь на выводы ценной и интересной статьи В. В. Бунака, считаем в то же время необходимым отметить, что нельзя согласиться с синхронизацией в итоговой таблице (стр. 282—283) стадий развития древнейшей речи со стадиями развития палеолитической культуры. И. В. Сталин показал, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения, что язык является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, членивается.

одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народца, будь он таким же или ещё более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка. Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время.

В этом отношении значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно. Это, собственно, не язык, и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчёркивания тех или иных моментов в его речи. Язык жестов так же нельзя приравнивать к звуковому языку, как нельзя приравнивать первобытную деревянную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой»¹.

Как мы видим, материалы антропологии, в такой же мере как материалы истории и этнографии, подтверждают эти сталинские положения.

Древнейшая звуковая речь, возникшая на начальных этапах развития первобытно-общинного строя, конечно сильно отличалась от речи позднейших времен, будучи крайне примитивной.

«Надо полагать, что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем»².

Марр, развивая вульгаризаторскую концепцию о «стадии кинетической речи», в идеалистическом духе изображал процесс происхождения звуковой речи. Он рассматривал последнюю как якобы неразрывно связанную в своем происхождении с религией, как возникшую в процессе культовых «трудмагических» действий, как орудие в руках господствующего в первобытном обществе «класса магов».

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 46—47.

² Там же, стр. 26.

! Эта идеалистическая концепция противоположна материалистической, марксистской концепции происхождения речи, развитой Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Энгельс указывает, что единственно правильным является объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом. «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая горланья обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»¹.

Положение И. В. Сталина о звуковой речи, как об одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, представляет собой дальнейшее развитие этих высказываний Ф. Энгельса, против которых направлены концепции Марра.

! Идеалистическая марровская трактовка происхождения звуковой речи неразрывно связана с вульгаризаторской, псевдомарксистской формулой о «классовости» языка. С этой формулой было связано и признание Марром существования классов в первобытном обществе, что противоречит огромному фактическому материалу, накопленному современной этнографической и археологической наукой, противоречит основным положениям марксизма-ленинизма о первобытно-общинном строе, в котором отсутствует эксплуатация, отсутствуют классы.

Справедливость требует отметить, что если немарксистские положения Марра о языке как надстройке и о кинетической речи разделяли многие из советских археологов, то положения о классах в первобытном обществе по существу не были приняты археологами. Однако эти порочные положения до выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» не были разоблачены.

¹ Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. Госполвтиздат, 1948, стр. 6—7.

2

С проблемами происхождения и развития речи неразрывно связаны проблемы происхождения и развития мышления.

В своих взглядах в этой области Марр исходил из заимствованной им от идеалиста Леви-Брюля концепции о коренном якобы отличии мышления не только первобытного человечества, т. е. людей отдаленнейшего прошлого, но и современных отсталых народов колониальных стран, от мышления современного человека.

Первобытное мышление, по мнению Леви-Брюля и Марра, было будто бы только конкретно образным, чуждым общих отвлеченных идей и понятий. Первобытный человек, согласно их взглядам, не мог подняться выше уровня непосредственных впечатлений и конкретных представлений — образов. Существенно при этом, что восприятие Марром взглядов Леви-Брюля было подготовлено влиянием русских махистов. Тот же Богданов утверждал, что будто бы «примитивное мышление всегда конкретно»; что мышление первобытных времен «было конкретным и авторитарным».

Вторая черта первобытного мышления, по Леви-Брюлю и Марру, заключалась в том, что оно было якобы «дологическим», чуждым логике. Вместо логических категорий, свойственных современному «формально-логическому мышлению», деятельностью первобытного человека якобы руководили особые законы магического мышления, т. е. «закон парциальной магии» (часть вместо целого) и «симильной магии» (подобное замещает подобное), а также закон партиципации («сопричастности»).

Таким образом, все мышление первобытного человека изображалось противоположным логике и здравому смыслу, сплошь, целиком «иррациональным» и «мистическим».

Между этим первобытным мышлением, якобы чуждым логике, и мышлением современного человека, оказывалась непроходимая зияющая пропасть.

Следует подчеркнуть, что эта точка зрения имела в своей основе у Леви-Брюля не только откровенный идеализм, но и была прямым выражением расистской идеологии империалистических колонизаторов, стремившихся «обосновать» и «оправдать» такими псевдонаучными доводами свое «право» угнетать и эксплуатировать отсталые народы колониальных и зависимых стран.

Как известно, такие доводы империалисты используют и в настоящее время, утверждая, что колониальные народы якобы по самой природе их мышления и психики нуждаются

в руководстве и «опеке» со стороны американско-английских и тому подобных колонизаторов. Заимствовав у Леви-Брюля эту реакционную идеалистическую концепцию, Марр развил ее дальше и построил на ней всю свою концепцию о первобытном мышлении и первобытных верованиях.

Чтобы в полной мере понять антинаучный характер таких идеалистических утверждений, следует обратиться к трудам классиков марксизма, в которых содержится единственно правильное, единственно научное решение вопроса о характере мышления вообще. В трудах классиков марксизма-ленинизма с исчерпывающей ясностью и отчетливостью раскрыто, во-первых, действительное соотношение абстракции и конкретности, общего и частного в мышлении.

Еще Ф. Энгельс писал: «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию»¹.

В. И. Ленин в своих философских трудах ясно и определенно указывал, что слово уже обобщает².

По указанию И. В. Сталина: «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она даёт правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая даёт свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишённые конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные

¹ Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, стр. 8.

² См. В. И. Ленин. Философские тетради, 1938, стр. 281.

отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишённые всякой конкретности»¹.

Совершенно ясно, поэтому, что говорить о каком-то полном отсутствии в первобытном мышлении элементов абстракции, отвлеченных категорий бессмысленно.

Что касается второго основного положения во взглядах Марра и Леви-Брюля на первобытное мышление и мировоззрение — их утверждений о «иррациональности» и «мистичности» мышления первобытного человека, то и здесь с такой же очевидностью виден антинаучный характер этого идеалистического положения.

Здесь следует прежде всего отметить, что Марр смешивал мышление с мировоззрением, с идеологией. Между тем мышление, будучи неразрывно связано с языком, не может быть отнесено к числу надстроечных явлений, тогда как идеология является надстройкой².

Первобытный человек вследствие низкого уровня производительных сил был подавлен гнетом природы и бессилен перед ним. Круг его трудового опыта был ограничен и узок; реальные сведения об окружающем мире оставались скудными, ум был мало развит.

Вполне естественно поэтому, что в сознании первобытного человека большое место занимали ложные, иллюзорные представления о природе и его собственной сущности, что господствовавшие над ним силы природы находили в его мозгу фантастическое отражение в виде образов мифических существ, духов и, позже, богов.

На той же почве выросла первобытная магия, развилось первобытное колдовство, подчинявшее человеку силы природы только в воображении, а на деле, как и всякая религия, подавлявшее сознание человека.

Отрицать эти простые и общеизвестные факты значило бы идеализировать первобытные времена человеческой истории, рисовать людей каменного века материалистами-диалектиками, свободными от пут первобытного идеализма, от неправильных представлений о природе и самом себе.

В. И. Ленин прямо и определенно указывал по этому поводу: «Никакого золотого века позади нас не было, и перво-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

² Критика этих взглядов Марра дана в статье: В. В. Виноградов. Свободная дискуссия в «Правде» по вопросам языкознания и ее значение для дальнейшего развития советской науки о языке. — «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». Изд. МГУ, 1950.

бытний человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»¹.

«Эти различные ложные представления о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе»².

В целом в сознании палеолитического человека существовали и находились в борьбе два диалектически противоположных начала. Прежде всего в нем существовали элементы, которые были неразрывно связаны с борьбой человека с природой, с его успехами в усовершенствовании техники и развитии хозяйства, с расширением круга трудового практического опыта, с неудержимым ростом его интеллектуальных способностей.

Палеолитический человек был охотником, в совершенстве знавшим повадки разных животных, умевшим с помощью хотя и примитивных орудий соорудить прочное жилище, сшить теплую одежду, изготовить то или иное охотничье оружие. Палеолитический человек знал свойства материалов (разные сорта камня, кости и т. д.), которые служили ему в быту, и умел эти свойства использовать.

Во всяком случае мы считаем бесспорным, что уже в палеолите, т. е. десятки и сотни тысячелетий тому назад, человек располагал значительным по тому времени богатством реальных практических знаний и трудового опыта. Это были зачатки своего рода первобытной технологии. Это были также зачатки искусства, как познания мира в образах, первые шаги изобразительного искусства, а также музыки, пения и театра. Это были первые ростки реалистических, объективных представлений первобытного времени. Круг реальных знаний человека, конечно, был еще узок, но с общенсторической точки зрения их значение поистине драгоценно.

В то же время с практическими навыками и познаниями, с правильными реалистическими представлениями тесно переплетались разного рода фантастические представления, дикие и вредные обычаи и запреты. Ложные представления о природе, возникшие в результате низкого экономического развития, в свою очередь тормозили развитие производительных сил и производственных отношений.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 95.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXVIII, стр. 260.

Ложные фантастические представления были, как указал В. И. Ленин, всего лишь только пустоцветом на могучем древе человеческого познания.

В процессе трудовой практики человек все более и более овладевал окружающей природой, все лучше познавал окружающее. В противном случае никакого развития не было бы возможно и история человечества вообще бы остановилась.

Вся история человечества — история борьбы и побед человека над стихиями природы — показывает, насколько абсурдным и антинаучным является положение Марра и Леви-Брюля о «коренном и абсолютном отличии» мышления первобытного человека от мышления современных людей.

Эти идеалистические извращения в области истории мышления и мировоззрения первобытного человека не ограничивались тем, что Марр пропагандировал взгляды об «исключительно конкретном» и «мистическом» мышлении первобытного человека.

В качестве второй основы своих взглядов он, как будет показано дальше, использовал здесь заимствованные им от А. А. Богданова и его единомышленников идеалистические махистские концепции. Таковы были в первую очередь его утверждения о действительности как о «коллективно организованном опыте».

Отрицая в соответствии с махистскими взглядами объективное содержание в сознании первобытного человека, Марр утверждал, что в основе сознания находились «организованный труд» и «общественность».

Утверждение это в действительности является псевдомарксистским. Сам Марр по этому поводу писал, что он имеет здесь в виду не реальное общество, а иллюзорную магическую проекцию последнего — иллюзорного «объединителя коллектива», которого он и называл «тотемом».

Нужно категорически подчеркнуть, что такой «тотем» на самом деле не имел ничего общего с теми тотемами, тотемическими мифами и культами, которые описываются этнографами, изучавшими жизнь отсталых народностей различных областей земного шара. Именно поэтому Марр резко отделял свой вымышленный «тотем» от «этнографического» или «этнологического», как он выражался, тотемизма.

Все явления действительности, по словам Марра, были отображаемы в мозгу первобытного человека превратно. Все это было для него якобы проявлением единой универсальной сущности — «тотема».

Это была, таким образом, типично махистская попытка подменить голый и откровенный идеализм скрытым, а потому

и более опасным его видом, путем «подстановки» психического под физическое в виде «социально-организованного опыта» — «тотема».

В. И. Ленин писал по поводу таких упражнений, разоблачая увертки махистов: «Думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества... это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией»¹. «Они желали бы быть материалистами вверху, они не умеют избавиться от путаного идеализма внизу! «Наверху» у Богданова — исторический материализм, правда, вульгарный и сильно подпорченный идеализмом, «внизу» — идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки. «Социально-организованный опыт», «коллективный трудовой процесс», все это — слова марксистские, но все это — *только слова*, прячущие идеалистическую философию, которая объявляет вещи — комплексами «элементов» ощущений, внешний мир — «опытом» или «эмпириосимволом» человечества, физическую природу — «производным» от «психического» и т. д. и т. п.»².

Махистский источник взглядов Марра с полной отчетливостью обнаруживается и в той специфической терминологии, которой он пользовался, говоря, например, о «качественной действительности» и о «высоком давлении созидательной динамичности» первобытного мышления. «Динамичность» и «качественная действительность» здесь не что иное, как «энергия», или «энергетический баланс» Богданова, относительно аналогичных упражнений которого В. И. Ленин писал:

«Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий «подбора», «ассимиляции и дезассимиляции» энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть *пустая фраза*. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения *метсда* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п.,

¹ В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Госполитиздат, 1952, стр. 213—214.

² Там же, стр. 312.

но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»¹.

Отсюда ясно, как глубоко ошибались исследователи археологии и истории и в том числе авторы этой статьи, которые, поверив декларативным утверждениям о якобы «революционном» и «диалектико-материалистическом» характере концепций Марра, видели в его взглядах на первобытное мышление марксистские взгляды и руководствовались ими. В этой связи считаем необходимым отметить, что А. П. Окладниковым было принято без критики в корне ошибочное положение Марра о наличии якобы двух особых этапов в истории первобытного мышления: а) конкретно-образного и б) формально-логического мышления². А. П. Окладников некритически ссылаясь в своей работе «Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш» (1949 г.) на высказывания Марра о «диффузной» природе первобытного мышления.

Вульгаризаторские, псевдомарксистские высказывания Н. Я. Марра о первобытном мышлении и первобытной религии нашли отражение также и в работах П. И. Борисковского «Исторические предпосылки оформления так называемого «*Homo sapiens*» (1935 г.), «Начальный этап первобытного общества» (1950 г.). П. И. Борисковский также признавал марровскую «стадиальную смену типов мышления», ссылаясь на работы Марра, говорил о «диффузности» первобытного мышления.

Немарксистские положения Марра оказали влияние и на ряд других исследований о первобытном мышлении. В наиболее развернутом виде они излагались В. И. Равдоникасом в его учебнике по истории первобытного общества и в статьях, посвященных наскальным изображениям северо-запада СССР³.

Как мы видели, Марр извращал характер мышления первобытного человека, рассматривая его с махистских субъективно-идеалистических позиций, и шел здесь вслед за идеологом империалистической буржуазии Леви-Брюлем.

Тот же идеалистический характер имеют взгляды Н. Я. Марра на сущность и место первобытной религии в жизни первобытного человечества и отсталых племен.

Отождествляя первобытное мышление с мировоззрением, с религией и магией, Марр особо важное место отводил

¹ В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 310.

² А. П. Окладников. История Якутии, т. I, Якутск, 1949. См. развернутую критику этих ошибок, данную в работе А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», МИА № 18, 1951.

³ СА, № I, 1936; № II, 1937; № III, 1937.

в своих концепциях положению о «небе — гнезде назначений».

В этом положении идеалистический характер его взглядов выразился с наибольшей резкостью. Как утверждал Н. Я. Марр, «по данным яфетического языкознания слово небо является будто бы прототипом если не всех, то «громоздкого большинства слов»¹. Развивая эти взгляды, он пытался утверждать, что, например, анатомические термины, т. е. названия человеческого тела и его частей, были тесно связаны с астральными терминами. То же самое будто бы имело место и по отношению к терминам, относящимся к обществу, где наблюдался перенос представлений об астрально-космическом мире на социальные взаимоотношения².

Что касается человека, то Марр, например, утверждал, что сначала возникло слово «солнце», а уже потом — «глаз»; сначала — «небо», потом «голова». Даже в области техники сначала появилось слово «луч солнца», а уж затем от него — «меч». «Гвоздь», «бурав», даже «койка» и те произошли от «солнца».

Развивая мысль о первичности осознания и отражения в языке небесно-космических терминов, Марр дошел до утверждения того, что даже приручение животных имело характер лишь «производственно»-культовой процедуры, так называемого ритуала, «обряда»³.

Что же касается наименований животных, то и они, согласно его взглядам, происходят будто бы от обозначений «неба», являясь его «дериватами», т. е. разновидностями, причем дикие звери были названы по домашним, а не наоборот. Марр утверждал, что будто бы сначала возникли представления о небесном быке или лошади, а уже затем о реальном, земном; что сначала звери явились объектом тотемического культа, а уж затем из содержания их в неволе в ритуальных целях выросло скотоводство.

Идеалистический характер этих выводов очевиден, в них нет ничего оригинального — подобные взгляды развивались задолго до Марра таким явным идеалистом, как Э. Ганом, автором «теории» о культовом происхождении скотоводства.

В подкрепление своих откровенно идеалистических взглядов Марр пытался привлечь этнографические и мифологические

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. II, стр. 208.

² Н. Я. Марр. К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем. Известия ГАИМК, т. VII, в. 7—8, Л., 1931.

³ Н. Я. Марр. В тунике ли история материальной культуры? Л., 1933.

данные, в первую очередь те из них, где небо и небесные явления олицетворялись в образе зверей или домашних животных.

В действительности же этнографические факты и мифы, разумеется, целиком обращены против таких порочных идеалистических утверждений, опровергают и разоблачают их.

Именно поэтому Марр с такой же резкостью отвергал достижения сравнительной мифологии, как и сравнительного языкознания.

Взамен отвергнутой сравнительной мифологии, выросшей на основе сравнительно-исторического метода, в тесной связи с успехами сравнительного языкознания XIX в., он предлагал свой так называемый «хозяйственно-общественный подход».

Мы уже видели, что такое на самом деле представлял собой его «хозяйственно-общественный подход». Это был субъективный идеализм махистского типа, прикрытый обычной для махистов оболочкой пустых по содержанию, «революционных» и «материалистических» по внешности фраз.

Что же касается «отброшенного» Марром «мифологического естественно-исторического подхода», то действительный характер и вклад сравнительной мифологии в историю религии был с исчерпывающей ясностью определен Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге».

«... Всякая религия, — писал Ф. Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения. Этот первоначальный процесс прослежен при помощи сравнительной мифологии — по крайней мере у индоевропейских народов — до его первого проявления в индийских ведах, а в дальнейшем своем развитии он детально исследован у индусов, персов, греков, римлян, германцев и, поскольку хватает материала, также у кельтов, литовцев и славян»¹.

Основой древнейшей религии является, таким образом, олицетворение сил природы, а вовсе не мистическая проекция «коллектива», не «тотем» в марровском понимании этого термина.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1952, стр. 299.

Большой интерес с этой точки зрения представляет материал из мифов скотоводов, охотников и рыболовов.

У многих племен сибирской тайги и тундры земля, небо и воображаемый подземный мир шаманской космогонии представляются, например, в образе дикого оленя или лося. Люди живут, согласно этим представлениям, на спине гигантской лосихи, так же как насекомые в шерсти животных. Шерсть гигантской лосихи — леса. Летающие над землей птицы соответствуют мошке, таежному «гнусу», обязательному элементу таежного ландшафта в летнее время.

Эти этнографические факты показывают прежде всего, что попытки реакционных католических ученых и их единомышленников, сторонников так называемой «культурно-исторической школы», доказать извечность монотеизма и культа «верховного существа», являются грубой фальсификацией. Мнимое «верховное существо» тунгусских племен, которое эти ученые реакционеры пытались изобразить абстрактным и бесплотным существом, вроде гегелевской абсолютной идеи, на самом деле оказалось мифологическим олицетворением земли в конкретном образе зверя.

Эти конкретные образы первобытной мифологии показывают, каким грубым идеалистическим извращением были домыслы Марра о «небе — гнезде праздничений».

Этнографические факты с полной наглядностью иллюстрируют общее теоретическое положение, выдвинутое классиками марксизма о том, что древнейшим проявлением «естественной религии» — культа природы, выросшего на почве бессилия первобытного человека перед силами природы, был культ зверя.

Сначала в сознание человека, а следовательно и в его язык, вошли реальные земные явления и прежде всего то, что было главным источником существования древних охотников и собирателей, то, вокруг чего вращались все помыслы и чаяния, все их надежды, — реальный земной зверь.

Когда же в сознании человека и, несомненно, после длительного исторического развития заняли свое место представления о несравненно менее важных для него, далеких небесных явлениях, они, естественно, были олицетворены в образах зверей, птиц и других реальных земных существ.

Марр, как подлинный идеалист, пытался перевернуть реальные факты, «поставить их на голову», но это ему не удалось. Из попытки не вышло ничего, кроме путаницы, внесенной в вопросы истории первобытной религии, дезориентировавшей исследователей, доверившихся «революционным» и «материалистическим» декларативным фразам Марра, взгляды

которого на деле оказались идеалистическими, созвучными взглядам таких реакционных буржуазных ученых, как Леви-Брюль.

Так же идеалистичны и антинаучны взгляды Марра и на первобытное искусство, отрицательное влияние которых так или иначе сказалось на ряде работ этнографов, археологов и искусствоведов (напр., работы А. А. Миллера, А. С. Гущина, Б. Б. Пиотровского, А. П. Окладникова, В. И. Равдоникаса)¹.

Марр утверждал, что первобытного искусства вообще не существовало. Это утверждение вытекало из отрицания понятия стиля и эстетических понятий вообще, как «формалистических» категорий.

Он отрицал объективное содержание зрительных и слуховых представлений, а следовательно и основанных на них эстетических понятий, взамен их выдвигая «производственные», «тотемические» представления. Отрицание познавательной силы искусства и реальности эстетических категорий для первобытности вытекало, таким образом, из системы махистских взглядов, о которых уже шла речь выше.

На самом деле, вопреки идеалистическим построениям Марра, искусство первобытного времени, как реалистическое, так в конечном счете даже и схематическое, было неразрывно связано с реальной жизнью и не имело ничего общего с изобретенным Н. Я. Марром и А. А. Богдановым иллюзорным абстрактным «тотемом — объединителем коллектива».

Тайна реализма палеолитического искусства, его выразительности и силы заключается прежде всего в том, что в нем был аккумулирован жизненный опыт первобытных охотников, в том, что оно в той или иной степени верно отражало действительность.

Марр утверждал, что первобытного искусства не было вообще, что те памятники пещерной живописи, скульптуры, резьбы, графики, которые археологи считают образцами искусства, на самом деле будто бы являлись средствами общения людей с тотемом, «графической речью», обращенной к последнему. Даже реализм первобытного искусства, по его мнению, зависел от того, что изначальная речь являлась будто бы не звуковой, а «линейно-пластической», «кинетической» речью. Реалистические изображения эпохи палеолита, следовательно, якобы воспроизводили пластические и графические формы этой воображаемой «кинетической» речи, «языка знаков».

¹ См. А. П. Окладников. К вопросу о происхождении искусства (в связи с критикой взглядов Н. Я. Марра), СЭ, 1952, № 2.

На основе своих порочных псевдомарксистских взглядов Марр брался за разрешение самых сложных и запутанных проблем истории первобытного искусства, в том числе такой, как вопрос о причинах неожиданного расцвета реалистического искусства в глубине каменного века, а также еще более трудной проблемы — о причинах исчезновения реалистического искусства ледниковой эпохи и замены его абстрактно-схематическими рисунками позднейшего (азильского и неолитического) времени.

С точки зрения Н. Я. Марра, все это было прямым следствием перехода от «конкретно-образного мышления» к «формально-логическому мышлению».

В свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания стало ясно, что не может быть принято, как механистическое, и отождествление двух совершенно различных по своей сути общественных явлений, и отрицание специфики каждого из них: с одной стороны, искусства, а с другой — письма, на том лишь основании, что оба являются средствами общения между людьми. В таком случае пришлось бы отождествить с письмом не только искусство, но и все другие виды и средства общения между людьми.

Исторической наукой детально прослежен процесс развития письменности от пиктографии и идеографии к звуковому, фонетическому письму. Реалистическое искусство палеолита, как и близкое к нему по характеру искусство, известное по этнографическим материалам, целиком остаются при этом вне каких-либо форм письменности в настоящем смысле.

Следовательно, первобытное искусство не может быть сведено к письму, оно сохраняет свою специфику и хронологически предшествует последнему.

Не соответствует действительности и утверждение Марра о том, что реализм первобытного искусства зависит будто бы от «конкретно-образного характера кинетической речи». Те жесты и условные знаки, на которые он ссылался, на самом деле вовсе не имеют изобразительно-конкретного, «линейно-пластического» характера в настоящем смысле этого слова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «языку жестов», как его описывают этнографы, или к «ручному языку» глухонемых.

Это вовсе не реалистические «рисунки в воздухе», а всегда условные знаки, знаки-символы, передающие очень схематично и отдаленно лишь некоторые специфические черты предметов и явлений.

Реалистический, в полном смысле этого слова, «язык

жестов» вообще невозможен, как невозможно и самостоятельное существование «кинетической речи».

Марр утверждал также, что воображаемое реалистическое письмо, т. е. искусство палеолита, было средством общения между коллективом первобытных охотников и «тотемом» и имело якобы исключительно магический характер.

Марр не ограничился, далее, тем, что рассматривал возникающую звуковую речь, как орудие в руках господствующего класса внутри первобытного общества. В том же вульгаризаторском плане рассматривал он и первобытное искусство, утверждая, что оно было якобы результатом деятельности господствующего класса.

Открыто полемизируя по этому поводу с Ф. Энгельсом, Марр утверждал, что будто бы в первобытном обществе имелся «избыточный продукт» и имелось «нетрудовое население»¹. Это были, по его словам, маги-колдуны, господствовавшие в первобытной общине, начиная с весьма раннего палеолитического времени. Именно эта нетрудовая часть населения, классовая верхушка первобытного общества была, по его мнению, двигателем культурного развития и творцом величайшего достижения человечества в первобытные времена — звуковой речи и искусства, коренившихся якобы в «трудмагических действиях»².

Развивая эти антимарксистские взгляды, выросшие и оформившиеся под прямым влиянием таких вульгаризаторов марксизма, какими были Кунов, автор пресловутой «организаторской» теории, Богданов и другие их единомышленники, Марр пришел вслед за ними к категорическому отрицанию творческой роли трудового народа, трудящихся масс в истории языка и истории культуры. Появление зачатков живописи, скульптуры, науки и литературы он считал достижением не народных масс, а одних только магов-колдунов, которых объявлял классом внутри первобытного общества.

По отношению к первобытному искусству эту точку зрения особенно детально развивал И. И. Мещанинов.

И. В. Сталин исчерпывающе вскрыл псевдонаучный, псевдомарксистский характер концепций Марра о «классах» и «классовых языках» в первобытном обществе.

С падением концепции о классах в первобытном обществе падает и вся система рассуждений о «классовой прослойке» руководителей, создавших якобы и искусство палеолита.

Утверждения о создании искусства колдунами и магами,

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. III, стр. 75.

² Там же, стр. 270.

выступающими в маррвской концепции в виде «класса», целиком и полностью повторяют антинародную, реакционную «теорию сниженной культуры». Сторонники последней, вроде, например, Келтуялы, как известно, вовсе не отрицали классово-структуры общества. Они, напротив, не только признавали ее, но и старались увековечить навсегда как «естественную» и «необходимую». Одним из способов для этого и было утверждение о «пользе», приносимой господствующими классами обществу, и обреченности эксплуатируемых ими масс нести гнет эксплуатации.

Подогреваемые ненавистью к трудовому народу, эти идеологи буржуазии стремились, как известно, доказать «аристократическое происхождение» фольклора, а также искусства вообще. Они говорили, что народ является будто бы серой, инертной и косной массой, неспособной к культурному творчеству, единственными же творцами культурных достижений были представители паразитической общественной верхушки, господствующие классы рабовладельческого, феодального и капиталистического общества. Народ, утверждали эти «теоретики», не создал ничего самостоятельного и только подбирал крохи, падавшие со стола господ, с опозданием воспринимая нередко уже изжитые ими культурные ценности.

Этой клеветнической, извращающей истину «концепции» идеологов капиталистического рабства противостоит другая, истинная и благородная, марксистская концепция, раскрывающая действительное значение трудящихся масс в истории.

В своем гениальном труде «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает, что история общественного развития есть история трудящихся масс¹.

Исходя из этого единственно правильного марксистского взгляда на творческую роль народа в истории, Максим Горький писал об искусстве:

«Основоположники искусства были гончары, кузнецы, ткачи, ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портнихи и вообще ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи»².

«Народ, — говорил М. Горький, — не только — сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философов и поэтов, со-

¹ См. И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Госполитиздат, 1950, стр. 54.

² М. Горький. Об искусстве. «Наши достижения», 1935, № 5—6, стр. 4.

здавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»¹.

Вместо того, чтобы исходить в своих работах из этой единственно правильной, марксистской точки зрения на роль трудового народа в истории человечества и истории культуры, Марр принял и развивал враждебные народу реакционные концепции.

* *
*

В области изучения истории палеолитического человечества влияние вульгаризаторских, немарксистских взглядов Марра сказалось не только в трактовке проблем языка и мышления, мировоззрения и искусства. Эти взгляды способствовали распространению среди советских исследователей первобытного общества социологизаторского схематизма, связанного с недооценкой источниковедческих вопросов, важности исследования и монографического описания конкретных археологических памятников и их групп. В работах ряда советских исследователей изучение конкретной истории отдельных родов и племен, а также групп племен, обитавших на более обширных территориях, изучение внутренних законов развития первобытного общества подменялось конструированием абстрактных умозрительных стадий, сменяющих друг друга в результате стадияльных взрывов, генетически не связанных между собой, лишенных этнической и конкретно-исторической специфики.

Нужно отметить, что такой стадияльный схематизм проявился преимущественно в работах, посвященных относительно поздним эпохам развития первобытного общества (поздний неолит, эпоха бронзы и железа). В области палеолита сюда относятся работы И. И. Мещанинова и В. И. Равдоникаса.

Главное, в чем сказались социологизаторские тенденции на работах специалистов по палеолиту, это известное увлечение выяснением общих черт культуры в ущерб характеристике отдельных локальных вариантов культуры и культурно-исторических проблем.

Такое увлечение имеет, правда, свои причины и вне влияния социологизаторских тенденций.

При изучении древнего каменного века, т. е. тех эпох, когда население было крайне редким, разбросанным, изолированным, когда культура была крайне бедной, несложной и

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи. Госполитиздат, 1937, стр. 26.

примитивной, на первый план выдвигаются более общие задачи разработки проблем происхождения человечества и его древнейшего расселения, происхождения и развития отдельных культурных приобретений и отдельных институтов первобытного общества.

Но выполнение этой задачи отнюдь не снимает необходимости выявления конкретной истории отдельных первобытных общин, начиная с самых ранних эпох их существования, выявления их расселения, передвижений, взаимоотношений с соседями, точно так же, как разработка этих проблем не может быть противопоставлена выяснению общих закономерностей и основных этапов развития первобытного общества и его культуры. Между тем советские исследователи палеолита, с большим совершенством раскопав и описав немало первоклассных памятников, свои работы более широкого плана направляли преимущественно на выяснение общих этапов развития первобытной культуры, хозяйства и общественных отношений. В этом отношении проделана большая и плодотворная работа, но для того чтобы воссоздать конкретную историю палеолитического населения различных территорий Советского Союза во всем ее своеобразии, необходимо серьезно изучать накопленный немалый археологический материал.

В нашей статье мы остановились лишь на некоторых порочных взглядах Марра, причинивших серьезный вред советской науке и оказавших отрицательное влияние на ряд советских исследователей, занимающихся историей ранних этапов развития первобытно-общинного строя. Разумеется, некоторые выдвинутые выше положения не являются бесспорными. Необходимо, в частности, снова пересмотреть вопросы периодизации истории первобытного общества, значения отдельных археологических эпох, интерпретацию переходов между различными ступенями развития первобытного общества.

И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» поставил перед советскими исследователями задачу покончить со «стадиальным» схематизмом, создать конкретную историю отдельных групп палеолитического человечества, показав в то же время, как в этой конкретной истории преломляются общие закономерности развития первобытного общества и его культуры.

Для того чтобы надлежащим образом выполнить эту задачу, необходимо решительно бороться как с псевдомарксистскими, вульгаризаторскими концепциями Марра, так и с растленной буржуазной расистской идеологией, с идеологией апологетов империалистического рабства во всех ее проявле-

ниях, с такими лженаучными теориями, какими являются построения идеологов фашизма О. Менгина, И. Байера, а также современных американо-английских фальсификаторов истории первобытного общества.

Полностью до конца вскрыть и уничтожить всякие следы и проявления порочных концепций так называемого «нового учения» о языке, выкорчевать влияние вульгаризаторских концепций Марра на основе глубокого творческого усвоения марксизма в исследовательской работе — такова задача советских археологов.

А. Я. БРЮСОВ

К КРИТИКЕ ОШИБОК АРХЕОЛОГОВ ПРИ ИСТОЛКОВАНИИ ДРЕВНИХ ПЕТРОГЛИФОВ

Ни в какой области археологии «новое учение» о языке Н. Я. Марра не оказало такого вредного влияния, как в области изучения первобытного мышления. Отрыв мышления от языка, объявление мышления, по сути дела, такой же надстройкой, какой Марр считал и язык, установление им фантастических «стадий» развития мышления — тотемической, космической, формально-технологической и т. д. — внесли полный сумбур в работы его и его последователей в этой области истории.

В произведении И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» нанесен сокрушительный удар любителям «гадания на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов» и разоблачен псевдонаучный характер марристской гипотезы о стадийных «взрывах» в языке и мышлении, вызывавшихся якобы изменениями, часто недоказуемыми и по большей части несущественными, в хозяйственном укладе первобытного общества.

«Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, — учил И. В. Сталин, — что закон перехода от старого качества к новому путём взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделённого на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов»¹.

К сожалению, до последнего времени в археологических работах еще встречаются следы вульгаризаторской марристской схемы стадийного развития мышления в доклассовом обществе, принимаемой зачастую за нечто твердо установленное.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 28—29.

Схема стадийного развития мышления так укоренилась в области изучения истории верований, что нередко мы можем найти вместо доказательства или в подтверждение приводимых доводов ссылку на труды, целиком основанные на этой схеме и пресловутом четырехэлементном анализе. Так, А. П. Окладников, говоря о петроглифах Карелии, ссылался на то, что «их космическое значение исчерпывающе вскрыто в исследованиях В. И. Равдоникаса»¹.

Поэтому я считаю бесполезным рассмотреть основные положения этой «исчерпывающей» работы В. И. Равдоникаса о карельских петроглифах. Выбор этот заставляет меня сделать не только то обстоятельство, что статья эта до сих пор не получала достаточной критической оценки² и продолжает служить для некоторых археологов своего рода авторитетом, но также и то, что на примере критики работ В. И. Равдоникаса с очевидностью выясняется, как в угоду априорным марровским установкам извращались фактические данные и как факты насильственно подгонялись под пресловутую схему стадийного развития человеческого мышления.

Материалом для критического рассмотрения служат мне выступление В. И. Равдоникаса на XIII пленуме Государственной Академии истории материальной культуры с докладом о карельских петроглифах, изданные им два больших тома с описанием этих петроглифов и статья на ту же тему, напечатанная в «Советской археологии»³.

Выступив на пленуме, В. И. Равдоникас совершенно отчетливо обрисовал принципы своего исследования карельских петроглифов. Его тезисы к докладу начинаются словами:

«Из учения Н. Я. Марра для историка и археолога особенно ценны: 1) увязка в историческом исследовании языка, мышления и надстроечных явлений вообще с исторической культурой, 2) учение о стадийности и 3) палеонтология

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 1950, № 18, стр. 300. Речь идет о статье В. И. Равдоникаса «Элементы космических представлений в образах наскальных изображений». СА, IV, 1937, стр. 11—31.

² Только отдельные положения В. И. Равдоникаса, высказанные им в его работах о карельских петроглифах, были подвергнуты критике в моей монографии «История древней Карелии», вышедшей в 1940 г., и в труде А. М. Линевского «Петроглифы Карелии», изданном в Петрозаводске в 1938 г. Однако наши выступления остались «незамеченными» в годы «аракчеевского режима».

³ См. тезисы доклада В. И. Равдоникаса «Из истории мышления родовой эпохи» (однодневная газета «Памяти Н. Я. Марра» от 20 декабря 1935 г.); его же. «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря», тт. 1 и 2, 1936; его же. «Наскальные изображения Онежского озера», СА, I, 1936.

речи и вообще форм мышления, как орудия исторического исследования. Настоящий доклад является попыткой применения этих руководящих идей Н. Я. Марра к новому, не бывшему известным ему материалу наскальных изображений Карелии».

Посмотрим, что получилось у автора этих не вполне грамотно изложенных тезисов при применении к карельским петроглифам учения Н. Я. Марра. Не будем при этом слишком строги. Построенные на археологическом материале исследования и экскурсы в область древнейшей истории человечества всегда будут в некоторых своих частях гипотетичными из-за фрагментарности материала. Но тем не менее они в какой-то мере должны подтверждаться фактами и не искажать этих фактов.

Фактический материал представлен в упомянутых двух томах описаний карельских петроглифов. В предисловии к первому тому В. И. Равдоникасом был обещан третий том «сравнительно-культурных» исследований. И хотя этот том не вышел в свет до сих пор, тем не менее мы можем судить о характере этих исследований по обширному введению к первому тому и другим указанным выше работам В. И. Равдоникаса.

К сожалению, факты, судить о которых можно по изображениям в двух томах «Наскальных изображений», довольно сильно исказились в зеркале «сравнительно-культурных» гипотез, основанных на «руководящих» указаниях Н. Я. Марра.

Уже во введении к первому тому утверждается сходство «по содержанию» всех скандинавских петроглифов, рисунков на скандинавских надгробных плитах, изображений «мегалитической эпохи» Ирландии, Франции, Испании и Португалии (стр. 4). На следующей странице говорится, что карельские петроглифы связывает с южноскандинавскими «единство тематики».

Всякому, кто хотя бы немного знаком с этими изображениями, известно, что между ними нет ничего общего, кроме того, что все они высечены на камне. Сцены морских походов, сражений, угона скота, свадьбы и похорон в ладьях на южноскандинавских петроглифах, зигзагообразные знаки, изображения каракатиц, ступней ног, топоров на французских дольменах, изображения бронзовых кинжалов на испанских наскальных рисунках, картины вспашки поля плугом на альпийских и на скандинавских петроглифах и т. д. ни при какой фантазии нельзя считать связанными «единством тематики» с петроглифами Карелии, изображающими сцены морской и лесной охоты, духов-хозяев местных вод и лесов и пр.

Даже отдельные нерасшифровываемые знаки на карельских петроглифах по большей части не имеют себе параллелей в наскальных рисунках Западной Европы.

Карельские петроглифы имеют, правда, много общих черт с северонорвежскими петроглифами, но о последних В. И. Равдоникас упоминает только мимоходом и к сравнению не привлекает.

Такое искажение фактов понадобилось для того, чтобы создать впечатление об особой, всемирной стадии развития мышления и для увязки с нею одной из стадий марровского «единого глоттогонического процесса», т. е. для подтверждения марровского тезиса о стадильности.

Итак, первый шаг для выполнения марровских «руководящих» указаний был сделан. За ним последовали дальнейшие шаги.

Отождествление тематики карельских и южноскандинавских петроглифов позволило В. И. Равдоникасу выдвинуть вторую гипотезу — о том, что племена, высекавшие рисунки на скалах Карелии, стояли на «стадии» перехода к «космическому мышлению». В «тезисах» это описывается следующим образом:

«Древнейшая стадия в искусстве наскальных изображений Карелии есть стадия тотемического мышления. . . В изображениях данной стадии (фигуры животных, тотемических предков, женщин и др.) запечатлелся тотемизм со всеми вытекающими из него представлениями и с культом тотема, тотемическая охотничья магия, почитание материнского начала в обществе и, вероятно, пассивный строй речи (! — А. Б.). По терминологии Н. Я. Марра, мы имеем здесь стадию еще животного и растительного тотема».

И далее:

«Тотемическое мышление в эпоху наскальных изображений, вероятно, существовало лишь в пережиточной форме и вытеснялось космическими представлениями символического порядка (солярные и лунарные знаки, как символы верхнего неба, фигуры, символизирующие среднее и нижнее небо и др.). . . Образы птиц и животных. . . приобретают космическую значимость. Олень становится солнечным божеством по преимуществу и превращается в умирающего и воскресающего бога, что доказывается посредством анализа изображения лодки».

К первому абзацу в этом тезисе мы еще вернемся. Сейчас же остановимся на приведенном В. И. Равдоникасом «доказательстве» смены «тотемического» мышления «космическим» — превращении оленя в умирающего и воскресающего

бога, что якобы доказывается посредством анализа изображения лодки.

У всякого непосвященного в тайны марризма читателя невольно возникает вопрос: причем здесь лодка?

Ларчик открывается просто. Для того и понадобилось В. И. Равдоникасу утверждать единство тематики карельских и южнскандинавских петроглифов, чтобы привлечь для «сравнительно-культурного» исследования скандинавские петроглифы с изображением лодки, возлежащего в ней покойника и сидящей рядом оплакивающей его женщины — образ умирающего и воскресающего бога Бальдра, по уверениям ряда немецких и скандинавских археологов. Отсюда уже нетрудно было перебросить мост к египетской солнечной ладье и т. д. Ибо простое изображение оленя никак не позволяло усмотреть в нем образ умирающего и воскресающего бога. Притянутая за уши аналогия давала возможность провозгласить изображенные на карельских петроглифах лодки солнечными ладьями, помещенные рядом с этими лодками изображения оленей — изображениями «космических» оленей; а для подтверждения такого вывода указать на единственное среди сотен карельских петроглифов изображение оленя, над спиной которого выбита прямая черта, оканчивающаяся кругом, — солярный знак, по мнению В. И. Равдоникаса.

По странной случайности В. И. Равдоникасу остался неизвестным один из рисунков в Южной Скандинавии (Сандакер, Богуслен), на котором изображен олень в лодке¹, представляющий, по мнению В. Шульца, «нечто далекое от действительности, необычайное». «То, что этот образ оказался помещенным в ладье, — писал В. Шульц, — должно показать, что он переходит из своего сверхъестественного мира в мир действительности»².

Впрочем В. Шульц, строя независимо от В. И. Равдоникаса свои гипотезы о солнечной («космической») природе оленя, изображенного на скандинавских петроглифах, хотя и сходилась с В. И. Равдоникасом в том, что подобные изображения знаменуют переход от магии (тотемическое мышление) к культу богов (космическое мышление), однако имел целью выполнить иную задачу, соответствующую иным «руководящим» указаниям: доказывая наличие на скандинавских петроглифах обрядовых церемоний (на что он имел гораздо больше

¹ O. Almgren. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden, 1934, стр. 70, рис. 37.

² W. Schulz. Die religiöse und geistige Kultur der Runenzeit. Jahreshefte der Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte der Oberlausitz. 1939, вып. 3, стр. 91.

прав, чем В. И. Равдоникас в отношении карельских петроглифов), В. Шульц делал вывод, что творцами таких изображений были «германцы в позднем значении этого слова»¹.

Но на карельских петроглифах нет изображений таких сцен — ни погребальной ладьи с покойником, ни свадебных лодок с изображением на них засвидетельствованного фольклором обряда благословения брачной пары священным молотом, ни лодок с оленями на них. Да и параллель Озирис—Бальдр — умирающий и воскресающий олень, слишком натянута. В. И. Равдоникасу необходимо было искать подкрепления, чтобы подогнать факты под гипотезу, доказать «космическое мышление» неолитического населения Карелии.

Поэтому дальнейшее изобретательство пошло по линии признания всякой фигуры, в которую частью входит круг, солнечным символом, а заодно уже и толкование всякой фигуры, в которую хотя бы частично входит полумесяц, лунарным символом. В. И. Равдоникас так описывает эти изображения:

«Данное изображение относится к категории многочисленных и весьма характерных для наскальных изображений Онежского озера фигур, представляющих круг или полумесяц с отходящими от них линиями от одной до трех, хотя всего чаще таких линий бывает две, причем в этом случае идут они от круга или полумесяца обычно под небольшим углом и лишь редко параллельно друг другу. Иногда концы этих линий соединены прямой или изогнутой чертой и тогда они производят впечатление прорезной рукояти... Я объединяю эти фигуры с фигурами в виде круга или полумесяца без отходящих от них линий... в одну общую категорию знаков, связанных с космическими представлениями, — как солярными, так и лунарными, — и с космическими культами»².

Фактически к этой категории «солярных и лунарных» знаков В. И. Равдоникас относит в своих работах и такие рисунки, которые даже с этими описаниями имеют очень мало общего³.

Изобретательство — дело затягивающее: раз начав, уже трудно остановиться. А так как на скандинавских петроглифах существуют совершенно отчетливо изображенные человеческие фигуры, держащие над собой на шестах вполне определенные солнечные символы, то, следовательно, надо было отыскать такие же изображения на карельских петроглифах. При достаточном желании такие изображения нашлись.

¹ W. Schulz. Die Felsritzung von Hvitlicke und das Eddalied von Thrymr, MANNUS, XXI, вып. 1—2.

² См. В. И. Равдоникас. Наскальные изображения, т. I, стр. 36.

³ См. там же, табл. 19, рис. 8, табл. 23, рис. 12 и др.

Правда, это были уже не человеческие, а получеловеческие-полузвериные фигуры. Тем лучше, — можно говорить о пережитках тотемизма и об исполнителях обрядов в звериных масках.

Правда, они держали свои символы не над головой, а против своей груди. Но кто же будет обращать внимание на такую мелочь.

Правда, на этих рисунках не было длинных шестов, на которых высились бы солнечные символы, но в параллель им создается новая гипотеза о «прорезных рукоятках», на которых такие символы якобы укреплялись.

Правда, сами карельские «символы» в подавляющем большинстве совсем не те, что на скандинавских петроглифах. Но тут уже ничего нельзя было сделать, как объявить все их ех cathedra безусловно солярными и лунарными.

В характеристику древнейших петроглифов Карелии на низовьях реки Выга (так называемые Бесовы Следки) были внесены в качестве сомнительной для нас аргументации приведенные выше недоказуемые утверждения, что в них «запечатлелся тотемизм со всеми вытекающими из него представлениями», вплоть до «пассивного строя речи».

Так в конце концов была создана вполне законченная схема, вполне соответствующая «руководящим» указаниям Марра.

Сравнение древнейших карельских петроглифов на реке Выге с более поздними на берегу Онежского озера привело В. И. Равдоникаса (на основании приведенных выше рассуждений о солярных и лунарных символах и т. д.) к выводу, что на онежских петроглифах старые тотемические образы наполняются новым содержанием, «приобретают элементы космической значимости», наделяются атрибутами «верхнего неба». Вот тут-то олень превращается в умирающего и воскресающего бога Бальдра.

Но этого было мало. На очередь стал вопрос, к какой ступени развития первобытного общества надо относить данные петроглифы. Ответ мы находим в «тезисах»: ко времени перехода от матриархата к патриархату.

Невероятность такого ответа поразительна. Достаточно вспомнить содержание значительно более поздних фольклорных памятников севера, Калевалы и Эдды: в Калевале материнский род отражен еще в эпоху его полной значимости; судя по Эдде, «... даже во времена викингов... в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве»¹.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 142.

По В. И. Равдоникасу, население Карелии уже во II тысячелетии до н. э. перешло от матриархата к патриархату.

Сделав такое поразительное открытие, надо его хоть как-нибудь обосновать. И вот, в «тезисах» мы находим такое обоснование в виде объяснения причины сдвигов в мышлении, отображенных в более ранних и более поздних петроглифах.

«Социальной подосновой этих сдвигов в мышлении является более высокая, чем раньше, форма охоты и рыболовства, а может быть и оленеводства».

С точки зрения сторонников равдоникасовской схемы, это в известной мере как-то поддерживает утверждение о переходе к патриархату, раз уже в эпоху выговских петроглифов существовало оленеводство, а во времена онежских петроглифов оно получило даже более высокую форму. Но... в археологическом материале Карелии доказательств развитого оленеводства в эпоху онежских петроглифов нет. Разве только можно сослаться на одно изображение на петроглифах Бесовы Следки, где мы видим несколько оленей и фигуру стоящего за ними человека с палкой; но это изображение можно толковать различным образом.

Впрочем, существует гипотеза того же В. И. Равдоникаса, дважды изложенная им в печати¹. По этой гипотезе В. И. Равдоникас относит начало одомашнения или «полуодомашнения» животных к самому началу неолита, мезолиту или даже, может быть, к концу палеолита, предлагая искать «ключ» к решению этого вопроса в изучении условий и способов приручения северного оленя. И если в «тезисах» В. И. Равдоникаса содержится утверждение наличия скотоводства в эпоху выговских петроглифов и отмечается достижение оленеводством «более высокой формы» в эпоху онежских петроглифов, то это вполне согласуется с его концепцией, по которой:

«...представляется совершенно ясным — возникновение скотоводства и начальные его стадии в лесной полосе восточной Европы необходимо отнести к эпохе расцвета материнского рода, к периоду господства рыболовства и охоты, как ведущих отраслей производства».

Надо, однако, отдать справедливость, что, повидимому, автор этого утверждения, несмотря на «совершенную ясность», колебался в своем заключении. Ибо страницей выше он говорил, что «никаких уверенных и безусловно твердых заключе-

¹ В. И. Равдоникас. К вопросу о происхождении скотоводства, ПИДО, 1934, № 3 и его же: Энгельс и проблема происхождения скотоводства. — «Вопросы истории доклассового общества», 1925.

ний о хозяйственной жизни неолитического населения восточной Европы в виду крайней недостаточности имеющихся данных делать нельзя». И еще выше: «состояние научных знаний о возникновении оленеводства оставляет желать много лучшего».

Странно только, что в эту спорную, по мнению самого В. И. Равдоникаса, схему он старается втиснуть факты из истории первобытной Карелии, относительно времени возникновения оленеводства в которой меньше всего можно говорить.

Таковы факты и гипотезы. Такова одна из схем В. И. Равдоникаса. Этих схем у него достаточно много. Только в 1934 г. он напечатал три статьи с подобными схемами¹. Неудобство заключается только в том, что эти схемы не укладываются одна в другую. Так, в одной из своих «периодизаций» истории доклассового общества² В. И. Равдоникас относит «ко времени неолита и началу эпохи металла» «эпоху зрелого материнского рода» с мотыжным земледелием, различными отраслями «промышленного» производства, с началом общественного разделения труда; патриархальный род относится по той же схеме ко времени «бронзы и железа» с плужным земледелием, развитием ремесла, патриархальным рабством³.

Очевидно, что под такую периодизацию нельзя подогнать изложенные выше гипотезы, основанные на «сравнительно-историческом» исследовании карельских петроглифов.

Итак, за исключением этой небольшой неувязки со своей собственной схемой, В. И. Равдоникасу удалось выполнить «руководящие указания» Марра: для неолита Карелии были созданы стадии тотемического и космического мышления; эти стадии оказались согласованными со стадиями материнского и отцовского рода, с пассивным и активным строем речи, грань между которыми проходит по линии перехода к «более высокой, чем раньше, форме рыболовства и охоты, а может быть и оленеводства».

К сожалению, эта вульгаризаторская схема, не считающаяся с фактами, до сих пор еще оказывает свое влияние и получает полное признание со стороны некоторых советских археологов.

¹ В. И. Равдоникас. К вопросу о диалектике развития доклассового общества, ПИДО, 1934, № 2; его же. О периодизации истории доклассового общества, ПИДО, 1934, № 7—8; его же. Маркс—Энгельс и основные проблемы истории доклассового общества. — «К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». 1934.

² В статье «О периодизации истории доклассового общества, ПИДО, № 7—8.

³ Там же.

Еще более надо сожалеть поэтому, что автор этой вульгаризаторской схемы до самого последнего времени не считает нужным выступить в печати с отказом от нее.

Исследование истории древних верований является одной из наиболее трудных задач для историка. Может быть, поэтому в этой области так часто встречаются произвольные толкования фактов, по большей части на основании сравнения явлений, разделенных тысячами и десятками тысяч километров и десятками и сотнями тысяч лет: так, южнофранцузские раскрашенные гальки азильской эпохи сравниваются с австралийскими чурингами, изображения лодок на карельских петроглифах — с солнечной ладьей Озириса и т. д. Суеверия, вызванные неправильными представлениями о природе и ее силах, возводятся в степень качественного различия в мышлении человека на разных ступенях его развития. Весь этот раздел истории требует коренного пересмотра и прежде всего освобождения от неверного представления, что мышление малокультурных народов следует каким-то иным законам, чем мышление культурной части человечества.

Что же касается древних наскальных и иных изображений, то увлечение попытками разгадки их смыслового значения — желательность чего, конечно, отрицать нельзя — приводит, к сожалению, очень часто к забвению возможности использования их для восстановления картины реальной жизни древнего населения. Желание видеть в изображениях лодок солнечные ладьи, в кругах, «с отходящими от них концами» — солярные и лунарные символы, в изображениях животных — космических зверей и т. д. препятствует анализу этих изображений как элементов реальной жизни древнего человечества — реальных лодок, капканов, объектов охоты и т. д. Такой анализ, как мне кажется, скорее и вернее позволит создать представление об истории верований, являющихся не чем иным, как искаженным изображением земной жизни.

Т. С. ПАССЕК

О МАРРОВСКИХ ОШИБКАХ В ИЗУЧЕНИИ ТРИПОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

Влияния немарксистских теорий Марра на советских археологов затронули различные стороны работы и могут быть отмечены в археологических исследованиях как по отдельным частным вопросам, так и при решении общих проблем исторического характера.

В течение ряда лет советские ученые вели большую археологическую работу по изучению истории трипольских племен Восточной Европы. Наибольший интерес вызывали вопросы материальных условий жизни этих племен и их происхождения. Систематическими раскопками на Украине мест поселений и жилищ древних так называемых трипольских племен было положено начало изучению конкретно-исторических процессов, происходивших в III—II тысячелетии до н. э. в областях Днепровско-Днестровского бассейна. В результате применения новой методики раскопок стало возможным в детальных чертах осветить жизнь этих племен. Многолетние раскопки различных памятников эпохи энеолита позволили показать историю трипольских поселений и наметить ход развития раннеземледельческих племен Восточной Европы.

Однако некоторые выводы относительно процесса развития культуры этого периода были сделаны под влиянием марровских концепций.

Так, при изучении истории племен трипольской культуры развитие общества этих племен эпохи III—II тысячелетия до н. э. рассматривалось в связи с лженаучной марровской теорией о стадильном развитии языков и единстве глоттогонического процесса. Археологи, следовавшие за Марром, отрицали целиком миграционные гипотезы для объяснения исторических изменений. Кроме того, последователи Марра смешивали законы развития языка и законы развития культуры. Они ошибочно рассматривали, как и марристы-языко-

веды, происхождение народов и языков как явления всегда исконно местные, восходящие к единой яфетической стадии. Все эти порочные положения «нового учения» о языке при-ведены к утверждению всегда автохтонного (без миграций), стадийного превращения одной культуры в другую.

При изучении древнеземледельческих племен с этих ошибочных позиций рассматривался основной вопрос о происхождении древнего населения Днепровско-Дунайского бассейна и генезиса трипольской культуры. Путем стадийных изменений, начиная с эпохи раннего неолита, охотничье-рыболовецкие племена превращались в племена земледельцев, а эти последние в свою очередь в эпоху бронзы оформлялись в племена, для материальной культуры которых характерны шну-ровая керамика и шаровидные амфоры. Разоблачая мигра-ционные гипотезы Коссины и Вильке и порожденный ими расизм, но одновременно отрицая и выводы сравнительно-исто-рического языкознания, археологи, следовавшие за Марром, представляли трипольскую земледельческую по преимуществу культуру как определенную стадию в развитии общества (по-добно другим марровским стадиям, будто бы существовавшим в жизни народов — «кимерской», «скифской», «готской» и др.).

На основе этих ложных предпосылок делались попытки (неверные по существу) понять происхождение древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна, исходя главным образом из изучения местных ранненеолитических племен, предшествовавших на той же самой территории трипольским и генетически с ними не связанным.

Тем самым конкретная история древнеземледельческих племен подменялась марровской стадийностью.

Развитие и смена культур в Поднепровье, начиная от ран-него неолита и до эпохи бронзы, ошибочно рассматривались, по выражению Б. В. Горнунга, «подобно марровским превра-щениям средиземноморских «яфетидов» в «индоевропейцев», в результате открытия металлов и усиления скрещения племен между собою»¹.

Конкретная история жизни племен подменялась марров-скими представлениями о стадийном развитии языка и куль-туры путем внезапных переоформлений — «взрывов». В про-цессе исследования изучаемая трипольская культура на основе тех же ошибочных положений изолировалась от одновремен-ных явлений на смежных территориях. Здесь сказалось влия-

¹ Б. В. Горнунг. Отношение истории языка к истории материаль-ной культуры. — «Против вульгаризации и извращения марксизма в язы-кознании», ч. 1, М., 1951, стр. 186.

ние не только марровского положения о стадильности и его отрицание миграций, но и концепция о том, что «скрещивание племен и скрещивание их языков является необходимым условием общественной жизни человечества, неизбежным условием ее начала и совершенствования на заре человечества»¹.

Неверное марровское толкование фактов скрещивания языков и племен использовалось археологами при изучении процессов развития культуры, что приводило к пониманию стадильного единства как результата «непрерывных и многосторонних скрещиваний племен, стоящих на одном уровне исторического развития»².

Мало уделялось внимания и вопросам расселения племен и межплеменному обмену, хотя археологического материала для этого было достаточно. Изучение межплеменного обмена у энеолитических племен Днепровско-Дунайского бассейна, Средиземноморья и Малой Азии привели меня (вопреки концепции Марра) к правильному решению этого вопроса; выяснилось, что «нельзя понять пути ее развития (трипольской культуры. — *Ред.*) в Поднепровье и Поднестровье, не обратив внимания на связи Триполья с древними культурами Восточного Средиземноморья и Малой Азии в переходный период от неолита к эпохе раннего металла»³.

Под влиянием марровской теории стадильности развития с ее постоянными внутренними скрещиваниями тормозилось изучение культурных влияний и заимствований.

Вопросы происхождения энеолитических древнеземледельческих культур обычно связывались с марровской «теорией» этно- и глоттогонии Восточной Европы, основанной на палеонтологической речи. Эта «теория» рассматривала весь Средиземноморский бассейн, Малую Азию и Кавказ как обширную область, связанную с Черным морем — Понтом Эвксинским, причем постоянно подчеркивалась роль племен этой области в период оформления так называемых доиндоевропейских этнических образований.

Под влиянием Марра написана и моя статья «К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна», в которой делалась попытка подойти к проблеме

¹ Е. Ю. Кричевский. О роли межплеменных сношений в древнейшей истории. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 4; сравни Н. Я. Марр. Избр. работы, т. I, стр. 189.

² Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 5.

³ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, стр. 235.

этногенеза народов Днепровско-Днестровского бассейна, наметить пути сложения трипольской культуры и охарактеризовать существовавший здесь в III—II тысячелетия до н. э. тип населения¹. Изложив основные направления истории изучения трипольской культуры с первых лет ее открытия, мною были показаны те пути, по которым шла советская археология, уделявшая большое внимание истории племен древних земледельцев в Поднепровьи. Наряду с изучением трех этапов развития разнообразных памятников трипольской культуры прослеживались культурно-исторические связи населения, обитавшего по Днепру, Южному Бугу и Днестру, с населением Восточного Средиземноморья и Малой Азии. Обнаруженные на трипольских поселениях глиняные антропоморфные изображения арменоидного антропологического типа послужили источником для сравнения древнего населения на огромной территории Передней и Малой Азии, Закавказья, Восточного Средиземноморья, Подунавья и Поднепровья.

В этой статье я писала, что «берега Черного моря уже в эпоху III тысячелетия до н. э. связаны культурно-исторической, а может быть и этнической общностью».

Этот ошибочный вывод, так же как и понимание образования трипольской культуры «в результате сложного процесса скрещения местных дотрипольских племен с племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии»², отразили основные положения, высказанные Марром об этногонии Восточной Европы.

Таким образом, изучая древнейшее население Днепровско-Днестровского бассейна, характеризуя древние скульптурные антропоморфные изображения из этих районов, подчеркивая вместе с тем культурно-исторические связи племен, населявших территорию Днепровско-Днестровского бассейна, с восточным Средиземноморьем и Малой Азией в эпоху III—II тысячелетия до н. э., я вместе с тем в обобщающих выводах присоединялась к ошибочным взглядам Марра на глоттогонию Восточной Европы и привлекла в качестве доказательства совершенно фантастическое высказывание Марра: «Черное море называлось Понтом вовсе не потому, что это в какой-либо мере исключительное море, а потому прежде всего, что его берега были заселены в доисторические времена йонами

¹ Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна. — Сборник «Советская этнография», т. VI—VII, 1947.

² Там же, стр. 37.

или ионами: Pont в данном отношении — лишь племенное название в форме множественного числа с зубным показателем множественности и как племенное название и отложилось то же слово в названии области Понта»¹.

Эту же ошибку я повторила и в своей монографии 1949 г.²

В корне порочные доказательства, базировавшиеся на палеонтологии речи и четырехэлементной анализе топонимических терминов, привели Марра, а вслед за ним и меня, к антиисторическим выводам, что на южном и северном берегу Черного моря, называвшегося «Pont», в древности обитало племя «ионов», и что название «Pont» в данном отношении лишь племенное название «ионов».

Выясненное мною развитие трипольских поселений помогло по-новому раскрыть историю древнейшего населения Поднепровья и Поднестровья и разрешить целый ряд интереснейших вопросов о локальных, повидимому, племенных особенностях трипольской культуры, о тесных культурно-исторических связях с племенами Дунайского бассейна и т. п.

В построениях Марра, так же как и в буржуазной археологии, отдельные археологические культуры рассматриваются как стадии абстрактной мировой культуры. Так, трипольская культура считалась лишь одним из вариантов единой культуры расписной керамики. Б. Л. Богаевский в своей книге «Орудия производства и домашние животные Триполья», давая характеристику «создателей трипольской культуры» и делая попытку осветить их историю, писал, что «сказанное о Триполье может быть повторено с незначительным изменением и в отношении таких же родовых обществ в Болгарии, Югославии, Фессалии, Иране, Белуджистане, Туркестане, Китае и Японии, Америке и Сев. Африке»³.

Вывод этот для Б. Л. Богаевского вполне закономерен, так как еще в 1931 г. он опубликовал свое специальное исследование «Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья», где ставил задачей, «уяснив себе раковинный орнамент и его историю в доисторическом Китае, яснее понять роль раковины в хозяйственном укладе и в орнаментации Крита

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 49; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 36—37.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, стр. 238.

³ Б. Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья., Л., 1937, стр. 135.

эгейской эпохи, в расписной керамике различных областей Дуная, Днестра и Днепра (так наз. трипольская культура), где этот орнамент можно наблюдать»¹.

Совершенно формально описывая отдельные якобы имеющие сходство элементы «раковистого», «зубчатого» и «пиловидного» орнамента в расписной керамике Китая, Месопотамии, Египта, Мексики, Крита и Триполья, Б. Л. Богаевский делает заключение, что «эти сюжеты в росписи, особенно «пиловидный» элемент «китайского типа», принадлежат определенному кругу обществ в энеолите: мы его встречаем на северо-западе Китая, в Ганьсу, на юго-западе Месопотамии дошумерийского времени и на юге СССР — в бассейне Днепра, Буга и Днестра. Таким образом Триполье, Китай, дошумерийская Месопотамия и Крит, видимо, составляли части одной обширной системы социально-родственно построенных и организованных обществ преимущественно родового типа»².

Так, Богаевский, в соответствии с порочными концепциями Марра, подменял конкретную историю многих совершенно отличных друг от друга культур стадийным единством «культуры расписной керамики».

Под влиянием идеалистических воззрений Марра писалась и работа Е. Ю. Кричевского, посвященная орнаментации глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы³.

Изучая орнаментацию керамики у древнейших земледельческих племен Средней Европы и Дунайско-Днепровского бассейна и пытаясь выработать методику изучения семантики «орнаментальных композиций», Е. Ю. Кричевский весь свой анализ подчинил антинаучной теории Марра о космическом и стадийном мировоззрении первобытного человека⁴.

Теоретически ошибочные взгляды некоторые советские археологи высказывали не только в вопросах происхождения древнеземледельческих племен, но и при изучении дальнейшего процесса развития племен Поднепровья в эпоху ранней бронзы. Проследив развитие древнеземледельческих племен в Поднепровье, и Кричевский и я пришли к выводу о том,

¹ Б. Л. Богаевский. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья, «Изв. ГАИМК», т. VI, в. VIII—IX, Л., 1931, стр. 7.

² Там же, стр. 88 и др.

³ Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. «Ученые записки ЛГУ, № 85. Серия исторических наук», вып. 13, 1949.

⁴ Там же, стр. 77.

что культуры эпохи ранней бронзы на территории лесостепной зоны Поднепровья и Поднестровья являются здесь результатом дальнейшего развития скотоводческо-земледельческих племен, характеризующихся уже шнуровой керамикой. Культурная и, вероятно, этническая общность племен прослеживалась нами для эпохи ранней бронзы на обширной территории Поднепровья, Поднестровья и Повисленья. «Из массы варварских земледельческих племен, с так наз. культурой ленточной керамики, — писал Кричевский, — выделялись скотоводческие племена, осваивающие заливные луга речных долин и примыкающие к ним дюны. У этих племен развивались новые приемы гончарного искусства: в одних случаях преимущественно керамика шаровидных амфор, в других — шнуровая керамика, в третьих — различное их смешение»¹.

Вопрос о племенах позднего Триполья и о взаимоотношении их с племенами эпохи бронзы является до сих пор окончательно не разрешенным. Для периода существования позднетрипольской культуры в настоящее время могут быть выделены несколько территориально обособленных групп с ярко выраженными своеобразными чертами. Так, например, в Среднем Поднепровье к такой группе относятся поселения Софиевского типа и могильники с трупосожжением (Софиевка, Красный хутор, Чернин), на Волини — Гбродская группа поселений, на Южном Буге — Сандракская, на Верхнем Днестре — Кошиловецкая, на Среднем Днестре — Выхватинская, с бескурганной могильником с трупоположением, в Причерноморье — Усатовская, с курганными и бескурганными могильниками с трупоположениями.

В этот период, в конце III и начале II тысячелетия до н. э., межплеменные связи позднетрипольских племен с соседними племенами — носителями катакомбной культуры, культуры шнуровой керамики, среднеднепровской, мегалитической и других — значительно усиливаются. В связи с этим происходит заметное изменение культуры позднетрипольских племен (например, в группе Софиевского типа памятников). Продвижения пастушеских племен — носителей культуры шнуровой керамики — на территорию, занятую позднетрипольскими племенами в Среднем Поднепровье и в Южном Побужье, приводят в одних районах, возможно, к ассимиляции трипольцев племенами — носителями культуры шнуровой керамики, в других — к покорению части позднетрипольских племен пришлыми племенами эпохи бронзы.

¹ Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы, КСИИМК, вып. III, 1940, стр. 10.

Все эти чрезвычайно важные и нерешенные пока проблемы исторической судьбы позднетрипольского населения на обширной территории Поднепровья, Побужья и Поднепровья следует рассматривать лишь в порядке постановки вопроса.

Ошибка ряда исследователей (Пассек, Кричевского и др.) заключалась, таким образом, в том, что они под влиянием «теории» стадиальности Марра культуру шнуровой керамики и среднеднепровскую, генетически не связанную с трипольской культурой, рассматривали как закономерный результат дальнейшего развития примитивно-земледельческих племен¹.

Те же ошибки и упрощение в понимании хода развития исторического процесса сказались и на высказанной мною гипотезе о происхождении среднеднепровской культуры, когда я писала, что «Закономерный путь развития позднетрипольских племен, изученный за последние годы на юге по материалам поселений и курганов причерноморско-днепровской группы (Усатово и курганы нижнего и среднего течения Днестра и т. п.), а на севере по материалам памятников киевско-волыннской группы (Городок, Колодяжное, Райки, Евминки и др.), позволяет высказать гипотезу о том, что среднеднепровская культура является закономерным результатом дальнейшего развития трипольских племен в Поднепровье. Она сложилась в процессе сложных культурно-исторических скрещений на базе древней культуры земледельческо-скотоводческих племен позднего Триполья»². При таком понимании происхождения среднеднепровской культуры подчеркивалось закономерное развитие материальной культуры у позднетрипольских племен, но вовсе не вскрывались изменения в этническом составе населения.

Стремясь в дальнейшем проследить развитие племен, происходившее в послетрипольское время, в эпоху бронзы, в Поднепровье и Поднепровье, исследователи попрежнему оставались в заколдованном кругу стадиальной теории «нового учения» о языке, когда писали, что «в результате сложного процесса скрещивания...» и складывающихся к концу Триполья

¹ Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 11; Т. С. Пассек. К вопросу о Среднеднепровской культуре, КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 50.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, 1949, гл. VI, стр. 217; ее же. К вопросу о Среднеднепровской культуре, КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 50—51.

«... племенных взаимоотношений намечаются очертания перехода к предскифским этническим образованиям»¹.

Такого рода выводы, делавшиеся под влиянием «теорий» Марра, по археологическим материалам эпохи энеолита, схематизировали ход исторического процесса и давали основания для ошибочных построений историков материальной культуры, работавших в области этногенеза славянских народов на территории Поднепровья и Поднестровья.

И хотя устаревшее определение В. В. Хвойки трипольской культуры как «протославянской» не принималось археологами, все же под влиянием марровского понимания вопросов происхождения славянства археологические материалы из раскопок трипольских поселений на Украине как бы «укрепляли» позиции историков, занимавшихся проблемами славянского этногенеза с порочных позиций «нового учения» о языке.

Так, Н. С. Державин на основе яфетической теории подчеркивает, что «народ — носитель и строитель трипольской культуры... не мог исчезнуть бесследно или быть заменен каким-либо другим. В период своей долгой исторической жизни он представлял собой постоянного насельника данной территории»².

Позднее Н. С. Державин в книге «Происхождение русского народа» писал, что в трипольском народе можно видеть только предков славян (или протославян), и что скифы-пахари и земледельцы — потомки уже известных нам на Приднепровье земледельцев-трипольцев, продолжавших в геродотово время оставаться на тех же местах, где они и до «Геродота сидели искони веков». Несколькоими страницами ниже он прямо заявляет, что, «начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века, подводящего нас вплотную к новой эре, здесь жил один и тот же, в основном, народ»³.

Опровергая выводы В. В. Хвойки, что обитатели трипольских поселений являлись древнейшими славянами, П. Н. Третьяков под влиянием теории Марра заключает, что «трипольские племена Днепро-Дунайского междуречья, связанные с древним Средиземноморьем, действительно послужили

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 238—239.

² Н. С. Державин. Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна, ВДИ, 1939, № 1, стр. 289.

³ Н. С. Державин. Происхождение русского народа. М., 1944, стр. 5—7, 16.

как бы основанием последующего, длительного, автохтонного развития земледельческих племен Прикарпатья и Среднего Поднепровья, завершившегося, в частности, возникновением «славянства»¹.

В дальнейшем П. Н. Третьяков прослеживает сложный процесс скрещения древнего исконного населения скифов-земледельцев с пришельцами скифами и пишет, что «генетическая связь скифского населения с населением предшествующего времени наблюдается здесь чрезвычайно ясно»².

Близкую точку зрения разделял и А. Д. Удальцов, когда писал, что «советская археология за последние годы приводит все больше фактов в пользу генетической связи земледельческих скифо-сколотских культур (связанных с позднейшими местными раннеславянскими культурами полей погребений) через ряд промежуточных культур «периода бронзы» с трипольской культурой, ярко расцветшей в III в. до н. э. на территории современной правобережной Украины»³.

Всеми этими примерами далеко не исчерпываются ошибки частного и общего характера, возникшие у советских археологов под влиянием немарксистских «теорий» Марра при изучении трипольских племен Восточной Европы. Одной из важных задач археологов является выяснение, на основе созданной периодизации археологических памятников энеолитического времени, локальных вариантов культур древнеземледельческих племен Юго-восточной Европы, населявших обширные территории междуречья Дуная и Днепра. Характеристика этих вариантов выявит своеобразие родственных племен, образующих в целом археологическую культуру, условно названную трипольской. Одновременно с этим встает и другой нерешенный еще вопрос о возможности рассматривать отдельные археологические культуры, в том числе и древнеземледельческую трипольскую, как культуру, отражающую реально существовавшую этническую общность жившего здесь племени или родственных племен. Все это позволит восстановить по археологическим данным конкретную историю древнеземледельческих племен, населявших в III тысячелетии до н. э. ограниченные, но достаточно большие территории.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1949, стр. 17.

² Там же, стр. 29.

³ А. Д. Удальцов. Проблема происхождения славян в свете современной археологии, «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 20.

В настоящее время и П. Н. Третьяков, и А. Д. Удальцов стоят на иной точке зрения, как показывают их статьи в настоящем сборнике (Ред.).

Одним из важных разделов изучения трипольской культуры явится вопрос ее происхождения. Здесь следует обратить внимание на историю развития и процесс расселения ранне-неолитических племен Средней и Юго-Восточной Европы, с одной стороны, с другой — всесторонне рассмотреть археологические материалы изучаемой территории и соседних районов с тем, чтобы проследить расселение племен и процессы постепенной ассимиляции, которые происходили в IV—III тысячелетии до н. э. в лесостепных районах Поднестровья, Побужья и Поднепровья.

Многочисленные, близко расположенные, большие родовые поселения древних земледельцев свидетельствуют о большой плотности населения у этих племен в III тысячелетии до н. э., постепенно осваивавших лёссово-черноземные почвы в Днепро-Днестровском бассейне.

Анализ археологических материалов позволит установить различные причины возникавших в это время межплеменных связей между населением Поднепровья, Поднестровья, Подунавья, Прикарпатья, а также с более отдаленными областями Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

Перед советскими археологами, занимающимися древнейшей историей племен, населявших район Днепро-Дунайского бассейна, встает чрезвычайно интересная задача определения этнической принадлежности населения с родственными культурами на всей этой обширной территории. Данный вопрос не может рассматриваться независимо от общей проблемы древнейшего расселения в IV—III тысячелетии до н. э. племен, связанных языковой общностью. В настоящее время ни у лингвистов, ни у археологов нет еще окончательного решения этой сложной проблемы. Но на основании новых лингвистических и археологических данных возможно уже высказать некоторые предположения.

И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» вскрыл немарксистский характер методологических основ «нового учения» о языке, показав идеалистический характер «теории» единства глоттогонического процесса и стадильности Марра и его последователей, разрушил представление о каких-то мифических языках «яфетической стадии» и поставил требование конкретно-исторического подхода к фактам языкового родства, изучения этих фактов в тесной связи с историей племен и народностей, говоривших на данных языках.

В результате археологических исследований последних десятилетий в районах, относящихся к Днепро-Днестровскому бассейну, все с большей четкостью удается прослежи-

вать культурно-исторические связи трипольских племен с Придунайскими племенами и племенами Средиземноморья. Особенного внимания заслуживает вопрос об этнической и языковой принадлежности племен всех этих областей. До последнего времени (по теории П. Кречмера) Эгейская область Средиземноморья до прихода греческих племен считалась заселенной народами, говорившими на неиндоевропейских языках, объединенных Марром под общим названием «яфетических». Однако новые археологические исследования и дешифровка древних письменных памятников на территории Малой Азии и Крита решительно изменили наши представления о языках народов Средиземноморского бассейна и Малой Азии. Особенно большое значение имела дешифровка хеттского клинописного языка середины II тысячелетия до н. э. и определение его как принадлежащего к индоевропейской группе языков. Кроме того, для Малой Азии историческими источниками засвидетельствовано существование народов, говоривших на палайском и лувийском языках, тоже принадлежащих к индоевропейской группе языков. Таким образом, на территории Малой Азии уже во II тысячелетии до н. э.¹ существовали народы, говорившие на индоевропейских языках.

Не меньшее значение представляют и работы по дешифровке древнекритской письменности, проделанные за последние годы Вл. Георгиевым. Язык этих надписей он называет минойским и, так же как Б. Грозный, считает его индоевропейским. В нем он усматривает один из диалектов реконструированного им «догреческого» языка, распространенного некогда на всей территории Эгейского мира². Вл. Георгиев в своих исследованиях о «догреческом» или «пелагском» языке выдвигает новую классификацию индоевропейских языков с тремя большими диалектными группами — северной, центральной и южной.

Разрабатывая свою теорию южноиндоевропейских языков и анализируя балканскую и эгейскую топонимику, Вл. Георгиев устанавливает непосредственную связь языков Эгейской области с языками Малой Азии. Эту свою гипотезу он подкрепляет археологическими материалами, в частности известными фактами связи племен — носителей трипольской культуры, с племенами, населявшими Балканы и Малую Азию³.

¹ А. В. Десницкая. Древние языки Малой Азии и сравнительная грамматика, «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 40.

² Вл. Георгиев. Эгейский мир во II тысячелетии до н. э., ВДИ, 1950, № 4.

³ А. В. Десницкая. Указ. соч., стр. 51.

Проблема этнической принадлежности носителей той или иной археологической культуры, в данном случае трипольской, не может быть разрешенной без привлечения языковых данных. Однако для комплексной разработки вопросов происхождения и развития народов требуется принять положение, «что язык есть важнейший признак этнической общности, но не единственный ее признак. Народ может сменить свой язык, подчинившись влиянию другого языка и влившись в состав народа — носителя победившего языка.

Следовательно, прослеживаемая археологами преемственность в развитии материальной культуры на какой-либо территории не может служить решающим доказательством существования непрерывной языковой традиции на этой же территории, точно так же, как исторически засвидетельствованный факт появления какого-либо языка на определенной территории не означает, что в образовании современного народа, говорящего на этом языке, не участвовало древнее иноязычное население данной территории, усвоившее язык пришельцев»¹.

При современном состоянии наших знаний у нас нет пока оснований утверждать о принадлежности древнейших племен Днепроовско-Дунайского бассейна к какой-либо из групп народов, говоривших на индоевропейских или доиндоевропейских языках. Точно так же трудно пока указать, когда произошло начало распада индоевропейской общности и лишь с известной долей вероятности можно говорить, что это произошло не позже неолита. Вместе с тем в свете новых археологических фактов возможно все же рассматривать историю трипольских племен в неразрывной связи с историей народов, населявших территорию Дунайского бассейна, Балканского полуострова и Средиземноморья. Окончательные выводы по этой проблеме были бы, как мне кажется, еще преждевременными.

Не менее важным явится и разрешение вопроса о судьбах земледельческо-скотоводческих племен в эпоху бронзы.

Изучение археологических материалов позднего периода Триполья и эпохи бронзы в Днепроовско-Днестровском бассейне показывает, что в эпоху ранней бронзы трипольские племена постепенно продвигались на север, северо-восток — на левый берег Днепра и на юг — к берегам Черного моря. На севере и северо-востоке они входят в соприкосновение

¹ Б. В. Горнунг, В. Д. Левиц, В. Н. Сидоров. Образование и развитие языковых смен, «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 64.

с местными скотоводческо-земледельческими племенами — носителями так называемой катакомбной культуры, а также со вторгнувшимися племенами, оставившими так называемую культуру шнуровой керамики, в своем происхождении не связанными с Триполем. Взаимоотношения с ними приводят к постепенному исчезновению всех основных признаков трипольской культуры, к ассимиляции трипольских племен.

В результате этого сложного процесса в лесостепной полосе Поднепровья и Поднестровья в начале—середине II тысячелетия до н. э. расселяются и начинают господствовать племена — носители культуры шнуровой керамики и несколько позднее — комаровской культуры. Прослеживаются связи последних с племенами лесостепной полосы Поднепровья и с группой племен, относящихся к так называемой тшинецкой культуре, распространенной в бассейне Вислы. Необходимо обратить также внимание на неослабевающие связи комаровских племен на юге с районами низовьев Днестра и Дуная. Основная территория распространения земледельческо-скотоводческих племен — носителей комаровской культуры — связана с лесостепной полосой бассейна Днестра (в его верхнем и среднем течении), с Южным Побужьем (мало еще исследованным) и, вероятно, частично с правобережными районами Днепра.

Высказанное польскими учеными мнение о фракийской этнической принадлежности носителей комаровской культуры является мало обоснованным. Территория фракийских племен, по свидетельству древних авторов, располагается значительно южнее, чем территория расселения комаровских племен. Вместе с тем лесостепные районы, где жили во II тысячелетии до н. э. племена — носители комаровской культуры, являются, как теперь все больше и больше выясняется, территорией, связанной со славянским этногенезом. Если это правильно, то становится понятной поразительная близость комаровской культуры с тшинецкой, развивающейся на северо-запад от верхнего течения Днестра, в бассейне Вислы, а также с культурой, оставленной племенами предскифского времени, известной по памятникам типа Белогрудовки в Побужье.

Трипольские племена и традиции их культуры остаются в Причерноморье длительное время. Судьба этих племен в эпоху бронзы, видимо, была не одинакова на всей территории их распространения; об этом свидетельствуют сложные и различные исторические процессы, которые удастся проследить по археологическим данным эпохи бронзы.

«...Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»¹. Советские археологи, углубленно и творчески изучая марксизм-ленинизм, должны стремиться к разрешению этой основной проблемы марксистской исторической науки с тем, чтобы археологическая наука в нашей стране достигла бы самого высокого уровня.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ОШИБКАХ АРХЕОЛОГОВ
В СВЯЗИ С УЧЕНИЕМ Н. Я. МАРРА
О СЕМАНТИКЕ

Изучение археологических памятников восстанавливает нам не только историю материального производства, но и древней идеологии. Особенно интересный материал для установления древних религиозных представлений могут дать часто встречающиеся при раскопках амулеты и изображения на керамике и других предметах. Установление смыслового значения изображений, как единичных, так и составляющих определенный комплекс, является важной частью археологического исследования. Советская археология, уделяющая большое внимание установлению смыслового значения древних изображений, уже дала в этом направлении ряд интересных и ценных работ, но правильной постановке этих трудных вопросов сопутствовали и серьезные ошибки, в первую очередь связанные с широким применением археологами учения Марра о семантике. Семантика, учение о значении слов и изменении значений, является разделом языкознания, который не может успешно разрабатываться без связи с историей материальной культуры. Несмотря на ряд капитальных трудов русских и западноевропейских лингвистов, ограничивающих себя, в большинстве случаев, этимологическими исследованиями, этот раздел языкознания остается еще недостаточно разработанным. Именно семантику Марр считал основным разделом языкознания и создал свою теорию семантики, перенося в языкознание те выводы, которые были получены при изучении археологических и этнографических памятников.

Многие археологи не понимали ошибочность утверждения Марра — «мы хотим вскрыть и вскрываем социальные явления в корне слов, именно в их значениях, как того требует история», утверждения, основанного на неправильном положении о том, что язык является надстройкой и стадийно

отражает в себе изменения базиса. Археологи, разделявшие эту ошибку, в частности и я, в ряде своих работ, считали семантику, как и «палеонтологию речи», ценнейшим источником для воссоздания процесса исторического развития по археологическим материалам. Казалось, что именно семантика вскроет общие закономерности, к чему стремится советская наука, так как семантические связи выявляются на громадном материале, в разное время и в разных местах земного шара, выступая как явления не случайные.

Теоретические ошибки «нового учения» о языке после выхода в свет работы И. В. Сталина по вопросам языкознания для нас совершенно ясны. Стала очевидной и переоценка Марром значения семантики в языкознании, неправомерное признание за этим разделом значения основного раздела языкознания. Обнаружилась также тенденциозность научных построений Марра, прямого переноса данных, полученных при исследовании истории культуры, на материалы языка, обнаружился и тот факт, что многие семантические связи, особенно привлекавшие археологов удивительным совпадением с их материалом, на самом деле в языке реально не существовали, а были получены Марром путем четырехэлементного анализа.

«Учение» Марра о семантике отражает основные пороки «нового учения» о языке. Коренная ошибка Марра, механически связывавшего стадию развития речи с определенным строем общества, четко разъяснена И. В. Сталиным, указавшим также и на то, что «...переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н. Я. Марра к идеализму»¹.

Глубоко ошибочным было стремление Марра выявить стадийность в семантике и распределение установленных им семантических связей по искусственно созданным им и не существовавшим в действительности эпохам — магической, космической, технической и др. Представление о якобы искаженном восприятии реального мира в мышлении древнего человека в силу качественного отличия его мышления от современного, о магической стадии мышления, об организующей роли магии в первобытном обществе приводили Н. Я. Марра к чисто идеалистическим построениям.

В литературе последних лет по вопросам языкознания имеются уже работы, вскрывшие основные ошибки учения Н. Я. Марра о семантике². В своей статье я хочу обратить

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 39.

² Статьи В. А. Звягинцева «Критика семантических законов Н. Я. Марра» и Б. В. Горнунга «Семантические законы Н. Я. Марра»

внимание на те ошибки, которые делали археологи, применяя в своих работах положения «нового учения» о языке.

При исследовании конкретного материала археологи и этнографы постоянно встречались с интересными фактами, устанавливавшими неожиданные иногда семантические связи. Так, археолог Дешелетт, исследуя памятники эпохи бронзы, особенно символику на древних предметах культа, отчетливо установил намечающиеся связи солнца с различными животными, птицами и предметами. Религия эпохи бронзы, в которой были особенно сильны астральные, в частности солярные представления, с культом солнца связывала многие тотемические образы. Солнечный диск или колесо сочетались с фигурами птиц и животных, а иногда эти птицы и животные изображали само солнце.

Этнографы тоже приводили интересный материал. Так, Фрэзер в своем многотомном труде «Золотая ветвь» собрал громадное число примеров, где явно выступала семантическая связь дерева, воды и женского божества, чем он подкреплял установленные им связи дуба в Немийской роще с Дианой и ручья с нимфой Эгерией.

Выводы обоих ученых были основаны на громадном фактическом материале, имевшемся в их распоряжении, но попыток объяснить существо этих семантических связей в их работах мы не найдем.

Мои первые работы по семантике на материале древнеегипетского пиктографического письма носили тот же характер.

В статье о древнеегипетских амулетах в форме глаза¹, понимавшихся именно как солнечный глаз, я приводил многочисленные семантические связи глаза с солнцем в египетских текстах и на изобразительных памятниках, правильно устанавливая значение амулета. Но я не обращал внимания на то, что в египетском языке нет и не было совпадения основного термина 'солнца' и 'глаз', что название 'солнце' никогда не переносилось на орган зрения человека и что семантические связи не означают тождество понятий.

В статьях, посвященных древнеегипетскому термину 'металл'², которые, так мне кажется, правильно разъясняли

вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры» в сборнике «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. 1, 1951.

¹ Б. Б. Пиотровский. Амулеты в форме глаза в древнем Египте, «Изв. ГАИМК», вып. 3, 1932, стр. 10.

² Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетский термин 'металл', Изв. ГАИМК, IX, вып. 3, 1931, стр. 14; его же. По поводу древнеегипетского термина 'железо', «Доклады АН СССР», 1929, стр. 1.

значение некоторых терминов и устанавливали семантические связи термина 'небо' и 'металл', я прошел мимо того факта, что в сопоставляемых терминах 'небо' выступает не во всеобъемлющем значении, а лишь в одном своем аспекте и что термин 'металл' связывается не с обычным термином 'небо', имеющим совершенно иную звуковую форму, а лишь с одним пониманием неба, а именно: 'небесным сводом', 'твердью'.

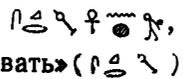
В указанных работах и особенно в статье «Семантический пучок в памятниках материальной культуры»¹ языковой материал я рассматривал лишь как иллюстративный, без достаточного к нему внимания, и следует признать, что приводимые мною лингвистические сопоставления были крайне слабыми, далекими от того, чтобы служить доказательствами, так как они были основаны на фонетическом сходстве слов, взятых из различных языков.

Кроме того, я вслед за Марром отождествлял семантику языковедения, т. е. учение о значении слов, с семантическими связями, наблюдавшимися в области материальной культуры, совершенно упуская из виду специфику отдельных научных дисциплин.

В своих работах «Яфетическая теория и археология» и «Учение Н. Я. Марра о семантике и пиктографическое письмо древнего Египта»² я углубил свои ошибки в этом направлении и переоценил значение семантики, признав учение Н. Я. Марра о стадильности в семантике одним из полноценных источников для изучения истории.

Работая над установлением связи изобразительных памятников с языком, я много внимания уделял пиктографическим системам письма, в которых понятия передаются изображениями реальных предметов. В этом отношении особый интерес для меня представило иероглифическое письмо древнего Египта.

Оно сохранило ряд сложных терминов, отражающих определенные этапы развития общества. В этом отношении особенно показательна графическая форма слова «пленный»

, состоящего из двух частей — глагола «убивать» () и самостоятельного слова «жизнь» ()

Таким образом, это слово «пленный», детерминированное (раскрываемое) фигурой человека со связанными за спиной руками, означало нечто вроде «мертвец живой», являясь

¹ «Изв. ГАИМК», VI, вып. 10, 1930.

² «Изв. АН Армянской ССР», 1945, № 1—2, стр. 13.

характерным для того общества, в котором пленные еще не обращались в рабов, а подвергались убийству, иногда ритуальному. Иероглифы древнего Египта в данном случае сохранили нам и конкретное содержание термина 𓆎 'убивать'. Судя по детерминативу 𓆎 'булава', этот термин обозначал убийство именно каменной булавой, о чем можно судить по изображению на знаменитой шиферной плитке фараона Нармера. Убийство плененных врагов постоянно изображается на додинастических египетских памятниках, а раскопки гробниц фараонов первых династий обнаружили около могил костяки людей с проломленными булавой черепами.

Можно привести и другой пример. Понятия «почет», «знатность», «награда» в древнеегипетском письме передавались пиктограммой — изображением козы с привешенной к ее шее печатью, т. е. признаком собственности 𓆎 (𓆎 𓆎 𓆎). Эта пиктограмма свидетельствует о том, что в Египте, где основой хозяйства было земледелие, классовое расслоение базировалось на частной собственности на скот. Именно владение скотом, притом мелким, что характерно для полукочевого скотоводства, допускающего значительный рост стада, давало возможность обогащения, присвоения прибавочного продукта.

Основываясь в своих работах по семантике на исследовании древнеегипетского письма, где особенно четко выступала идеографическая передача приведенных социальных терминов, я был уверен, что семантика вскроет нам в языке различные напластования, которые можно будет распределить в последовательном порядке по определенным стадиям развития общества. Но такой подход к языковому материалу в целом оказался бесплодным, за пределами социальных терминов семантические связи не давали материала для установления времени их возникновения.

Это можно видеть на следующем примере: Марр, взяв схему развития средств передвижения, установленную в археологии, пытался ее перенести в языкознание и обосновать языковым материалом. Основным методом его обоснования было привлечение однозвучных слов или их корней, подобранных по смыслу, из разных языков, иногда весьма отдаленных друг от друга. Таким образом, он установил переход названия на функции тяглогового животного — от собаки, оленя, быка и до лошади, расположив эти термины в ряд, который можно довести до «парового коня». Но этот правильный ряд элементов одинаковой функции, расположенных в исторической после-

довательности, не может быть просто иллюстрирован языковым материалом, т. е. переходом термина с собаки на оленя, с оленя на быка и т. д. Ведь олень, бык и лошадь имели не только одну функцию — тяглого животного, а целый ряд других хозяйственных функций, не менее важных, и их связи как средств передвижения не должны обязательно выражаться в переходе основных терминов с одного животного на другое. Когда в древнем Египте появилась лошадь, был внесен в египетский язык новый семитический термин «*sesem*», но в иероглифике есть другой термин, отмечающий замену быков лошадью. Коптское слово «лошадь» *hto* восходит к древнеегипетскому *htj* (*htj*), что означало запряжку лошадей (𓆎𓅓𓏏), термин, который означал первоначально запряжку быков (𓆎𓅓𓏏), притом быков, тянущих плуг, о чем свидетельствует детерминатив (𓆎𓅓𓏏), изображающий двух быков, запряженных в плуг. Если мы внимательно присмотримся к этому факту, то увидим, что здесь нет перехода термина «бык» на «лошадь», ввиду вытеснения быка из хозяйства, тут имеет место переход значения только по одной линии, по линии парной запряжки. Термин *htj* никогда не означал быка, а означал «пару запряженных быков», почему он и связывается с термином 𓆎𓅓𓏏𓏏 «близнецы», где детерминативом служат две фигурки людей, держащихся за руки. Термин перешел с плужной парной запряжки на парную запряжку лошадей в колеснице, а когда парная запряжка сменилась одиночной, то он перешел вообще на «запряженную лошадь». Таким образом, этот ряд семантических изменений слов, показывающий замену быка в некотором отношении лошадью, не привел к замене основных терминов «быка» и «лошади» в древнеегипетском языке.

Если мы попытаемся понять природу семантических связей, то увидим, что они основаны на сложности каждого явления в обществе, так как у каждого явления имеются многочисленные связи с другими явлениями, не только связи, но и «опосредствования».

Разбирая такой обычный и простой предмет, как стакан, В. И. Ленин говорил: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 71.

Вот именно это бесконечное количество свойств и опосредствований у каждого предмета и приводит к бесконечному числу семантических связей, по различным линиям, в различных аспектах.

Так, семантическая связанность «колеса» с «солнцем» основана на наблюдении движения солнечного диска по небесному своду, что, естественно, ассоциировалось с катящимся колесом; связь же «птицы» с «солнцем» объясняется другой, близкой ассоциацией, а именно тем, что солнце держится и движется в воздушном пространстве, подобно птице. Всюду проникающие, подобно взору, солнечные лучи привели к семантической связи «глаза» с «солнцем», к представлению о «всевидящем оке» солнечного божества. Все эти связи не являются порождением какого-либо «дологического» или «магического» мышления, отличного от нашего мышления.

Нет сомнения в том, что приведенные образы, находящиеся в семантической связи с солнцем, — колесо, птица, глаз — не покрывали значения понятия «солнца» во всех его проявлениях, а связывались лишь некоторыми отдельными его признаками, и поэтому тщетно было бы искать в египетском языке совпадения терминов солнца с колесом, птицей или глазом. Нет сомнения и в том, что эти связи по ассоциации могли возникать и возникали в разное время, в разных местах и вне связи со строем общества. Очевидно также, что не все семантические связи, выявляемые изобразительными памятниками, фольклором и религиозными сказаниями, должны иметь свое отражение в языке — в совпадении терминов.

Совпадение терминов встречается лишь в том случае, если один предмет целиком, во всех отношениях заменяет другой. Древнеегипетский термин 'металл' и фонетически и графически выявляет нам семантическую связанность терминов: 'камень', 'металл', а при дифференциации термина 'металл' он стал означать самый ранний из металлов, применявшихся в производстве, — 'медь'. Для 'железа', появившегося в Египте довольно поздно, стал употребляться сложный термин 'металл неба'.

Связанность термина 'камень' и 'металл' наблюдается и в другом древнеегипетском термине 'кремень', однозвучном с термином 'нож', причем термины для каменного и металлического ножа также были однозвучны. Археологический материал свидетельствует, что ранние медные ножи позднединастического периода по своей форме повторяют хорошо нам известные каменные.

В результате чрезмерного увлечения семантикой, проявившегося в работах, характерных для определенного периода

развития советской археологии, появился ряд работ, посвященных определению смысла древних изобразительных памятников, с привлечением громадного сравнительного материала во всемирном масштабе, но без конкретного разбора обстановки и условий возникновения самих памятников.

Характерной работой этого периода является статья Е. Ю. Кричевского, написанная в конце 30-х годов, в которой автор пытался объяснить орнаментацию глиняных сосудов у земледельческих племен Европы в неолитический период. В этой по существу интересной работе встречаются примеры произвольного толкования примитивных, небрежно выполненных графических схем. Автор сам сознается в трудности установить, что хотел изобразить мастер на сосуде из Эрфуртской могилы, но тут же дает сложное объяснение небрежных линий — как изображения небесного свода, мирового дерева и нижнего («водного») неба¹. Такие объяснения примитивных графических изображений на неолитических сосудах не могут никого убедить в их правильности, и у читателя остается сомнение и неудовлетворенность.

В этой статье особенно чувствуется ошибочное семантическое отождествление. Е. Ю. Кричевский, указывая на то, что татуировка людей выражала космическую символику, писал: «человек, покрытый такой орнаментацией, — это 'человек-небо', 'человек-солнце'. Глиняный сосуд ленточной керамики, орнаментированный спиралями, зигзагами, волнами, в первобытных представлениях выступает как тот же 'татуированный человек' — 'человек-небо', 'человек-солнце'»². Безусловно, вся эта символика была связана с солнцем, но постановка вопроса о тождестве человека, носящего на себе эти символические знаки, с 'солнцем' или о тождестве орнаментированного сосуда с татуированным человеком является простой нелепостью.

Переоценка вопросов семантики в археологических работах нанесла определенный вред, так как такой подход приводил к игнорированию изучения археологических памятников в их реальной обстановке, заменял конкретное исследование применением общих схем, где элементы семантики становились основой для датировки памятников.

Весьма показательна в этом отношении работа Марра о вишапах — каменных статуях в горах Армении³. Марр

¹ Е. Ю. Кричевский. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы. «Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук», вып. 13, 1949, стр. 72.

² Е. Ю. Кричевский. Указ. соч., стр. 87.

³ Н. Я. Марр, Я. И. Смирнов. Вишапы. 1931.

в своей книге к этим замечательным и недатированным еще памятникам древней культуры подошел лишь со стороны семантики и сделал вывод, что анализ изображений на них позволяет опуститься далеко вглубь веков, во II—III тысячелетие до н. э. Он привел языковедный материал, который иллюстрировал многообразные семантические связи, иногда даже не имевшие прямого отношения к этим каменным изваяниям, лишь условно называемым «вишапами». Посвятив всю свою работу лишь разбору семантики изображений на вишапах и связанных с ними образов, Марр обошел вопрос их датировки и связи с другими известными в Армении археологическими памятниками. Он не обратил внимания на то, что эти статуи, расположенные высоко в горах, у развитой системы водоснабжения, никак не могут относиться к периоду первобытно-общинного строя, так как они не соответствуют ни его хозяйственному уровню, ни техническому мастерству.

Другой работой, характерной для периода чрезмерной переоценки значения семантики, является небольшая книжка И. И. Мещанинова о закавказских поясных бляхах с изображением коней и оленей, с нападающими на них собаками¹. Эта работа имеет подзаголовок «опыт яфетидологического анализа памятников материальной культуры». Текст ее, занимающий 38 страниц, перенасыщен описанием различных семантических связей с утверждением, что изображенные на бляхах представители животного мира, судя по их семантике, как тотемы, были связаны с определенными этническими группами. В книге приведен значительный материал, посвященный семантике, и только с 27-й страницы автор приступил к своей прямой теме, причем и тут, так же как в книге Марра о вишапах, вопрос о датировке блях не разбирался, не сопоставлялись они и с другими закавказскими памятниками.

Такое отношение к изучаемому археологическому материалу привело И. И. Мещанинова в рецензии на одну из работ о тех же самых бляхах² к предположению, что бляхи вообще фальшивые, хотя в это время археологам Закавказья были уже известны факты их нахождения в древних могилах.

На ряде характерных примеров я попытался показать ошибки, допущенные археологами, некритически применявшими в своих работах ошибочные положения «нового учения» о языке.

Рассмотрение вопросов семантики, установление смыслового значения элементов имеет немаловажное значение

¹ И. И. Мещанинов. Закавказские поясные бляхи. Махач-кала, 1927.

² «Краткие сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 33.

в археологических исследованиях. Поэтому следует всемерно развивать эту сторону изучения древних памятников, учтя все ошибки, допущенные Марром и его сотрудниками, основанные на неправильном подходе к языку, как к надстройке, и на перенесении ошибочных представлений о стадиальности в языке в исследования, посвященные вопросам семантики.

Тесное содружество археологов с языковедами позволит советской науке скорее наметить правильный путь в дальнейшей работе в области семантики, как в языкознании, так и в истории материальной культуры.

С. В. КИСЕЛЕВ

О НЕДОСТАТКАХ И НОВЫХ ЗАДАЧАХ В ИЗУЧЕНИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Развернутая в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» сокрушительная критика так называемого «нового учения» о языке избавила советских археологов от той путаницы и тумана, в которые вовлекали исследователей последователи марровских «теорий». Прикрывая идеалистическую сущность взглядов Марра демагогической шумихой, они выдавали эти взгляды в языкознании и исторических науках за марксизм. Вызванное ими порочное заблуждение было настолько велико, что только блестящий анализ, произведенный И. В. Сталиным, показал, что все эти взгляды ничего общего не имеют с марксизмом и что сам Марр «... был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев»»¹.

Нужно признать, что советские археологи, которые всю свою исследовательскую работу направляют по пути творческого марксизма, еще далеко не достаточное внимание уделяют критическому рассмотрению положения, существовавшего в археологической науке за время господства в ней влияния так называемого «нового учения» о языке. Непреодоленной до конца остается совершенно неправильная мысль о том, что ошибки в археологической работе стали сами собой очевидны в свете трудов И. В. Сталина и, следовательно, все усилия надо сосредоточить только на работе по-новому, ограничившись общим признанием старых ошибок.

Эта в корне неправильная мысль уже принесла немало вреда тем, кто ее придерживался.

С. П. Толстов, уклонившийся от самокритического рассмотрения своих работ в области археологии, этнографии и

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 33.

особенно этногенеза, написанных с марровских позиций так называемого «нового учения» о языке, естественно не смог преодолеть прежних ошибочных построений. В результате его попытка начать работу в области древнейшей истории языка по-новому оказалась неудовлетворительной. Сформулированная С. П. Толстовым гипотеза о лингвистической непрерывности по существу явилась лишь попыткой подновления его прежних взглядов на историю языка.

Такие же печальные результаты от отсутствия критики и самокритики мы видим и в работах других археологов, бывших последователями Марра. В статье «Об одной ошибочной концепции», напечатанной в «Правде», совершенно справедливо указано, что значительное место в неправильных взглядах М. И. Артамонова на вопрос о хазарах занимают его заблуждения марровского толка. Тоже было отмечено «Вестником древней истории» и в отношении брошюры М. И. Артамонова «Происхождение славян». Прошедшая в Ленинграде дискуссия и рецензии на книгу А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» показали¹, что в этой книге имеются многие ошибочные построения, связанные с непреодоленными автором влияниями марровского «нового учения» о языке. Это также весьма показательно, если вспомнить, с каким трудом в результате товарищеской критики А. Н. Бернштам отошел от первоначально занятой им осенью 1950 г. неправильной позиции охраны «марровского наследства».

Совершенно очевидно, что критика и самокритика в области археологии с целью искоренения всех и всяческих теоретических ошибок и заблуждений крайне необходима. Она должна и предшествовать и сопровождать каждый этап исследовательской археологической работы, если мы хотим направить ее по тому пути, который раскрыт перед нами И. В. Сталиным в его труде «Марксизм и вопросы языкознания».

В области изучения бронзового века советской археологии от дореволюционной науки досталось по существу два направления.

Одно из них было развито крупнейшим исследователем бронзового века Восточной Европы В. А. Городцовым, который продвинул далеко вперед эту отрасль отечественной археологии, установив хронологическую классификацию памятников степной полосы, объединив их в четыре последовательно сменявшие одна другую «археологические культуры»: куль-

¹ См. «Большевик», 1952, № 4 и ВДИ, 1952, № 1.

туру ямных погребений, катакомбных погребений, срубных погребений и погребений в насыпях¹. Позднее В. А. Городцов подтвердил свою хронологическую классификацию анализом стратиграфии так называемого «Одесского кургана»².

Как известно, эта классификация в основном удержалась до наших дней, хотя и подверглась существенным изменениям и дополнениям.

В. А. Городцов, находившийся во власти широко распространенных в буржуазной науке миграционистских взглядов, объяснял наблюдаемую им последовательность в смене археологических культур соответствующей сменой волн населения, устремлявшихся с востока «из-за Волги» в южнорусские степи. Вместе с тем он во всех работах подчеркивал различия и прогресс в технике и хозяйстве населения, оставившего ямные, катакомбные, срубные и т. д. погребения.

Другое направление возглавлял наиболее реакционный представитель русской буржуазной археологии, идейный руководитель бывшей Императорской Археологической комиссии, М. И. Ростовцев.

Он не придавал никакого значения резким различиям выделенных В. А. Городцовым археологических культур, считая их принадлежащими одному населению Юга России, жившему здесь с глубокой древности и постепенно изменявшему свою материальную культуру «... как вследствие органического развития, так и под влиянием соседних более богатых и более развитых культур»³. Отдавая дань модному тогда вульгарному экономизму, в поисках влияний М. И. Ростовцев неоднократно подчеркивал большую близость древнего населения Северного Причерноморья с так называемым «яфетическим миром» Переднего Востока, крайнее преувеличение роли которого было тогда характерным для западноевропейской науки. Что касается заключительной ступени бронзового века нашего Юга, то он прямо связывал ее с появлением в степях Причерноморья яфетидов — киммерийцев. При этом М. И. Ростовцев объявлял себя сторонником «новейшей созданной в России терминологии», как он несколько туманно определял складывавшуюся тогда «яфетическую теорию» Марра⁴.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г., «Труды XII Археологического съезда», т. I.

² В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана. — Отчет Исторического музея за 1915 г., стр. 117—142.

³ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918, стр. 10.

⁴ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 2.

Эти взгляды, естественно, нашли свое дальнейшее развитие у сторонников Марра в стенах возглавлявшейся им Академии истории материальной культуры. Как известно, Марр всеми мерами аракеевского режима принуждал археологов ГАИМК подтасованными археологическими фактами подпирать шаткие конструкции «яфетической теории». Одним из главных помощников Марра на этом поприще был В. И. Равдоникас.

Ему-то и принадлежит развернутое применение в 1932 г. марровских «теорий» к истории нашего Юга в бронзовом веке, т. е. продолжение того, к чему подошел в 1918 г. М. И. Ростовцев.

В первой же строке соответствующей части своей работы В. И. Равдоникас заявил, что «в так называемую эпоху бронзы... в Причерноморье существовало родовое общество кимеров (в яфетидологическом смысле этого термина)»¹.

Что это за «яфетидологический смысл», мы легко узнаем от автора. Он всячески отгораживает своих мифических кимеров от исторически засвидетельствованных киммерийцев. Неоспоримые известия о последних у древневосточных и античных авторов В. И. Равдоникас, с обычной для марровцев развязностью и антиисторизмом, голословно объявляет «в высшей степени сомнительными». Вся эта недостойная учебного гиперкритика становится понятной, как только мы узнаем, что кимеры — это яфетическая «стадия», которая затем перешла в «следующую, т. е. скифскую» стадию. При этом выясняется, что эту «кимерскую стадию» проходили все древние племена Причерноморья, невзирая на их исторические различия, различия в материальной культуре, в происхождении и, нужно думать, в языке.

Сколько-нибудь научных доказательств для своих домыслов В. И. Равдоникас не считает нужным приводить, ограничиваясь ссылкой на работу другого оруженосца Марра, который также конструировал яфетическую киммерскую стадию. Об уровне «научных трудов» этого «исследователя» можно судить хотя бы по тому, что он находил возможным приводить в качестве доказательства яфетических корней славянства такие, например, «открытия» Марра, как его утверждение связи русского имени Георгий — Егор с тотемом... иберов, хотя происхождение на Руси этого греческого имени совершенно ясно и никакого отношения к иберам не имеет.

¹ В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. — «Готский сборник», Л., 1932, стр. 45.

Таким образом, выясняется основная цель В. И. Равдоникаса и подобных ему сотрудников Марра: словесной эквилибристикой, прямой подтасовкой фактов и ссылками на заумные марровские упражнения по четырем элементам создать хотя бы призрачное археологическое подтверждение теории стадильности.

Рассмотрение подобных антинаучных приемов «подкрепления» сторонниками Марра теории стадильности еще и еще раз доказывает глубокую обоснованность вывода И. В. Сталина о том, что «... трудно найти что-либо марксистское в этой теории»¹.

Антимарксистские позиции В. И. Равдоникаса особенно ярко выступают, как только мы обращаемся к содержанию, втиснутому им в рамки эфемерной кимерской стадии, которая должна включать в себя, как выше уже говорилось, и трипольскую культуру и более восточные степные культуры энеолита и бронзового века. По мнению В. И. Равдоникаса, памятники этих культур и вся кимерская стадия в целом поражают монотонным однообразием и почти полной недифференцированностью. «Везде встречаем одно и то же: повторяющие друг друга разбросанные в тысячеверстном пространстве бедные курганы со скорченными погребениями, с тождественным инвентарем и столь же бедные, однообразные поселения»².

Все это совершенно не соответствует действительности. Энеолит и бронзовый век — время крупнейших изменений в развитии производительных сил, производственных отношений и общественных институтов древнего населения нашего Юга.

Племена и племенные союзы, обитавшие на огромных пространствах от Заволжья до Прикарпатья, прошли в эту эпоху каждое свой, далеко не монотонный, путь. Если касаться хозяйственных изменений, то и здесь не было той монотонности, о которой писал В. И. Равдоникас. Развитие мотыжно-земледельческого хозяйства трипольских племен было нарушено внедрением пастушеского населения, которое лишь в конце бронзового века вновь перешло к земледелию. В степной зоне к востоку от Днепра развитие хозяйства шло иным путем — от охотничье-рыболовческого в эпоху ямных погребений к пастушеско-земледельческому в эпоху катакомб, а на Средней Волге — к широкому применению земледелия

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

² В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 57.

в срубное время. Эти своеобразные пути развития производительных сил, разумеется, в действительности были еще разнообразнее и определяли не менее своеобразные конкретные формы первобытно-общинных отношений, различные формы связей племен друг с другом и противоречий между ними. Даже сейчас, когда еще очень мало сделано по изучению особенностей, например, родового строя у этих племен, ни о какой монотонности говорить нельзя. Разнообразие обрядовости и другие признаки в одних случаях дают возможность говорить о сохранении классических форм материнского рода до весьма позднего времени, чуть ли не до скифской эпохи, в других случаях позволяют предполагать начало борьбы за новые патриархальные формы, а местами дают основание считать патриархальные отношения уже достаточно окрепшими. А сколько вопросов возникает в связи с изучением многообразия других надстроечных явлений, доступных анализу археолога — политических, религиозных и художественных взглядов общества и соответствующих им учреждений. Одни только вопросы взаимоотношений трипольских племен со степными, заднепровскими или процесс расселения племен срубной культуры из Среднего Поволжья на Запад могут служить предметом увлекательных исследований, в которых нет места стадильному схематизму.

Необходимо отметить, что конструирование фантастических стадий, вроде разобранной кимерской, подменяло собой марксистско-ленинскую периодизацию, отодвигало на задний план проблему общественного строя и его определение по форме собственности¹. Теория стадильности способствовала проникновению в археологию субъективно-идеалистических влияний буржуазной науки.

Вместо углубленного марксистско-ленинского анализа конкретных обществ, состояния их производительных сил, их базиса и надстройки, разыскивались придуманные кимеры, «монотонно» развивающиеся под придуманным марристами знаком тотема — быка.

Даже на далеком Енисее, по мнению исследователей, отдававших дань марровской теории, в бронзовом веке якобы существовали все те же фантастические кимеры. Среди этих археологов я должен назвать себя, так как в статье, опубликованной в 1933 г., посвященной семантике орнамента карасукских стел, я также использовал неправильные взгляды

¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 41.

марристов. В результате и у меня в области истории древнего искусства среднеенеисейских племен все развитие свелось к замене древнего «космического» оленя «кимерским» быком.

Громадно значение труда И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» для всех исследователей прошлого. Слова И. В. Сталина: «Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества»¹ со всей определенностью требовали от изучающих исторический процесс покончить со спекуляциями в духе марровских «теорий» и обратиться к подлинно научному анализу его на основе исторического материализма.

К сожалению, нужно признать, что, несмотря на совершенно ясные предостережения И. В. Сталина, не были изжиты тогда, в предвоенные годы, влияния на археологию марровских немарксистских взглядов, особенно в области изучения идеологии, искусства, религиозных представлений древних племен. Это можно объяснить лишь теоретической слабостью большинства археологов, этнографов и историков древности, а также гораздо более глубоким влиянием на наши взгляды «теорий» Марра, которое вовсе не было таким поверхностным, как это стремились недавно изобразить некоторые вчерашние пропагандисты марровских учений.

Если держаться только в рамках моей темы, то и здесь этому найдется немало примеров.

С 1935 г. и до последнего времени мы пользовались книгой А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы».

В свое время эта книга сыграла значительную роль в развитии знаний советских археологов о бронзовом веке дальше тех выводов, которые сделал в дореволюционные годы В. А. Городцов. Молодые исследователи обратили внимание на изучение производительных сил, экономики и социальных отношений населения, оставившего нам ямныс, катакомбные и срубные курганы. Несомненно, указанная работа была бы подлинным шагом вперед по пути развития марксистской археологии, если бы не влияние марровских схем, которое сильно сказалось на ней. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, во многом правильно критикуя В. И. Равдоникаса, не смогли все же целиком преодолеть марровской вульгаризации истори-

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Госполитиздат, 1951, стр. 16.

ческого процесса. По существу они присоединились к кимерской фантастике В. И. Равдоникаса, порочную статью которого авторы охарактеризовали «как одну из первых работ, совершенно заново ставящую основные проблемы истории родового общества на территории юго-западной части СССР и сыгравшую положительную роль»¹.

Эта принципиальная ошибка А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого дает себя знать на всем протяжении книги. Мы видим, как правильные наблюдения авторов, вскрывающие реальный исторический процесс, скрываются стадильной схемой и приносятся ей в жертву. Следуя марровской теории стадильности, авторы почти сознательно совершают наиболее крупную из своих ошибок, устанавливая генетическую преемственность срубной культуры от катакомбной, хотя несостоятельность искусственных доказательств этого им самим очевидна. В итоге весь тщательно проведенный анализ хозяйственного и социального развития населения причерноморских степей в бронзовом веке остается незавершенным, его перекрывают все те же стадильные конструкции в стиле В. И. Равдоникаса, хотя надуманность и антиисторизм этих конструкций неоднократно критикуют сами А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. К сожалению, преждевременная смерть талантливых исследователей во время Великой Отечественной войны не позволила им исправить ошибку на том огромном фактическом материале, который они собрали в предвоенное время. Однако полученные А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким данные по бронзовому веку юга Европейской части СССР положительно повлияли на дальнейшее изучение вопроса. Это отразилось даже на работах В. И. Равдоникаса, в частности на его курсе истории первобытного общества. Всячески пропагандируя во вводных главах первой части книги применение в археологии марровских «теорий», во второй части, посвященной энеолиту и эпохе бронзы, автор вынужден был, правда молчаливо, отказаться от многих прежних своих положений и дать картину более реальную, лишенную большинства фантастических стадильных превращений. Нет в книге и прежних голословных утверждений о монотонности процесса исторического развития населения южнорусских степей. Зато в главах, посвященных вопросам идеологии в энеолите и в эпоху бронзы, В. И. Равдоникас еще более углубил и расширил свои построения в духе Марра и его вдохновителей, особенно в духе реакционных взглядов Леви-Брюля.

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935, стр. 14.

Влияние марровских взглядов, тормозивших развитие по-длинно исторических исследований в области изучения бронзового века, особенно сказалось на так называемой проблеме Больших Кубанских курганов. Эти исключительно важные памятники, свидетельствующие не только об обширных культурных связях, установившихся у племен Северного Кавказа и Прикубанья с передовыми древневосточными центрами Двуречья, но показывающие также значительный прогресс в хозяйстве, социальных отношениях и культуре этих племен во второй половине III тысячелетия до н. э., давали материалы, противоречащие концепции сторонников Марра, отводивших кимерам лишь монотонное, нищее существование. И в угоду этой ложной концепции, возникшей на основе антимарксистских теорий и антипатриотического преклонения перед Западом, якобы искони опережавшим в своем развитии Восточную Европу, последователи Марра предприняли попытку передатировать Большие Кубанские курганы, пытаясь доказать, что они сооружались не в III тысячелетии до н. э. (или на рубеже III и II тысячелетий, как считали даже крайние сторонники малых дат для энеолита и бронзового века СССР), а были будто бы насыпаны в начале I тысячелетия до н. э. и являются первыми памятниками марровской «скифской стадии».

Первым выступил Б. Е. Деген-Ковалевский, который путем сомнительных сопоставлений стремился доказать, вопреки очевидным фактам, принадлежность Больших Кубанских курганов к предскифскому времени, что одно только и устраивало сторонников стадияльной теории Марра.

Эта попытка фальсифицировать историю в угоду марровской схеме нашла себе должный отпор в среде советских археологов. А. А. Иессен, С. В. Киселев, Б. А. Куфтин и другие исследователи показали несостоятельность попытки Деген-Ковалевского, что, однако, не помешало уже в 1948 г., как раз в самый подъем последней волны промарровской пропаганды, М. И. Артамонову выступить с новой попыткой понижения даты Больших Кубанских курганов. В статье «Третий разменный курган» М. И. Артамонов попытался занять совершенно «неуязвимую» позицию. На основании копии с остатков росписи, покрывавшей один из исчезнувших сосудов, найденных в кургане, М. И. Артамонов, комбинируя отдельные красочные линии, «восстановил» сцену борьбы зверей, будто бы украшавшую стенки исчезнувшего сосуда и имевшую ярко выраженные черты так называемого скифского стиля. Вследствие неточной документации трудно установить, относится ли данный сосуд к разбираемому комплексу или к более

позднему. Поэтому приведенные доказательства М. И. Артамонова не могут служить основанием для передатировки Больших Кубанских курганов.

В этом последнем выступлении против датировки Больших Кубанских курганов III тысячелетием до н. э. нельзя не видеть еще одной попытки подкрепить расползающуюся схему стадийного развития от кимеров к скифам, а от них к славянам, которую так долго и с таким упорством отстаивали сторонники Марра еще со времени антиисторического сочинения В. И. Равдоникаса по готскому вопросу.

В настоящее время большинство советских археологов энергично работают над изжитием ошибок, возникших под влиянием «теории» Н. Я. Марра. Тем более недопустимо появление таких работ, в которых их авторы пытаются не только замолчать свои прежние ошибки, но, вопреки очевидности, представить дело так, как будто они не только не следовали по пути так называемого «нового учения» о языке, но и указывали на его ошибочность.

В этом отношении совершенно неправильную позицию занимал Б. А. Куфтин. Вместо того, чтобы разобрать во втором томе своих «Материалов по археологии Колхиды» многочисленные ошибки марровского толка, допущенные им в первом томе и в других опубликованных сочинениях, Б. А. Куфтин пытался убедить читателя, будто уже со времени опубликования исторического постановления партии и правительства о преподавании истории для него стала ясной неправильность марровских построений, и он от них отошел. Очевидно, Б. А. Куфтин предполагал, что никто не будет обращаться к первому тому его «Колхиды», который содержит немало марровских построений и посвящен Н. Я. Марру, и никто не будет читать второго тома, в котором немало остатков марровских конструкций (в том числе и таких «классических», как пелазги—иберы—Иберия и т. п.).

Только основанное на строго научных положениях исторического труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» последовательное разоблачение ошибочных концепций позволит покончить с искажениями исторического развития Причерноморья в бронзовом веке, покончить с антипатриотическим принижением истории древнего населения этой части нашей великой Родины.

Рассматривая результаты изучения энеолита и бронзового века советскими археологами за последние два года, нельзя не признать, что во многом достигнут значительный успех в деле освобождения от пережитков марровских влияний. Однако в одном очень важном вопросе до сих пор нами не

сделан необходимый и решительный шаг. До сих пор, разрабатывая историю населения СССР в энеолите и бронзовом веке, мы проходили мимо процесса образования языковых общностей, семей языков и их групп. Между тем законы истории языка, полученные путем строгого научного анализа, должны обязательно учитываться историками-археологами. Разве мы можем игнорировать такие огромного исторического значения факты, как, например, бесспорные данные о балтославянской общности, финно-угорской семье, родстве и неродстве языковых групп, господствовавших у населения смежных районов, и т. п. Именно перед археологами при содействии лингвистов стоит чрезвычайно важная задача выяснения исторических условий формирования индоевропейской, тюркской, финно-угорской и других языковых общностей.

Разоблачая человеконенавистнические расистские построения буржуазных лжеученых, советские археологи должны им противопоставить строго научное рассмотрение с марксистской точки зрения проблем происхождения племен и народностей, объединяемых языковым родством. Среди этих проблем вопрос о происхождении индоевропейцев — наиболее сложный и невыясненный до сих пор, к сожалению, мало занимает советских археологов. Не привлекает он внимания и наших лингвистов. Между тем только совместными усилиями археологов и лингвистов путем критического рассмотрения данных истории языка и археологии можно достигнуть успеха в решении этой важнейшей задачи.

Было бы неправильно говорить, что археологические исследования за три года, прошедших после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», ничего не дали для решения этой проблемы. За это время археологи, изучающие памятники энеолита, эпохи бронзы и раннего железа, разрешили ряд вопросов. К ним прежде всего нужно отнести вопросы, связанные с выяснением племенной истории, определением древних племенных групп, выяснением взаимоотношений между ними и тех изменений, которые они претерпевали на пути сложения народностей. В этом отношении важным этапом явились два совещания археологов и лингвистов, с участием этнографов и историков — совещание по методике этногенетических исследований и совещание по истории скифо-сарматских племен. Конференции прошли под знаком самого внимательного изучения археологами результатов работ обновленной советской лингвистики и способствовали установлению тесной связи между лингвистами и археологами.

Однако не надо думать, что решение важнейших проблем этнической истории достижимо без особых усилий. Нам предстоит огромная работа по изучению древней этногеографии, хронологии, направления этнических связей, расселений, передвижений и процессов ассимиляции, а главное — выяснение основных экономических закономерностей и обусловленных ими социальных причин, вызывавших эти изменения.

Е. И. КРУПНОВ

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ОСЕТИН И ДРУГИХ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», являющемся дальнейшим развитием творческого марксизма, содержатся методологические установки для разработки важнейших проблем, связанных с историей народов, развитием их языка и их культуры. В этой работе советские исследователи черпают руководящие указания и находят ключ к пониманию сложных и важных вопросов этногенеза, над которыми неустанно должны работать ученые нашего многонационального Советского государства.

Сталинские работы по языкознанию подвергли сокрушающей критике ошибочные и вредные концепции Н. Я. Марра по вопросам этногенеза и заставили всех исследователей (в частности, археологов и языковедов) в корне пересмотреть свои исходные позиции при решении вопросов происхождения тех или иных народов.

Исследования последних лет внесли ясность в самое понимание этногенетического процесса. Прежде всего И. В. Сталин указал на одну из основных ошибок, допускавшуюся почти всеми исследователями, — отождествление и смешивание языка с культурой. «Между тем, культура и язык — две разные вещи»¹.

В дальнейшем изложении речь будет идти не о культуре классового общества (феодалной, буржуазной культуре), а о так называемой «археологической культуре», под которой археологи подразумевают исторически сложившуюся устойчивую совокупность вещественных памятников прошлого, объединенных общими признаками и отличающуюся от других таких же культур определенного времени (по орудиям труда

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 20.

и быта, оружию, украшениям, посуде, типам жилищ и погребального обряда)¹.

До недавнего прошлого различные «археологические культуры» (являющиеся более широким понятием), в которых нашли отражение территориально-племенные отличия, археологи смешивали и отождествляли с теми или иными этническими и языковыми группами древности.

Одной из существенных ошибок многих историков, этнографов и археологов являлось то, что они нередко культурную общность выдавали за этническую.

Но общность культуры далеко еще не означает языковой общности, равно как родственные или даже одноязычные общества могут характеризоваться разными формами культуры.

Так, например, известная народность Дагестана — таты, по языку, сохранившимся религиозным пережиткам и тому признаку, который И. В. Сталин назвал «психическим складом», являются евреями (горскими евреями). Что же касается их материальной культуры, то, по условиям быта, костюму и прочим признакам, они — типичные дагестанцы.

Гребенские, или терские, казаки, переселившиеся на Терек с XVI в., сохранили русский язык, христианскую религию и свой замечательный фольклор. Но в costume, в седловке и даже в быту (некоторые обычаи и танцы — лезгинка) у казаков появились заимствованные элементы культуры окружающих их горцев Северного Кавказа. «Здесь, — говорит историк терского казачества В. А. Потто, — переродившись с своими затеречными соседями, они (русские переселенцы. — Е. К.) приняли их одежду, образ жизни и даже некоторые обычаи, что явилось у них простым результатом общего закона применения к тем или другим условиям жизни. Но, изменяя внешность, они сохранили во всей чистоте и русский язык, и русскую веру»².

Почти то же самое можно сказать и о кубанских казаках, переселившихся на Кубань с Украины лишь в конце XVIII—начале XIX в. В их материальной культуре (тип жилищ, костюм, седловка) оказалось много заимствований от черкесов, но сохранился украинский язык, христианская религия и фольклор³.

¹ См. А. Д. Удальцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза. — «Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР на совещании по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 6.

² В. А. Потто. Два века терского казачества, т. I, Владикавказ, 1912, стр. 13.

³ Ю. Щербина. История казачьего Кубанского войска, т. I,

Наоборот, одна из народностей северной Сибири — долганы, в недавнем прошлом (в XVIII—XIX вв.) полностью переняла язык якутов, но сохранила и развила свою и материальную, и духовную культуру, отличную от якутской культуры¹.

Языковая тюркизация значительного круга народов нашей страны — азербайджанцев, узбеков, туркменов и других народов Средней Азии началась с XI в., с нашествия тюрк-сельджуков; материальная же культура этих народов долго еще развивалась на основе богатых местных культур Кавказа и Средней Азии. Известно, что такой же процесс языковой тюркизации наблюдался и в Малой Азии, где турки ассимилировали разноязычное население армян, греков и других народов.

Очень часто прослеживаемая археологами преемственность в развитии материальной культуры на какой-то определенной территории не всегда может служить решающим доказательством непрерывного развития на той же территории определенного этноса. Для положительного ответа на данный вопрос необходимо, чтобы такая же преемственность была прослежена и по другим источникам и в особенности по языку, потому что он является важнейшим и обычно решающим признаком этнической общности, хотя и не единственным, ибо, как мы видели, возможны и другие случаи. Определенный язык может быть усвоен и другим народом, носителем иной культуры. Поэтому несовпадение материальной (и этнографической) культуры при наличии доказанного языкового родства не должно смущать исследователей².

Искусство историка и должно заключаться в умении проследить весь длительный процесс исторического развития той или иной культурной общности, вплоть до завершающего этапа этого процесса, определяемого уже показаниями языка.

Вот почему изучение этногенетических вопросов требует особо тщательной работы над целым кругом первоисточников и не может быть успешно решено без широкого привлечения проверенных данных языка.

Но язык относится к числу общественных явлений, действующих на протяжении всего времени существования общества, кроме того, он является орудием борьбы и развития

Екатеринодар, 1910, стр. 73; «Кубанский сборник», Труды Кубанск. обл. статист. комитета, Екатеринодар, 1913.

¹ Б. О. Долгих. О некоторых этногенетических процессах в Северной Сибири, СЭ, 1952, № 1, стр. 55.

² См. «Тезисы докладов сотрудников Института языкознания на объединенной сессии институтов АН СССР», М., 1950, стр. 7.

общества, поэтому «...законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Если же мы вспомним, что «...элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»² и что «... язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы»³, то для выяснения древних периодов в истории изучаемого народа, его языка и культуры мы неминуемо должны будем сомкнуться с археологией. Ведь археология изучает памятники материальной культуры, в которых нашли отражение уровень и состояние древнего производства, бытовой уклад общества и его первобытная идеология.

Для древних периодов истории страны археология может дать и действительно дает некоторые важные материалы для воссоздания истории того или иного народа.

Разумеется, решающее слово в окончательных выводах об отнесении того или иного народа к той или иной языковой общности будет принадлежать лингвистам. Однако только по показаниям языка вряд ли можно решить вопрос о происхождении народа и восстановить весь культурно-исторический путь развития народа, носителя изучаемого языка с древнейших времен. Лингвистические материалы должны быть дополнены данными археологии, истории, этнографии и антропологии. И хотя в решении вопросов этногенеза эти данные на первый взгляд кажутся второстепенными и вспомогательными, именно они помогают шире и глубже (подлинно исторически) осветить условия образования и развития этнических общностей и уточнить характер развития языковых групп в древности.

Итак, для того чтобы успешно решить проблему происхождения того или иного народа, прежде всего необходима координация сил лингвистов, историков, археологов, этнографов и антропологов. Даже при признании языка во многих случаях решающим фактором в определении этноса необходимо комплексное изучение всех видов источников, памятуя о том, что успешное изучение языка возможно лишь в том случае, если и он, как источник, будет изучаться в неразрыв-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 24.

ной связи с историей общества, т. е. если лингвистические исследования будут дополняться исследованиями археологическими, историческими, этнографическими и другими.

Таков единственно правильный, марксистский путь исследования этногенетических проблем, составляющих круг актуальных вопросов советской исторической науки наших дней. Ибо, как известно, происхождение многих народов Советского Союза, ныне успешно развивающих свою социалистическую культуру, до сих пор еще остается невыясненным. Это — еще неоплаченный советскими учеными счет, предъявленный им советским народом.

На состоявшемся осенью 1951 г. в Академии Наук СССР в Москве совещании по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о языке и нации было решено координировать усилия историков и лингвистов в разработке вопросов этногенеза и, полностью освободившись от тяжелого груза марровского наследия в этих вопросах, значительно расширить и углубить историю народов нашей Родины вплоть до древнейших эпох.

В плане этих новых задач очень важно пересмотреть уже имеющийся опыт изучения далекого прошлого некоторых кавказских народов и их культуры, в частности прошлого осетинского народа, в освещении которого были допущены крупные методологические ошибки.

* *
*

Одной из наименее разработанных проблем кавказоведения является проблема происхождения народов Кавказа. Если в истории Кавказа успешно решен вопрос о происхождении грузин — древнейшего оседлого населения Закавказья, уточнено происхождение мощного адыгского этнического массива Северо-Западного Кавказа, — то гораздо сложнее дело обстоит с раскрытием истории происхождения других народов Северного Кавказа и в первую очередь осетин, — народа по своей языковой сущности резко отличного от местной кавказской языковой среды и лингвистически явно связанного с развитием древних племен нашего степного юго-востока.

Вопрос осложняется еще и тем обстоятельством, что ряд данных указывает на то, что в происхождении осетин и особенно в сложении их национальной культуры с древнейших времен главенствующую роль играла местная кавказская этническая среда.

Изучение столь важной для истории Кавказа проблемы, как происхождение осетинского народа и его языка, имеет

1) Против вулгаризации марксизма

свою историю. Решение этого вопроса, начатое еще в начале XIX в. Ю. Клапротом, позднее продолженное академиком В. Ф. Миллером, в наши дни было окончательно запутано и искажено одним из последователей и пропагандистов «нового учения о языке» Марра лингвистом В. И. Абаевым в ряде его печатных работ¹.

Ошибочное освещение этногенеза осетин полностью было воспроизведено и в сводной работе проф. Б. В. Скитского².

Концепция В. И. Абаева о происхождении осетин и их культуры основывалась на вредных и ошибочных положениях «теории» Марра, признающей равноценное и равноправное участие в этногенезе и в сложении какого-либо народа самых различных этнических элементов, как местных (в данном случае кавказских), так и пришлых (в данном случае иранских).

Согласно «теории» Марра происхождение того или иного народа мыслилось как механическая и равнопроцентная смесь самых разнообразных этнических элементов, служившая основой для появления новых этнических общностей. Эта этническая смесь развивалась путем трансформации, путем взрывов, в результате чего якобы получались совершенно новые племена и народности.

Так, например, ученики и последователи Марра считали, что в происхождении армянского народа и его культуры в равных долях участвовали местные закавказские элементы (скажем, хаясы), затем пришлые из Передней Азии урарты и, наконец, вторгнувшиеся с севера через Кавказский перешеек кочевники скифы. Преобладание какой-либо определенной этнической среды в этом этногенетическом процессе не признавалось. Что же в таком случае определяло «психический склад» и специфические особенности каждой этнической группы — оставалось неизвестным.

Под влиянием марровских концепций у В. И. Абаева возник основной и главный тезис о «двуприродности» происхождения осетинского народа и его языка. Он основан на признании равного участия в формировании осетин, их языка и культуры как пришлых (иранских), так и аборигенных (кавказских) элементов. Этот тезис базируется не только на лож-

¹ В. И. Абаев. Нартовский эпос, «Известия Сев.-Осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. 1, Дзауджикау, 1945; его же. Историческое в нартском эпосе. — «Нартский эпос». Сборник статей, Дзауджикау, 1949; его же. Осетинский язык и фольклор, т. I, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949; его же. Аланика, «Изв. АН СССР», 1935, № 9.

² Б. В. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. «Известия Сев.-Осетинского научно-исследовательского института», т. XI, Дзауджикау, 1947.

ной и ошибочной «теории» Марра о скрещении смежных языков, но и на крайне одностороннем использовании только языковых данных, без всякого учета иных, археологических, этнографических и других исторических источников.

Наиболее полно концепция В. И. Абаева раскрыта в его книге «Осетинский язык и фольклор», большой раздел которой — «Происхождение и культурное прошлое осетин по данному языку» не случайно имел подзаголовок: «Лингвистическое введение в историю осетинского народа».

Этот раздел книги содержит крайне противоречивую трактовку основной проблемы — проблемы происхождения осетинского народа.

Как лингвист В. И. Абаев писал по этому вопросу: «Основные положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие иранского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индоевропейского круга; северный путь их движений на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами»¹.

Но кто такие скифы, сарматы и аланы? Это кочевые, полукочевые, а частично и оседлые племена, обитавшие с VII в. до н. э. и в начальные века н. э. в степях Украины, Подонья, Поволжья и Предкавказья.

По мнению современных лингвистов, все эти племена говорили на языке, относящемся к североиранской группе индоевропейских языков древности². С этими ираноязычными и некавказскими племенами и связывается этногенез осетин.

Таким образом, «изначальным» в формировании осетинского народа признается пришлый иранский элемент. Но через несколько страниц В. И. Абаев говорит уже о кавказском вкладе в этногенез осетин: «в формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский»³.

Резюмировал же все свои доводы по поводу происхождения осетинского народа и его языка В. И. Абаев в такой форме: «Вывод может быть только один: в осетинском языке слились, соединились две линии преемственности, одна — идущая от древнеиранского и другая — идущая от субстратных, кавказских языков. Причудливое сочетание и переплетение

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 75.

² См. «Резолюция конференции ИИМК АН СССР, посвященной скифо-сарматской археологии, от 2 февраля 1952 г.», стр. 5.

³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 80.

этих двух языковых традиций и создало то своеобразное целое, которое мы зовем осетинским языком»¹.

Так, в духе марровского толкования результатов скрещивания языков, в равнопроцентной доле участвующих в формировании особого, ставшего смешанным языка, и был обоснован В. И. Абаевым тезис «о двуприродности» осетинского языка.

Совершенно ясно, что в свете сталинского учения о процессах скрещивания языков, из которых один всегда выходит победителем, а другой побежденным, «двуприродность» осетинского языка не выдерживает никакой критики. Между тем эта «двуприродность» занимает большое место в историко-лингвистической концепции В. И. Абаева², имевшей широкое хождение в Северо-Осетинской республике.

В чем же заключается сущность концепции В. И. Абаева?

1. В подчеркивании прямолинейной языковой и культурной преемственности осетин и их предков — алан центральной части Северного Кавказа от скифо-сарматских этноплеменных образований степного Причерноморья, Подонья и Поволжья, а отсюда и в стремлении подменить древнюю и самобытную историю и культуру осетинского народа Кавказа историей и культурой ираноязычных степняков — скифов и сарматов.

2. В признании далеких предков осетин «народом пастухов и воинов», которым якобы только и свойственно эпическое творчество, — в то время как в действительности далекие «предки» осетин были оседлыми, что доказывается наличием древних поселений в Осетии с довольно мощными культурными отложениями, свидетельствующими о длительности обитания населения в одном пункте. Эпос же, как известно, был создан и греками, и русскими, и немцами, и финнами, и скандинавами и другими оседлыми народами, которых никто никогда не считал кочевниками. Ведь все это прекрасно известно В. И. Абаеву, но он остался в плену представлений о значительности только изучаемого им монгольского эпоса.

3. В признании широко известного у многих народов Северного Кавказа так называемого нартского (героического, богатырского) эпоса творчеством лишь осетинского народа, от которого другие народы Северного Кавказа якобы его заимствовали и развивали, — между тем как в действительности этот эпос известен в самых развитых формах и почти во всех циклах у всех народов края от Дагестана до Абхазии и даже в Грузии (у сванов). Кроме осетин, нартский эпос бытует у абхазов, адыгов, черкесов, абазинов, кабардинцев,

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 115.

² «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 156.

у всех вейнахских народов, относящихся к самостоятельной иберо-кавказской языковой группе, и частично у дагестанцев. Немыслимо, чтобы эпос, являвшийся высшим проявлением древней духовной культуры одной народности, будучи заимствован чуждой по духовной и языковой культуре другой этнической средой, мог бы процветать и развиваться так, как это мы имеем на всей территории Северного Кавказа. Очевидно, нартский эпос является порождением творческого духа всей Северо-Кавказской этнической среды.

4. В концепции В. И. Абаева проявляется и идеализация далекого прошлого осетинского народа в период господства первобытно-общинного строя, со всеми отрицательными моментами родовых обычаев — кровной мезтью, приниженным положением женщины и прочими чертами; период родового строя Абаев называет «золотым веком»¹ осетинской истории. Преувеличивается значимость и идеализируется и последующий период в истории Осетии — период раннего средневековья. Осетинский народ в лице алан противопоставляется другим народам Северного Кавказа; преувеличивается уровень культуры кавказских алан и тенденциозно подчеркивается их влияние на культуры других народов².

5. И, наконец, концепция В. И. Абаева, допуская явную переоценку нартского эпоса, выдает его за первостепенный исторический источник для истории осетинского народа.

Эти, явно тенденциозные, попытки как-то «объяснить» нартский эпос, «оснастить» и «украсить» конкретную историю осетинского народа событиями европейского и даже евразийского масштабов не отвечают действительному положению вещей — подлинным фактам и событиям из осетинской истории.

А между тем эти основные и явно ошибочные положения по вопросам истории, культуры и языка осетин были апробированы в Северной Осетии, некритически повторялись в той или иной форме во всех работах, изданных в Дзауджикау и популяризировались среди широкой читательской массы республики.

Вполне понятно поэтому, что влияние концепции В. И. Абаева сказалось и на упомянутой уже книге проф. Б. В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года». Эта же концепция нашла свое отражение и в других вариантах «Истории Осетии с древнейших времен», являющихся уже коллективными трудами,

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, стр. 350.

² См. «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 158, 159.

последовательно, начиная с 1950 по 1952 г., представляемыми Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом на обсуждение в Институт истории Академии Наук СССР.

Еще в книге «Нартовский эпос», вышедшей в 1945 г., В. И. Абаев высказал свои основные воззрения на происхождение и историю осетин. «Осетины, — писал В. И. Абаев, — народ — осколок скифо-сарматского мира с его древней культурой и сложной историей, народ вековечных пастухов и воинов, тысячелетия не расстававшийся с мечом и конем, народ большого и сурового исторического опыта, закаленный в водовороте этнических передвижений на рубеже Европы и Азии, чья жизнь была в прошлом полна событий и бранных дел, — такой народ должен быть особенно расположен к эпическому творчеству»¹.

Нартский эпос для осетин, по мысли В. И. Абаева, всегда был самой жизнью, лишь преломленной сквозь призму народно-поэтического вымысла. А сами нарты — это «поэтический псевдоним самих создателей эпоса, алан».

Признав, что нартский эпос — это «поэтизированная и фантастическая» автобиография осетинского народа «в древнейший, оваянный мифами и легендами период его жизни»², автор в ряде случаев пытается рассматривать эпос как вполне достоверный источник по истории осетин, рисующий конкретные исторические события прошлого.

Отсюда — чрезмерное увлечение отысканием в быту нартов и их потомков — осетин всяческих «отзвуков скифских и сарматских обычаев», известных по Геродоту. Отсюда — желание установить непосредственную связь нартских походов (балцы) с многочисленными и далеко не уточненными походами скифо-сармато-аланских племен, совершавшимися в разное время. Еще большее удивление вызывают ничем не оправданные попытки, конкретные исторические факты из истории совершенно чуждого Осетии Боспорского царства (греко-местного рабовладельческого государства, теснейшим образом связанного с меото-синдскими племенами Северо-Западного Кавказа), выдать за события, якобы происходившие в осетинской среде. Так, рассказ устного нартского эпоса об убийстве нартом Урызмагом Хуандон-алдара В. И. Абаев толкует как эпический пересказ реального исторического факта, совершившегося на Боспоре в 107 г. до н. э., где скиф Савмак, поднявший

¹ «Известия Сев.-Осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945, стр. 10, 11.

² Там же, стр. 94.

рабское восстание, убил Боспорского царя Перисада¹ (кстати, в 107 г. не н. э., как пишет автор, а до н. э.).

Неубедительным является и истолкование явлений, связанных со смертью одного из нартских героев — нарта Батрадза, который и после смерти мешает водворить свое тело в «склепе Софии».

«Здесь под «склепом Софии», — пишет автор, — надо понимать, конечно, храм св. Софии в Константинополе, символ византийского православия»², а самое сопротивление Батрадза рассматривать как борьбу язычества с христианством. Во-первых, христианство в Осетии главным образом распространилось из Грузии, а во-вторых, вряд ли можно настаивать на такой осведомленности о константинопольском храме св. Софии творцов народного нартского эпоса (алан-осетин), как это делает автор.

Странным кажется и сделанное сопоставление «нартской» вольницы с «запорожской», а также с терской «казачьей» вольницами. Быт же запорожской сечи был признан В. И. Абаевым тождественным быту нартов, а сами нарты Урызмаг и Сослан оказались по духу родными братьями Тарасу Бульбе и даже Степану Разину (!)³.

Лишенными сколько-нибудь серьезного научного основания представляются и утверждения о том, что в неисторическом по своей сущности эпосе осетин нашли отражения, а главное положительную оценку, деяния и имена таких подлинно исторических лиц прошлого, как Чингис-хан, Батый и другие. Основанием для этого служат чисто внешние звуковые сопоставления, — например, имя Хъаен-Дзаергаес якобы получилось от Чингис-хана, а имя Сайнаг-аелдар — от монгольского прозвища Батыя — Саин-хан («славный или доблестный хан») ⁴. Кажется просто невероятным, чтобы аланы — осетины, из всех народов Северного Кавказа подвергнувшиеся наибольшему разгрому от татаро-монгольских полчищ, в памяти народной сохранили такой почтительный эпитет одного из самых жестоких поработителей народов нашей страны, каким был Батый.

Именно Батый своими погромами создал в нашей стране такие невыносимые условия, в которых, как записал русский

¹ См. В. И. Абаев. Историческое в нартском эпосе. — «Нартский эпос». Сборник статей. Дзауджикау, 1949, стр. 46.

² Там же.

³ См. В. И. Абаев. Нартовский эпос. «Известия Сев.-Осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945, стр. 96—97.

⁴ Там же.

летописец, «живые завидовали спокойствию мертвых». Татары, а не поработанные ими народы (в том числе и осетины), называли Батюя «славным и доблестным ханом».

Все эти попытки как-то «историзировать» показания эпоса без тщательного и глубокого анализа текста нельзя признать состоятельными.

Конечно, в нартском эпосе нашли свое отражение такие большие социальные явления прошлого, как матриархат, патриархат и другие. Но для того чтобы утверждать, что нартский эпос является «автобиографией осетинского народа», необходимо произвести очень скрупулезный и всесторонний, строго научный анализ соответствующих текстов и точно установить реальность упоминаемых событий.

Нередко в споре об историзме нартского эпоса ссылаются на гомеровские «Илиаду» и «Одиссею», которые якобы используются историками как исторические источники, для воссоздания картин прошлого древней Греции, забывая, что этому использованию предшествовали сотни исследований творений Гомера, опубликованные на многих языках мира и, особенно, археологические раскопки Трои, подтвердившие реальность сообщаемых в эпосе фактов.

Применительно к нартскому эпосу ничего подобного пока еще никем не произведено. Археологические же материалы часто не подтверждают утверждений эпоса.

Между тем все эти явно тенденциозные и ошибочные положения без всякой критической оценки нашли себе место и в работе Б. В. Скитского, и в других вариантах «Истории Осетии», и в разных исторических трудах, вышедших в Осетии за последние годы.

Так, в указанной работе Б. В. Скитского и во «Введении» и в последующих главах повторяется развернутый тезис о «двуприродности» происхождения осетин и их языка по Марру и Абаеву (стр. 7—8). В главе «Разложение родового строя — период военной демократии» (на стр. 19) прямо утверждается, что «из постепенного смешения иранского элемента с местным кавказским племенем и образовался осетинский народ. Это неоспоримо доказывается, прежде всего, языковыми данными».

Далее следует попытка это положение как-то подкрепить и археологическими материалами, которые, кстати сказать, иллюстрируют лишь некоторое «смешение» материальной культуры, но никак, разумеется, не языков.

В действительности же археологическими данными доказывается, что местная бронзовая культура древнего населения Северной Осетии, замечательная так называемая кобанская

культура, и в смешении со скифскими культурными элементами осталась сугубо местной, кавказской, приобретя лишь некоторый «скифоидный» облик, — между тем как сами носители этой культуры только с первых веков н. э. подверглись заметному процессу ассимиляции ираноязычными элементами (скифами и сарматами).

Если первые части первого раздела книги Б. В. Скитского, построенные на местном археологическом материале, в основном правильно рисуют древние этапы исторического процесса на территории республики, то глава «Скифо-сарматский период» вызывает решительные возражения.

На основании справедливого признания языкового родства алан—осетин со скифо-сарматским ираноязычным миром древности автор, слепо следуя концепции В. И. Абаева, не показывая местных памятников для иллюстрации быта далеких предков осетин, находит возможным рисовать кочевой быт скифов и сарматов, главным образом по работам буржуазного археолога Ростовцева, без всякого учета последних работ советских ученых, освещающих действительную историю и культуру скифо-сарматских племен.

Чрезмерное увлечение скифо-сарматскими образцами привело к тому, что действительная история оседлого местного населения Северной Осетии I тысячелетия до н. э. оказалась искусственно оторванной от кавказской среды и буквально подмененной историей кочевых и полукочевых скифо-сарматских племен степного Причерноморья и Поволжья, — между тем как в действительности осетины не являются ни непосредственными потомками скифов и сарматов, ни единственными наследниками и прямыми продолжателями их материальной и духовной культуры¹.

Совершенно некстати здесь оказались вставленными и иллюстрации скифских предметов и приложенные карты размещения скифских племен по Геродоту. Ведь к Кавказу все это не имеет прямого отношения.

В главе «Аланский период» автор, правильно осветив вопрос о языковой преемственности кавказских алан от сарматов и осетин от алан, безоговорочно признал, опять-таки следуя концепции В. И. Абаева, однородность всего «аланского этнического» массива, якобы расселившегося на огромной территории от Китая до Атлантики, — тогда как внимательное чтение Аммиана Марцеллина (автора IV в.) убеждает в том, что термин «аланы» в устах средневековых

¹ См. А. Джанаев. О состоянии и задачах разработки истории Осетии, «Социалистическая Осетия», 11 мая 1952 г.

авторов звучал как собирательный термин, объединяющий в представлении древних многие племена, не связанные единством происхождения и языка. Да и трудно себе представить, чтобы племена «асы», известные по китайским хроникам, были родственны и органически близки северо-кавказским «аланам» или «аланам», оказавшимся в Западной Европе и даже в Северной Африке. Утверждением же столь монолитного аланского этнического массива на значительной территории отрицается самая возможность существования и развития других этнических образований и, прежде всего, на том же Северном Кавказе, засвидетельствованных как историческими, так и археологическими данными (зихи, керкеты, кешаги, касоги, адыги).

Пространные же отступления, рисующие исторические судьбы отдельных групп алан в Западной Европе, вплоть до Северной Африки, с V в. н. э., и тенденциозное использование этнонима «ясы», «асы», «осы», «аланы» нисколько не помогают выяснению действительной истории самой Осетии той эпохи.

Было бы странным читать, скажем, историю Владимиро-Суздальской Руси X—XII вв., которая бы изобиловала фактами и событиями из истории Польши, Чехии, Сербии и других областей только потому, что всюду там жили славяне; или историю Азербайджана с привлечением фактов и событий всех тюркоязычных народов — казанских татар, узбеков, казахов и других.

При характеристике хозяйства и особенно социальных отношений в аланском обществе Северного Кавказа эпохи раннего средневековья одновременно чувствуется и некритическое отношение к письменным источникам и явная переоценка нартского эпоса как якобы важнейшего исторического источника. Ведь никто из русских исследователей Киевской Руси не писал истории Киевского государства по русским былинам. В книге же имеется целая глава: «Быт осетин по нартским сказаниям».

В итоге читателю преподносится старая буржуазно-националистическая теория ярого националиста-монархиста Кодзаева о возникновении уже в X в. «сильной военной державы с более или менее централизованной властью»¹, без подробной научно обоснованной характеристики этой аланской державы. Проектируемое государство рисуется автором как феодальное государство. Но здесь нет упоминания ни о городах, ни о развитии ремесел, которые, несомненно,

¹ Б. В. Скитский. Указ. соч., стр. 57.

должны были быть в возникшем царстве. Нет убедительной характеристики и социальных групп и их взаимоотношений. Основой такого государства должна была быть феодальная собственность на землю; у нас нет никаких данных судить об этом. Зато преобладают сведения о браках осетинских царей, о многочисленных войнах, но не показывается, какое значение все это имело, да и имело ли для истории самого осетинского народа? Сами же термины «царь» и «властодержец» еще ничего не доказывают. Вся история дается исключительно во внешнеполитическом плане, не вскрывая внутреннего процесса развития производства, культуры и быта.

В результате мы имеем дело с примерами некритического использования разнообразных исторических источников, с односторонним, а в ряде случаев и с тенденциозным, националистическим освещением основных вопросов истории осетинского народа, его происхождения, сложения его языка, формирования его культуры.

Все это ныне должно быть пересмотрено с новых позиций, в свете основных задач, поставленных перед советскими историками.

Необходимо не только полностью освободиться от тлетворного влияния марризма в трактовке общих исторических проблем, но и попытаться наметить решение основных вопросов, связанных с восстановлением истории того или иного народа с древнейших времен.

* *
*

Не претендуя на исчерпывающее освещение интересующего нас вопроса, как археолог я мог бы высказать следующее.

Из всех областей горного Кавказа нет, пожалуй, более популярной в историко-археологических кругах области, нежели Северная Осетия, давно известная на весь мир своей прославленной кобанской бронзой.

Но только в наши дни археологам удалось доказать, что древние носители кобанской культуры, бытовавшей в I тысячелетии до н. э., все свое высокое мастерство в обработке цветных металлов могли развить лишь на основе богатого опыта своих предшественников — на ранее созданной материальной и технической базе.

Это значительно углубляет исторический процесс, наблюдаемый на территории республики.

Такой основой и явилась материальная культура племен, обитавших на территории Северной Осетии и прилегающих

к ней районов еще в эпоху бронзы — во II тысячелетии до н. э. Лучшее представление об этой древнейшей культуре Осетии и всего Центрального Кавказа дают комплексы из таких высокогорных могильников Дигории, как «Фаскау» у с. Галят, «Верхняя Рутха» близ с. Кумбулта и другие.

Типичными для этой культуры являются массивные бронзовые и каменные топоры, гигантские рогообразные булавки и другие предметы¹.

В этой культуре и прослеживаются истоки кобанской культуры, богатейший ассортимент орудий труда и украшений которой служит надежнейшим источником для нашего суждения о хозяйстве и быте населения Северного Кавказа I тысячелетия до н. э. Характерной формой погребального сооружения были прямоугольные могилы, обложенные каменными плитами или булыжником, впервые исследованные у с. Кобан². В таких каменных ящиках покойников хоронили в скорченном положении на правом или на левом боку. С умершим клали огромное количество бронзовых предметов — оружие, орудия труда, украшения, а также бронзовую и глиняную посуду. Самыми показательными для кобанской культуры были бронзовые изящной формы топоры, фибулы, булавки с навершием и многочисленные привески-украшения.

Исследованиями установлено, что на территории Северного Кавказа в I тысячелетии до н. э. бытовали три археологические культуры.

Памятниками кобанской культуры была покрыта почти вся центральная часть Северного Кавказа (часть Грозненской области, вся Северная Осетия и все Кабардино-Пятигорье вплоть до верховьев Кубани). Носители этой культуры были оседлым населением, занимавшимся «яйлажным», или отгонным, скотоводством, земледелием, охотой и металлургией.

В районах горного и предгорного Дагестана развивалась местная каякентско-хорочоевская культура, резко обособленная от северокавказских культур и связанная с культурами Восточного Закавказья³. В Прикубанье же в это время процветала бронзовая культура, условно названная прикубанской⁴, в значительной мере сходная с кобанской.

¹ МИА, № 23, 1951, стр. 17—74.

² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК, вып. VIII, М., 1900.

³ «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 16, КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130.

⁴ КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 18.

На сопредельных территориях с кобанской и прикубанской культурами, по ту сторону Кавказского хребта, на основе общности более глубоких корней этих трех культур и наличия тесных хозяйственно-культурных связей между ними получила развитие колхидская культура.

Как заявляют антропологи, антропологические типы носителей этих трех культур довольно близки между собой. Все они были более длинноголовые, чем, скажем, современные осетины¹, и, повидимому, относились к одной и той же иберо-кавказской языковой группе древнего населения Кавказа.

Следовательно, до начала I тысячелетия до н. э. все районы Северного Кавказа (исключая Дагестан) населяли этнически однородные племена, принадлежавшие к иберо-кавказской языковой группе.

Начиная с VIII—VII вв. до н. э. и позднее, в археологических памятниках всего Северного Кавказа, в том числе и в памятниках Осетии, наблюдаются значительные включения элементов степных культур нашего юго-востока. Отдельные факты взаимосвязей северокавказских племен с более северными племенами по археологическим данным прослеживаются и в эпоху средней бронзы (в период бытования катакомбной и срубной культур). Теперь они стали носить более массовый характер. Влияние степняков выражалось в распространении бронзовых наконечников копий и особого типа ножей, бронзовых двухперых и трехперых наконечников стрел, коротких уже железных мечей с особыми рукоятями, разнообразного набора конской сбруи и даже в появлении особых форм керамики и приемов орнаментации глиняной посуды — в виде налепных валиков с защипами, сделанных пальцами. Все это было абсолютно чуждо местным формам материальной культуры и вместе с тем весьма типичным для культур более северных районов и в особенности для степной и лесостепной полосы Украины, где, как известно, в это время обитали скифские и близкие им по культуре племена.

Появление элементов скифской культуры в таких памятниках Северного Кавказа, как кобанские могильники (в ямах, обложенных булыжником) в Моздокском, Галинатском, Кумбултском, Нестеровском, Кисловодском, Березовском, Каменноостском и других могильниках Северного Кавказа и Закавказья (Самтавро, Дванский могильник и др.), по времени вполне соответствует тем первым свидетельствам письменных источников, которые рисуют довольно четкую картину походов киммерийцев, а затем скифов в Переднюю

¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 171, 272.

Азию через Кавказский перешеек. Я имею в виду данные ассирийских клинописных архивов (конца VIII в. до н. э.), библейских текстов (VII—VI вв. до н. э.) и, наконец, свидетельства античных авторов и в первую очередь Геродота. Наконец, с этого времени, по признанию антропологов (Г. Ф. Дебеца и М. М. Герасимова), на Северном Кавказе появляется другой антропологический тип — короткоголовый, близкий степному скифскому типу. Такое поразительное совпадение показаний археологических и антропологических материалов о появлении скифских элементов на Кавказе и письменных источников о походах скифов через Кавказский хребет значительно увеличивает право на признание Меотидо-колхидской дороги, Дербентского прохода, а также Дарьяльского ущелья и нынешней Военно-Осетинской дороги как возможных путей, через которые скифы прорывались в Закавказье.

Появление же на Кавказе в то же время, правда редких еще, подкурганых погребений с вытянутыми костяками (со скифским могильным инвентарем) и с западной ориентировкой (типично скифский обряд), очевидно, следует рассматривать как доказательства не только временного пребывания скифов на Кавказе, но и частичного их оседания в ряде мест.

Таким образом, с эпохи VII—VI вв. до н. э. регистрируется первое проникновение на Северный Кавказ скифских племен, принадлежащих, по мнению современных лингвистов, к североиранской, индоевропейской языковой группе народов древности¹. Они и явились, очевидно, первыми распространителями иранской речи на Северном Кавказе.

Но означает ли это проникновение смену местного коренного населения? Никоим образом.

Происходит ли в это время полная замена местных форм материальной культуры формами, привнесенными извне? Нет. Но, как уже отмечалось выше, наблюдается лишь некоторое инородное включение в местную материальную культуру скифских форм; в основе же своей глубокая традиция местной кобанской культуры оказывается чрезвычайно живучей. Многие признаки этой коренной кавказской культуры оказались настолько устойчивыми, что они пережили века.

Так, например, форма погребального сооружения, типичная для кобанской культуры, — могила в виде каменного ящика, — сохранялась в Осетии и в эпоху средневековья (с. Кобан, у с. Ахсау) и дожила вплоть до XVIII—XIX вв. (у с. Кобан и в Стр-Дигории).

¹ «Резолюция конференции ИИМК АН СССР по скифо-сарматской археологии», стр. 5.

Некоторые категории вещей, характерные для древней кобанской культуры, как, например, кинжалы с характерной рукоятью, топоры, фибулы (застежки), разного рода булавки, серьги и височные кольца, поясные пряжки от широких поясов и другие предметы, в несколько видоизмененных формах, дожили до эпохи раннего средневековья¹. Отдельные же элементы замечательной древней культуры сохранились в материальной культуре даже до наших дней, — например, разнообразные «капители» в архитектуре дома в с. Галиат, зооморфные украшения на железных светильниках древнекобанских форм, кобанская зооморфная орнаментика в ковровых аппликациях и т. п.

В духовной культуре осетинского народа недавнего прошлого также можно было проследить очень архаические элементы, восходящие еще к кобанской эпохе (например, культ бога охоты Авсати).

Таким образом, и материальная, и духовная культура осетинского народа сравнительно недавнего прошлого издавна формировалась на местной, специфически кавказской основе и своими корнями уходила вглубь веков. Это обстоятельство органически связывает осетинский народ с родным для него Кавказом. И поэтому нет никакой нужды отрывать оседлый осетинский народ от северокавказской культурной среды и выдавать за его прямых предков степных кочевников скифов, которых страшились народы древнего мира, как всеразрушающих варваров.

Вот, например, как рисовал скифов еврейскому народу библейский пророк VII—VI вв. до н. э. Иеремия: «... народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит.

Колчан его как открытый гроб; все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься»².

Ту же характеристику скифам дает и пророк Исайя.

Опыт замечательных раскопок Б. Б. Пиотровским³ урартского города Тейшебаини на холме Кармир-блур в Армении, павшего в начале VI в. до н. э. в результате внезапного ночного штурма скифских орд, подтверждает приведенную характеристику скифов.

¹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа, «Ученые записки ЛГУ», Л., 1949, стр. 205.

² ВДИ, 1947, № 1, стр. 273—274.

³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. Ереван, 1950, стр. 98.

* *
*

Язык не всегда служит признаком, доказывающим происхождение народа. В силу ряда причин язык может быть заимствован. Древняя история осетинского народа и служит таким примером постепенного заимствования кавказской этнической средой чуждого ей иранского языка. Как мы можем предполагать, первое проникновение иранской речи на Северный Кавказ падает на VII—VI вв. до н. э. Этим было положено лишь самое начало языковой иранизации некоторых групп местного кавказского населения. На это было обращено внимание еще Ю. Клапротом.

Примерно с конца III—II вв. до н. э., судя по историческим и археологическим данным, по территории Северного Кавказа, от Прикубанья до Дагестана, прокатывается волна новых пришельцев, также ираноязычных полукочевников сарматов из степей Подонья и Нижнего Поволжья; возможно, эта волна была связана с историческими событиями, происходившими в Закаспии и в Средней Азии.

В разных районах Северного Кавказа очень ощутимо прослеживаются результаты значительной инфильтрации сарматских племен. Распространяются не только новые формы материальной культуры: длинные сарматские мечи, другой тип железных наконечников стрел, уже черешковых, бронзовые зеркала с ручками, особый стиль полихромных украшений и керамических форм; кое-где, например в Прикубанье и в Грозненской области, наблюдается даже новая форма погребального сооружения — земляные склепы с подбоем и катакомбы.

Всюду на Северном Кавказе начинают возникать укрепленные, иногда довольно мощные городища, культурные слои которых насыщены находками, относящимися к этим новым формам материальной культуры при наличии обилия местного материала. Мы смело можем говорить об оседании отдельных пришлых ираноязычных сарматских групп среди местного населения. Если строить свои выводы по памятникам материальной культуры не только лучше изученного Прикубанья, но Грозненской области, Кабарды и Северной Осетии, скажем, из с. Корца, Кумбулты, Кобана, Моздока и других мест, то уверенно можно говорить о массовой сарматизации местных культур Северного Кавказа. Несомненно, сарматизация местной культуры отражала другой, более важный процесс — частичную ассимиляцию коренного кавказского населения пришлыми ираноязычными племенами, причем в ряде мест

настолько сильную, что уже в начальные века нашей эры появившийся в исторических источниках термин «аланы» мы имеем все основания приписать уже не новым пришельцам, а связывать с коренным, основным населением центральной части Северного Кавказа. Глубокая иранизация местных племен в это время прослеживается в разных формах. Ряд наблюдений археологов над сарматской и аланской материальной культурой давно установили их генетическое родство, прослеживаемое и по погребальному обряду (катакомбы) и по многим категориям вещей (стрелы, топоры, зеркала, украшения, посуда). Причем лучше всего эта единая линия развития прослеживается именно по памятникам центральных районов Северного Кавказа.

Поэтому уже в начальные века нашего летосчисления и позднее аланы, с которыми действительно можно и нужно генетически связывать «осов» и вообще современных осетин, были уже местным северокавказским населением, занимавшим территорию почти от Дагестана до Прикубанья.

Но местными считать их можно потому, что именно на этой территории момент скрещивания местного, коренного языка (кавказского) с иранским в конце концов закончился победой пришлого иранского языка (сарматского), т. е. местные племена восприняли иранский язык.

Но во всех ли районах Северного Кавказа победили иранские элементы?

Нет, не во всех. Абсолютно ли весь Северный Кавказ в эпоху раннего средневековья был заселен ираноязычными аланами?

Оказывается, далеко не весь, а только центральная часть.

Ни в Дагестане, ни даже в Прикубанье иранский элемент не оказал решающего влияния на языковое развитие аборигенного населения, хотя, судя по отдельным внешним признакам, процесс сарматизации там заходил очень далеко. В Прикубанье, например, стал меняться даже погребальный обряд, являющийся важнейшим этнографическим признаком¹.

Окончательной победой иранского языка на Кавказе завершился процесс языкового скрещивания к началу нашей эры только в центральной части Северного Кавказа на основе ассимиляции языка носителей кобанской культуры языком пришлых скифо-сарматских племен. В этом — ключ к пониманию вопроса происхождения осетинского народа и его культуры. Ведь по языку осетины действительно иранцы; это

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23, 1951, стр. 203.

всегда признавалось и признается представителями любого направления в лингвистике. По культуре же осетины — типичные кавказцы. Следовательно, о «двуприродности» осетин не может быть и речи. Подобные примеры известны исторической науке. Узбеки, как мы знаем, являются тюркским народом лишь по языку. По культуре же они наследники богатой культуры ираноязычного населения древних государств Бактрии и Согдианы, как и их соседи ираноязычные таджики; но предки узбеков переменяли свой язык, а таджики сохранили его.

Опыт изучения этногенеза осетин и их культуры лучше всего убеждает в незыблемости сталинского положения о том, что язык и культура не одно и то же, что язык, являющийся верным признаком народности и нации, может характеризовать население с разной культурой. Вместе с тем сама история развития осетинского народа, его языка и культуры служит блестящим примером, иллюстрирующим сталинский тезис о том, что «скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет» и что «... при скрещивании один из языков обычно выходит победителем...»¹, частично обогащаясь за счет побежденного и отмирающего языка. Интересные данные по этому вопросу добыты современным этнографическим изучением народов Сибири. По историческим документам (спискам XVII в.) устанавливается, что у нганасан в это время большинство имен было эвенкийскими. Списками же 1768 г. засвидетельствовано, что чисто эвенкийские термины (имена) преобладали только у лиц старшего поколения нганасан. А в 1926 г. только один старый шаман нганасанского племени пел по-эвенкийски, уже не понимая смысла произносимого. Так происходит постепенное вытеснение одного языка другим².

Именно так произошло в древности и в центральной части Северного Кавказа, где иранская речь постепенно одержала верх над речью местной, кавказской. В этом отношении все доводы и соображения лингвистов убедительны и полны значения.

По-иному происходил процесс сарматизации местного населения (в нашем аспекте — языковой иранизации) на Северо-Западном Кавказе.

Давно уже ряд исследователей (К. Услар, Л. Лопатин-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

² Б. О. Долгих. О некоторых этнографических процессах в Северной Сибири, СЭ, 1952, № 1, стр. 57.

ский¹, И. А. Джавахишвили² и др.) анализом местных языков и топонимики Северо-Западного Кавказа доказали принадлежность древнего местного населения (меоты, синды, керкеты, псессы, зихи и другие) к адыго-черкесо-кабардинскому этническому массиву.

В кавказоведении принято считать Северо-Западный Кавказ исконной территорией сложения мощной адыго-черкесо-кабардинской общности. Поэтому, несмотря на кажущуюся значительность переоформления местной материальной культуры в первые века нашей эры и даже изменявшиеся формы погребального обряда в результате сарматизации края, в Прикубанье процесс скрещивания иберо-кавказской языковой культуры с иранской завершился победой местной этнической основы. Совершенно очевидно, что здесь древняя коренная меото-синдская этническая основа оказалась более устойчивой, чем в центральной части Северного Кавказа. Разумеется, трудно указать подлинные причины, обеспечившие победу местного языка над иранским. Можно лишь предполагать, что эта победа могла быть обусловлена тем, что в Прикубанье оказался более развитым местный язык, богаче его словарный фонд, устойчивее его грамматический строй. Можно думать, что так же дело обстояло и на Северо-Восточном Кавказе. В последние годы археологическими раскопками в Дагестане установлены значительные сарматские элементы в местной культуре (Таркинский, Карабудахкентский могильники и др.). Но в языковой культуре дагестанских народов никто никогда не устанавливал фактов иранизации.

Только в центре Северного Кавказа, очевидно в результате более массового и последовательного включения скифо-сарматских (ираноязычных) элементов в местную этно-языковую среду, этот контакт завершился ассимиляцией местных языков и победой языка пришлых иранских элементов.

Таким образом, столь раннее (еще до нашей эры) проникновение в северокавказскую среду ираноязычных племен определило собой иную дальнейшую судьбу развития местного населения лишь центральной части Северо-Кавказского края, позднее превратившегося в алано-осскую народность — иранскую по языку и кавказскую по культуре.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

¹ Л. Лопатинский. Заметки о народе адыге и кабардинцах в частности, СМОМПК, т. XII.

² И. А. Джавахишвили. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, ВДИ, 1937, № 4, стр. 44.

Еще в недрах местных археологических культур Северного Кавказа I тысячелетия до н. э. (каякентско-хорочоевской в Дагестане, кобанской в центральной части края и прикубанской на Северо-Западном Кавказе) и в этническом составе населения края, относящегося к иберо-кавказской языковой группе, после включения ираноязычных элементов стали формироваться основы будущих народностей Северного Кавказа — дагестанских, осетинской и адыго-черкесско-кабардинской.

В этом плане огромный научный интерес и значение представляют факты и явления из более поздних этапов истории местных обществ. Судя по историческим данным, начиная с эпохи раннего средневековья, на Северном Кавказе прослеживается процесс сложения трех крупнейших этнических массивов, часто покрывающихся собирательными терминами. На Северо-Восточном Кавказе доминируют савиры, или савары, леки, маскуты и другие племена Дагестана; в центральном Предкавказье — аланы — ясы — осы; на Северо-Западном Кавказе — зихи — касоги — адыги. Именно такой вырисовывается этногеография или племенная карта Северного Кавказа эпохи V—X вв. нашей эры.

Савиры, леки, аланы и адыгские племена в период раннего средневековья являлись основными этническими компонентами Северокавказского края.

Эти этнонимы являются уже самыми непосредственными и прямыми предками современных осетин, адыгейцев, черкесов, кабардинцев и других народов Северного Кавказа, из которых осетины прошли наиболее сложный путь развития на протяжении ряда веков, сменив свой кавказский язык на иранский. Посильный показ исторического пути осетинского народа и развития его языка и культуры в самом схематическом виде и представлен в данной работе.

Н. Я. МЕРПЕРТ

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЙ ХАЗАРСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ

Среди проблем древней истории нашей Родины одной из наиболее значительных является проблема создания русской государственности, неразрывно связанная с проблемами сложения русской народности и формирования русской культуры. Середина I тысячелетия н. э. явилась временем создания крупных племенных объединений восточных славян, объединений, привлекавших столь большое внимание византийских и арабо-персидских историков. Эти объединения, заставившие трепетать величайшую державу раннего средневековья — Византийскую империю, знаменовали выход восточных славян на арену мировой истории. Они явились важнейшим этапом на пути формирования русской народности, на пути перехода от языков племенных к языкам народностей. В эту бурную эпоху начался процесс сплочения сил восточного славянства, приведший, вместе с образованием классов, к преодолению разобщенности отдельных племен, к созданию русской государственности, к сложению Киевской Руси. Истоки культуры, столь блестяще представленной в памятниках домонгольской Руси, нельзя исследовать вне связи с памятниками середины I тысячелетия.

I

Киевская Русь явилась крупнейшим государственным образованием Восточной Европы, а русская культура — наиболее высокой ее культурой. Их созданием был завершен длительный процесс политической и культурной истории восточнославянских племен. Эти племена были истинными творцами русской государственности и культуры, которые они отстаивали в победоносной борьбе с многочисленными врагами.

Естественно, что в центре внимания исследователя древнейшей истории Руси должны находиться славянские племена,

являвшиеся основной движущей ее силой. Между тем в буржуазной историографии издавна появились «теории», принижавшие историческую роль восточных славян, приписывавшие создание крупнейшего славянского государства не самим славянам, а их врагам, неоднократно терпевшим поражение от славян и не оставившим в Восточной Европе ничего, кроме отдельных, довольно смутных упоминаний в источниках. Такова была недоброй памяти «норманнская теория», приписывавшая создание Киевской Руси скандинавским авантюристам. Ныне эта «теория», принеся столь большой вред нашей исторической науке, полностью разоблачена в трудах советских историков и археологов.

В значительной мере подобна ей «хазарская теория», имевшая меньшее распространение, чем норманнская, породившая меньшую специальную литературу, но также извращавшая древнейшую историю Русского государства. Согласно этой «теории», русская государственность «вызревала» в недрах хазарского каганата — примитивного государственного образования полукочевых тюркских племен. Эфемерное образование, не имевшее ни общего экономического базиса, ни общей культуры, государство, рассыпавшееся, как карточный домик, под ударами русских войск, объявлялось крупнейшим явлением раннесредневековой истории, опередившим в своем развитии чуть ли не все народности Европы. Хазарская культура, искусственно и бессистемно соединившая самые различные элементы, рассматривалась как основной культурный очаг Восточной Европы. Тем самым хазарская теория грубо извращала важнейшие исторические события, скрывая за призраками хазарского государства и хазарской культуры действительный процесс складывания русской государственности и формирования русской культуры.

В противоположность норманнской теории, идеализация хазар и преувеличение их исторической роли до сих пор не получили еще должной критики в нашей исторической литературе. Более того, некоторые наши историки до последнего времени продолжали придерживаться неверных взглядов на историю хазар, на роль их в формировании народностей Восточной Европы и их культуры и особенно на роль хазар в ранней истории Руси. На это правильно и своевременно указала наша партийная печать¹.

Корни ошибочной переоценки хазар следует искать в русской дворянской историографии, для которой была характерна

¹ И. Иванов. Об одной ошибочной концепции, «Правда», 25 декабря 1951 г.

общая тенденция преувеличения роли нерусских народностей в истории Древней Руси.

В середине прошлого столетия В. В. Григорьев писал: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор, блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования»¹. Уже здесь можно говорить о явно выраженной идеализации хазар, причем даже для 1834 г., когда написана статья², такая характеристика является резко тенденциозной. В момент же переиздания статьи, в 1876 г., тенденциозность эта стала еще более явной в свете открытия новых источников и общего развития исторической науки в России.

Анализ исторических событий раннего средневековья, рассмотренных в общей их взаимосвязи, уже тогда приводил исследователей к совершенно противоположным выводам. Д. И. Иловайский в своей известной работе «Разыскания о начале Руси», появившейся, кстати, в том же 1876 г., очень убедительно писал, что тюркские племена, основавшие хазарский каганат, в Восточной Европе «неизбежно подверглись влиянию более одаренных и более развитых народностей славянских и особенно кавказских»³. Сам В. В. Григорьев пишет о вторжении хазар в культурные центры Закавказья — Армению и Грузию, где они «совершили неслыханные жестокости и увели множество пленников»⁴, что очень плохо согласовывается с «преимуществами стран образованных».

Показательно, что идеализация хазар сочетается у В. В. Григорьева с непреодоленным влиянием «норманнизма». Безоговорочно отождествляя руссов с норманнами, он пишет об их походах на Восток, «запечатленных всеми признаками норманнского духа»⁵. Норманном считает Григорьев великого русского воителя Святослава и дважды подчеркивает, что походы его против хазар были предприняты с целью мести за

¹ «Россия и Азия», СПб., 1876, стр. 66.

² Первая публикация статьи — ЖМНП, ч. III, 1834.

³ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. СПб., 1876, стр. 70—71.

⁴ «Россия и Азия», стр. 56.

⁵ Там же, стр. 1—3.

кровь «единоплеменников, погибших от вероломства хазаров»¹. Таким образом, великое дело преодоления разобщенности восточнославянских племен, воссоединения их в рамках единого государства, было представлено как обычный грабительский поход, являвшийся выражением «права кровной мести»².

Хазары и норманны представлены, таким образом, как две основные силы раннесредневековой истории Восточной Европы. Роль же действительных творцов этой истории — славянских племен — явно принижена: они фигурируют в указанных работах лишь как объект завоеваний. Григорьев связывает норманнов с хазарами на почве общих побед над славянами. «Победы руссов над славянскими поколениями — данниками хазаров, — пишет он, — познакомили оба народа»³. «Одних побед их (норманнов. — Н. М.), — указывает он в другом месте, — над славянскими поколениями полян, северян и радимичей, платившими прежде дань хазарам, довольно было, чтобы познакомить их с сим народом, славным своей торговлею и образованностью»⁴. Таким образом, уже здесь отчетливо видно, что идеализация хазар и «норманнизм» являются двумя сторонами одной медали, выражением единой тенденции: недооценки роли славянских племен и преувеличения роли пришлых, а зачастую полулегендарных элементов в древнейшей истории Руси.

Подобное совмещение «норманнской» и «хазарской» теорий можно отметить не только у одного Григорьева. В. О. Ключевский, называвший Киевскую Русь «варяжским княжеством»⁵, считавший русскую дружину в основном варяжской даже в XI в.⁶, особо подчеркивал роль хазар в истории славянских племен. «В VIII веке, — пишет он, — хазары покорили племена восточных славян, живших близко к степям: полян, северян, вятичей». Однако, указывает он, «хазарское иго было для днепровских славян не особенно тяжело и не страшно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды. С тех пор для днепровцев, *послушных данников хазар*, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством хазар

¹ «Россия и Азия», стр. 42 и 62—63.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 61—62.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, М., 1904, стр. 177.

⁶ Там же, стр. 197.

по этим рекам и пошла бойкая торговля из Поднепровья»¹. Если вспомнить, что с развитием этой торговли В. О. Ключевский связывает возникновение древнейших городов на Руси, станет особенно ясной допущенная им переоценка роли хазар в русской истории. «Степные речные дороги к черноморским и каспийским рынкам» были открыты для днепровских славян за много веков до появления хазар²; в торговых сношениях с Византией и Востоком славяне не нуждались в хазарском посредничестве, о котором пишет Ключевский³. Более того, можно утверждать, что в действительности роль хазар в этих сношениях была прямо противоположна картине, нарисованной Ключевским. Хазары не открыли речные дороги, а пытались преградить их, вероломно нападали на торговые караваны и грабительскими пошлинами тормозили торговлю. Рост числа монетных кладов в Приднепровье в IX—X вв. связан не с «утверждением хазар в южнорусских степях», а с образованием и усилением Киевской Руси, парализовавшей рядом мощных ударов грабительскую деятельность хазар.

Рассмотренная выше тенденция, созданная дворянско-буржуазной историографией, была полностью воспринята М. Н. Покровским. В его антиисторических построениях, извращавших основные вопросы древней истории Руси, вновь появляются хазары, как особая сила в создании русской государственности. . . «По преданию, — пишет он, — основателями первых больших государств на Восточно-Европейской равнине были не славяне, а пришлые народы: на юге — хазары, пришедшие из Азии, а на севере — варяги. Потом варяги победили хазар и стали хозяевами на всем протяжении этой равнины». Однако Покровский не только повторяет тенденциозные утверждения, с которыми мы встречались еще в работах Григорьева, — он пытается обосновать их по-новому. «Это предание, — пишет он далее, — новейшие историки оспаривают из соображений патриотических, т. е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы. . .»⁴ Сам же Покровский считает, что вопрос этот не имеет никакого значения. Это увязывается с его общей антиисторической концепцией, согласно которой единого русского государства в Киевскую эпоху

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, М., 1904, стр. 146 (курсив мой. — Н. М.).

² В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, 1951, № 4, стр. 243 и сл.

³ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 147.

⁴ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 22 и сл.

не было вовсе, а общественные классы появились в истории России не ранее XVI в. Лишив восточных славян их древнейшего государства, Покровский тем самым «снимает» и вопрос о его происхождении или, вернее, оставляет в неприкосновенности и «норманнскую», и «хазарскую» теории.

2

Таким образом, буржуазная историография и «школа» Покровского оставили плохое наследство для изучающих хазарский вопрос¹. И если наследство это не было преодолено до сих пор, то в этом нельзя не видеть прямого влияния работ Марра, в которых идеализация хазар, преувеличение их исторической роли и путаница в вопросе их происхождения достигли наивысшей степени.

В своих работах по «этно- и глоттогонии Восточной Европы» Марр уделил хазарам особое внимание. Более всего он касается вопросов происхождения хазар и их этнической культурной связи с народами Восточной Европы. Приступая к этим вопросам, Марр, как обычно, утверждает, что исследование их только начинается, что до него, Марра, в этой области либо ничего не сделано, либо сделано из рук вон плохо. Своих предшественников по изучению данного вопроса он упрекает в том, что происхождение хазар раскрывалось ими «с помощью письменных источников исторических эпох и отбираемыми из них данными для predeterminedного научного умоностроения»².

Посмотрим, как Н. Я. Марр расширил круг источников, сколь объективен был его подход к ним и что противопоставил он «предeterminedному научному умоностроению».

Действительно, Марра, в отличие от его предшественников, нельзя обвинить в том, что он решает вопрос происхождения хазар «с помощью письменных источников исторических эпох». К этим источникам он прибегает лишь как к вспомогательному материалу, использует далеко не всех древних авторов, повествующих о хазарах, и приводит лишь отдельные, произвольно выбранные цитаты. Основным же источником его является «палеонтология речи» — «терминологический вопрос

¹ Мы коснулись лишь нескольких примеров, отнюдь не претендуя на полное освещение истории хазарского вопроса в русской историографии. Поэтому здесь не упомянуты работы Пархоменко, Преснякова и мн. др., в которых также допускалось значительное преувеличение роли хазар в русской истории.

² Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, 1935, стр. 93.

о хазарах»¹. Сообщения древних авторов либо иллюстрируют выводы, полученные путем «палеонтологического анализа», либо сами «поставляют» отдельные слова для такого «анализа».

Своего рода программа исследования, основанного на указанных источниках, достаточно ясно определена самим Марром. «Держась как бы главной линии наследования исторических народов одного другому в Восточной Европе, — пишет он, — восходя по ней от современных русских, финнов и турок, через хазар и болгар к сарматам и родственным им скифам или скелотам и архаичным кимерам, мы подходим уже к древним народам с названиями, при всей разновидности их корней составляющими согласованную группу по огласовке, а именно ряда акающего (сармат), окающего (скелотов или скифов) и экающего (кимер)»². Вряд ли эта мертвая схема, в которой конкретные исторические события нескольких тысячелетий подменены развитием некоей «согласованной по огласовке группы», может быть не только противопоставлена, но даже сопоставлена с «предопределенным научным умонастроением» предшественников Марра по изучению хазарского вопроса. Ни о какой объективности здесь, естественно, не может быть и речи: весь ход построений Марра — и терминологическая эквилибристика, и характер использования многочисленных источников — полностью подчинены указанной схеме.

Попытаемся разобраться в некоторых конкретных положениях Марра, касающихся происхождения хазар и определения их как племени.

Выше уже указывалось, что основным моментом при исследовании происхождения хазар Марр считает «терминологический анализ» самого названия «хазары». Естественно, такой анализ был доступен только «яфетидологам», которым впервые стало известно, что хазары «носят яфетическое название (qaz-ag || qaz-ig), унаследованное от древних яфетидов»³. Конкретное этническое определение хазар, по мнению Марра, вообще не имеет никакого значения, главное в них — это «переживания» древнейшего яфетического массива, — той всеобъемлющей нивелирующей племенной среды первичного состояния, в отношении которой «исторические хазары, русы, болгары лишь эпигоны...»⁴

Для доказательства Н. Я. Марр прибегает, как обычно, к философскому камню яфетидологии, классически определен-

¹ Н. Я. Марр, Избр. работы, т. V, стр. 93.

² Там же, стр. 364.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 321.

ному И. В. Сталиным, как «гадание на кофейной гуще вокруг пресловутых четырёх элементов». «... Сначала салское племенное название, — пишет Н. Я. Марр, — потом берское мы имеем и в спирантной разновидности qaz-ag и в архетипе qaz-vaq. Таким образом, если мы возьмем, с одной стороны, buł-qaz, buq-tas, с другой — sar-mat, qas[v]az, то это номенклатурно скрещенные виды одних и тех же племенных названий, салского и берского, но в различной последовательности, в одних случаях 'сал-бер', в других 'бер-сал'...»¹ Разницу между хазарами и болгарами Марр видит в том, что хазары являются акающей разновидностью племенного названия, тогда как болгары, в средние века «выявляющие» окание (собственно болгары), в древнюю эпоху «выявляли» акание и потому назывались сарматами, а в древнейшую — экание, что соответствовало кимерам или иберам².

Итак, различия между народами, отделенными друг от друга тысячелетиями (киммерийцы, сарматы, хазары), говорившими на разных языках, имевшими различный физический облик, сведены к эканию, аканию и оканию. Связь же между ними установлена с помощью двух магических элементов — сал и бер, якобы представляющих собой первичные племенные названия и отраженных, в чистом виде или в определенных «скрещениях», в названии каждого из указанных племен. Этим исчерпывается система доказательств Марра при решении вопроса о происхождении хазар. Ни анализа конкретных исторических событий, ни должного исследования письменных источников, ни привлечения данных археологических мы не находим. Указанная схема, без существенных изменений и дополнений, повторяется каждый раз, когда Марр касается вопросов раннего средневековья Восточной Европы. Вряд ли эта схема нуждается в подробном разборе и опровержении: абсурдность ее очевидна.

Вызывает, однако, недоумение, каким образом «закономерными преемниками» ираноязычных сарматов стали хазары, которых большинство современников согласно характеризует как племя тюркское и по языку, и по физическому типу, и по образу жизни.

Для разрешения столь явного противоречия Марр прибегает к следующему яфетическому таинству — к тезису о классовости языков. Хазарский язык (конкретной характеристики которого Н. Я. Марр нигде не дает) объявляется языком классовым³. Не удовлетворяясь языком, Марр применяет этот

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 363—364.

² Там же.

³ Там же, стр. 387.

тезис к понятию племени вообще и к хазарским племенам в частности и приходит к выводу о классовом характере самого племенного образования. В конкретном племени он видит «образование по признакам классового производства, классовое племенное образование», а материальную культуру племен вне зависимости от степени их развития считает «конкретно-классовой». «Иранское течение, или турецкое влияние, — пишет он, — требуют расшифровки не как мистическое национальное или расовое содержание, а как производственно классовое. Мы готовы бы не спорить, что одно время хазары — это турки, но в восприятии того, что лишь определенный их класс — турецкий»¹. Оба понятия — классовость языка и классовость племенного образования — тесно увязываются Марром и совместно дают ему универсальную отмычку для разрешения любых фактических противоречий. Правда, общеизвестно, что племя является в основном категорией общества доклассового, что история не знает ни одного классового племени, а тем более племени с разноязычными классами.

Нельзя не вспомнить в этой связи замечательные слова И. В. Сталина: «Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения»².

Когда факты идут вразрез с построениями Марра, то они становятся для него не обязательными, он их даже не оговаривает. Основываясь на «классовости» языков, он пишет о «революционных сдвигах, перерождавших сами типы языков в зависимости от сдвигов в хозяйственной жизни и в развитии общественных форм»³; основываясь на классовости племенных образований, он говорит о «творческой роли руководящих слоев, классов или сословий, выделявшихся в путях диалектического развития, когда при определенных однородных социально-экономических предпосылках один и тот же результат получается в различных местах, независимо от миграций»⁴. А если так, то почему бы действительно ираноязычным сарматам не превратиться «на время» в тюркоязычных хазар для того, чтобы потом вновь претерпеть очередную метаморфозу и оказаться русскими или финнами?

Все это абсурдное построение зиждется на двух теоретических предпосылках: на положениях о языке-надстройке и

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V (курсив мой. — Н. М.).

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

³ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 430.

⁴ Там же.

о классовости языка. Глубокая порочность обоих этих положений блестяще вскрыта в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Надстройка соответствует определенному базису, порождается им, активно содействует оформлению и укреплению своего базиса. «Язык в этом отношении, — указывал И. В. Сталин, — коренным образом отличается от надстройки. Язык порождён не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹. И далее: «... рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек — не ведёт в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем»².

Следовательно, приведенные выше положения Н. Я. Марра о «революционных сдвигах, перерождавших сами типы языков в зависимости от сдвигов в хозяйственной жизни», об однородных социально-экономических предпосылках, порождавших одни и те же языковые явления в различных местах, — являются положениями немарксистскими, глубоко порочными и извращающими основные законы языкознания. А вместе с ними рушится и вся основная схема Марра: превращение сарматов в хазар путем языковой эволюции «пермутационного» порядка, путем взрывов и революционных сдвигов в языке представляется выводом полностью фантастическим и антинаучным.

Антинаучными являются и положения Марра о классовости хазарского языка, о классовости племен, об особой роли «руководящих классов» в «языковом строительстве». «Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, — писал И. В. Сталин, — от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, — то везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения»³.

Следовательно, никакого «классово-производственного содержания» ни в иранских, ни в турецких влияниях не было и не могло быть. Тюркоязычность не могла быть связана

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 12.

с «признаками классового производства», «возникновение» тюрков на местной основе как особого класса хазарского племенного образования немислимо.

Порочность теоретических основ, порочность самого метода исследования привели Марра к полному извращению вопроса о происхождении хазар. Запутавшись в этнических перевоплощениях, «переживаниях племенной среды первичного состояния» и «революционных сдвигов в языках», он пришел к отрицанию конкретных хазарских племен, к подмене их «трехсоставной помесью, яфетическо-арийско-турецкой»¹. Это утверждение он пытается согласовать с очень туманным и вызвавшим немало споров сообщением Ибн-Хаукаля о наличии у хазар некоего особого языка. Такой «особый язык» и предполагается здесь Марром, как результат скрещивания внутри «трехсоставной помеси». Вновь Марр обращается к очередному «тайнству» «нового учения» о языке. И здесь следует вспомнить слова И. В. Сталина: «Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языковедению. Если верно, что главной задачей языковедения является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит её, — она просто не замечает, или не понимает её»².

Объявив хазар (а заодно и болгар) «текучим социально-экономическим образованием», «неустоявшимся типологическим коллективом», Марр яростно обрушивается на тех исследователей, которые идут другими путями и ищут не помеси, а конкретные племена, конкретные памятники. Им он пророчит полный и неизбежный крах. «Какое поразительное, невероятное явление, — патетически восклицает он, — ищут и не находят даже целые города, столицу болгар, столицу хазар, ну, хотя бы Саркел, и никогда не найдут; если бы ученые оказались в самой этой хазарской столице (может быть она и сейчас красуется на Волге без всяких раскопок), то они ее не признали бы...»³ Сейчас, когда произведены широкие исследования Саркела, когда с каждым годом расширяются раскопки столицы волжских болгар — города Болгара, такое пророчество может вызвать недоумение или смех. Но не мешает вспомнить, что местонахождение обоих этих городов было известно и ко времени написания цитированной работы Марра. И здесь факты принесены в жертву схеме.

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 94—95.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, стр. 30.

³ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 430.

Я уделил особое внимание извращениям в проблеме происхождения хазар, так как с этим вопросом тесно связана идеализация хазар Марром. Связав их с «доисторическими племенными образованиями» Восточной Европы и превратив в этническое перевоплощение сарматов, он вместе с тем приписал им активную, если не решающую роль в создании средневековой культуры Восточной Европы. Тем самым Н. Я. Марр на «новой», с начала до конца порочной основе подошел к старой, созданной буржуазной историографией, тенденции.

Переходя к преувеличению Марром исторической роли хазар, прежде всего следует остановиться на его положении о «творческой роли руководящих слоев, классов или сословий» в становлении языков и культуры племенных образований. Положение это согласуется с общей, глубоко порочной теорией Марра о наличии особой культуротворческой общественной группы, которая еще в первобытном обществе противостоит остальному, культурно-пассивному населению. Роль такого класса-культуротворца «в строительстве хазарского национального объединения» подчеркивается им неоднократно. «Классовый подход, — пишет Марр, — требуется и здесь. Нами уже указано, что организующий социальный слой сосредоточивается в городах, что в древности города были заняты, как организующие центры, населением особого племенного состава. Народ — строитель городов — это господствующий или руководящий класс, руководящее племенное образование, и оно отнюдь не примитивно-племенной однородной природы»¹. Относительно этого «господствующего или руководящего класса» высказывания Марра крайне противоречивы. Выше мы видели, что в одном случае таким классом были определены названы турки. В другом случае он пишет, что строителем городов являлось «скрещенное классово-племенное образование, которое в нашем районе не обходилось без объединения всех яфетических народов»². В этом мифическом «образовании» Марр в свою очередь выделяет «руководящий племенной слой», который «налагает свою печать на центр общего строительства, отлагая в его наименовании свое племенное название»³.

Какие же города построило это «классово-племенное образование», в каких названиях отражен его «руководящий слой»? Здесь Марр доходит до чудовищного извращения исто-

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 336.

² Там же, стр. 370.

³ Там же, стр. 366.

рических фактов. В качестве первого примера он указывает Кострому. Этот русский город, основанный Юрием Долгоруким 800 лет тому назад, он объявляет «доисторическим» хазарским городом. Его не смущают (да и не интересуют) ни прямые показания летописи, ни то, что Кострома расположена там, где хазар никогда не было. Рассмотрев название города в кривом зеркале «терминологического анализа»¹, Марр безапелляционно заявляет, что оно означает «город косов, или хазов, т. е. хазаров и торов, или саров»². Далее следует Казань — город, основанный волжскими болгарами в XII в., т. е. через два века после разгрома хазарского каганата. Эти «малозначащие» факты не принимаются во внимание, вновь пускается в ход «терминологический анализ» и, как всегда, дает желаемый (и predetermined) результат. Название «Казань» после применения этого «анализа» оказывается означаемым «город хазаров» (Qoz-an: an — город, — хазары!)³.

Далее Марр переходит к Саркелу, который, очевидно в силу высокой осведомленности автора в истории хазар, назван «хазарской столицей». История этого города освещена письменными источниками и известна достаточно хорошо. Точно известна дата построения его византийцем — спафарокандидатом Петроной — 834 г. После походов Святослава в 965 г. на месте этой пограничной хазарской крепости возник русский город, название которого — Белая Вежа — полностью передает значение старого хазарского названия. Константин Багрянородный определенно говорит о том, что Саркел означает у хазар «Белый дом». Но и эти факты не обязательны для Марра. Он вновь прибегает к своему «философскому камню», прилагая его на сей раз к совершенно ясному, казалось бы, названию, и название Саркел преобразуется «должным образом». Второй слог его «kel» оказывается равнозначным «kağ», «koğ», «kiğ» и т. п. и означаемым «город». Первый слог «sağ» оказывается тождественным основе племенного названия хазар «Qaz», так как последнее «есть лишь спирантизованная разновидность сибилантного «sağ»». А этого вполне достаточно для того, чтобы понимать название «хазарской столицы» Саркела, как «город саров или hağ'ов, т. е. хазаров»⁴ (отметим, кстати, что сары в случае с Костромой равнозначны торам и отличны от хазаров, в случае с Саркелом — равнозначны самим хазарам).

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 251.

² Там же, стр. 370.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 370.

Для чего же нужна вся эта эквилибристика с магическими превращениями одних элементов в другие? Ответ на этот вопрос находим в следующих, может быть наиболее поразительных утверждениях Марра. Он объявляет «доисторическими» хазарскими городами Саратов и Харьков!

Хорошо известно, что Саратов, как город, возник в 1580 г. на месте русской крепости, одной из многих крепостей, защищавших южные границы Русского государства. Шесть веков отделяют его от времени падения хазарского каганата. Еще позднее, в первой половине XVII в., возник город Харьков, построенный в «Диком поле» русскими и украинцами. Не могут ли противостоять эти факты терминологической магии? «Sag = в Sarkel, — пишет Марр, — так же как sag = в Sag + + a = tov и его спирантный двойник qar + e в* Qare — kov (Харьков) не прилагательное, а племенное название, название великих доисторических строителей городов и весей, т. е. хазаров, еще, следовательно, до появления их в поле зрения истории и ее письменных источников»¹.

Таким образом, вопрос о строительстве восточноевропейских русских городов подвергся чудовищному извращению. Кочевые и полукочевые народы, неоднократно вторгавшиеся в Восточную Европу в эпоху раннего средневековья, хорошо известны как разрушители городов, а не как строители их. У Марра же один из таких народов — хазары — превращены в «великих», да еще «доисторических» (!) строителей русских городов, выхваченных по «терминологическому» признаку и рассмотренных вне времени и пространства.

Но «решение» Марром вопроса о городах — не частный случай, а выражение общей тенденции. Превратившись каким-то образом в потомков древнейшего населения Восточной Европы, хазары сделали не только строителями городов, но и творцами исконной восточноевропейской культуры, русские же оказались эпигонами не только по отношению к «общественно-племенной среде первичного состояния», но и по отношению к самим хазарам. «... Местные верования, — пишет Марр, — и эпические сказания, искони родные для первоначального населения края, чувашей (под чувашами Марр понимает народность «одного круга с хазарской» и часть хазарского «национального объединения». — Н. М.) и кровно родственных тогда с ними, еще не финнизированных и не славянизированных народов — яфетидов... могла сохранить лишь письменность народа, и религиозно, и классово-национально враждебного им, — народа христианского и индо-

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 370 (курсив мой. — Н. М.)

европейского — русского, который и использовал их для построения своей первоначальной легендарной истории. Без местных чувашских и сродных с ними по доисторическому в крае яфетидизму народных материалов не понять ни сказания о призвании варягов, ни племенного состава героев русского эпоса. Сказание о Рюрике, Труворе и Синеусе историзовалось в те поздние эпохи, когда в реальности истекала или протекала жизнь исторических народов — хазар и болгар, для нас ставших легендарными полумифическими существами...»¹

Здесь достаточно ясно видно, как ряд отдельных порочных положений, составлявших нить рассуждения Марра, его «схему», привел к дикому выводу, не только антиисторическому, но и явно враждебному истории нашей страны и прежде всего истории русского народа. Невольно напрашивается сравнение этих «рассуждений» с некоторыми положениями последователей космополитической школы Веселовского, хотя до таких грубых извращений, до такого отрицания самобытности русской культуры они никогда не доходили. Здесь с исчерпывающей ясностью определилось отношение Марра и к истории русской культуры, и к общей роли русского народа в истории Восточной Европы. Сразу оказались забытыми путанные и противоречивые рассуждения о «хазаро-болгаро-русском племенном круге»², о «генетическом сближении» славянских и турецких племен³ и т. п. На их место стало достаточно «определенное» положение о народе, «классово-национально враждебном» «первоначальному населению».

Достаточно известно, что культура древней Руси была наиболее яркой и высокой культурой раннесредневековой Восточной Европы. Глубокие местные корни этой культуры, исконный славянский ее характер ни у кого ныне не вызывают сомнения. Так же хорошо известно, какое плодотворное влияние оказывала во все эпохи русская культура на соседние народы, в том числе на народы Поволжья и Прикамья, в которых Марр видит остатки «первородных» яфетидов.

О культуре же хазарской говорить не приходится. Пришлый народ, чуждый культуре исконного населения Восточной Европы, — хазары не имели четко выраженной и оригинальной культуры. Очевидно, совершенно прав был академик Ю. В. Готье, указывавший, что «в созидательной работе, направленной на добывание и на производство материальных благ, служивших предметом обмена, хазары не принимали

¹ Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 361.

² Там же.

³ Там же, стр. 181.

никакого участия, и вся их материальная культура была чужеземной и привозной»¹. Что же касается культуры «хазарского национального объединения», достижения которой были, по утверждению Марра, «использованы» русскими, то такой культуры никогда не было, как не было и самого «национального объединения». Лишь полное игнорирование основных положений марксизма, незнакомство с важнейшими его произведениями, позволили Марру говорить о нациях и «национальных объединениях» чуть ли не в дофеодалную эпоху. Термин этот он употребляет по отношению к временному и непрочному конгломерату различных племен, не создавшему ни единой экономической базы, ни единой культуры.

Не будем перечислять все примеры извращения Марром истории древнерусской культуры в связи с хазарским вопросом. Кратко остановимся лишь на одном из них. Замечательное Суздальское зодчество Марр считает результатом «культурного колониального влияния» и говорит об «островном» его развитии (читай — не связанном с древнерусской культурой), причем это «колониальное влияние» связывает с «торгово-культурными путями хазаро-болгарского средневековья»².

Думаю, что в комментариях эти рассуждения не нуждаются.

3

Рассмотренные выше извращения хазарской проблемы принесли большой вред нашей исторической науке и оказали пагубное воздействие на ряд исследователей. Это достаточно ясно видно на примере книги М. И. Артамонова «Очерки древнейшей истории хазар»³, подвергшейся справедливой критике на страницах «Правды». При чтении этой книги особенно отчетливо заметен полнейший разрыв между фактическим исследованием и алхимией Марра.

Остановимся кратко на решении М. И. Артамоновым проблемы происхождения хазар и посмотрим, какую роль сыграло здесь использование данных «нового учения» о языке.

Этому вопросу специально посвящена третья глава книги — «Происхождение хазар», но фактически он же разбирается и во второй главе — «Хазары и турки». В этой главе автор подвергает тщательному и убедительному анализу все письменные источники, касающиеся появления хазар на исторической арене, рассматривает письменные свидетельства на широком фоне исторических событий раннего средневековья

¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 79.

² Н. Я. Марр. Избр. работы, т. V, стр. 322.

³ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

в евразийских степях, привлекает данные антропологии и этнографии. Быть может, не все положения этой главы разработаны с одинаковой полнотой, но основные выводы ее представляются закономерными и убедительными. Я считаю необходимым остановиться на этих выводах не только в силу их интереса для разрешения проблемы происхождения хазар, но и в силу того, что они являются результатом фактического исследования, не затронутого марризмом, и противоречат как положениям Марра, так и положениям самого М. И. Артамонова, развернутым в заключительной, полностью марристской, части его работы.

Основной вывод исследования, произведенного в главе «Хазары и турки», наиболее конкретно выражен в следующих словах: «Появление хазар по вполне достоверным данным вместе с тюрками, под властью турецкого кагана и даже под именем восточных тюрков, без сомнения, может служить основанием для того, чтобы считать их одним из турецких племен, сравнительно поздно проникшим к западу от Каспийского моря»¹.

Большой интерес представляет и ряд частных выводов, изложенных в этой главе, на некоторых из них следует остановиться.

1. Автор правильно берет под сомнение сообщения о существовании хазар до нашей эры и во II—IV вв. н. э. (хроника Вахтанга, «История Армении» Мойсея Хоренского). Столь же правильно первыми достоверными сведениями о хазарах считаются им сообщения епископа Себеоса (VII в.) и византийских авторов². «Весьма возможно, — пишет автор, — что название «хазары» попало в армянские исторические сочинения немного раньше, чем оно стало известно в Византии, и в приложении к событиям более древним является не чем иным, как перенесением наименования современного авторам народа в более или менее отдаленное прошлое»³.

2. Предводитель хазар джебу-каган правильно рассматривается как родной брат верховного кагана тюрков, а шад — как племянник кагана и сын джебу-кагана⁴.

3. Автор убедительно показывает, что физический облик хазар, согласно сообщениям письменных источников, соответствует «турецко-монгольскому» или «южносибирскому типу»⁵.

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 83; см. также стр. 70 и 74.

² Там же, стр. 66—71.

³ Там же, стр. 69.

⁴ Там же, стр. 75.

⁵ Там же, стр. 79.

4. По очень характерной, неоднократно засвидетельствованной письменными источниками, прическе косоносы-хазары противопоставлены бреющему головы местному населению Северного Кавказа и прилегающих к нему степей, среди которого «важнейшее место, без сомнения, принадлежало болгарам той эпохи их исторического существования, которая по болгарскому именованию характеризуется «стриженными головами», т. е. до переселения за Дунай¹.

Таким образом, из приведенных выводов можно как будто с достаточной определенностью заключить, что М. И. Артамонов рассматривает хазар как конкретную тюркскую группу, появившуюся в Восточной Европе не ранее VI в. и отличную как от гуннов, так и от болгар. Однако, сколь это ни удивительно, вся заключительная часть книги — третья ее глава — посвящена опровержению этого, казалось бы, совершенно закономерного заключения.

Дело в том, что все основные выводы второй главы сделаны без всякого влияния «нового учения» о языке. На протяжении всего фактического исследования мы встречаем лишь одну ссылку на Марра, да и та касается частного вопроса (об источниках Мойсея Хоренского)². И лишь в самом конце второй главы четко выступает влияние марризма, сразу же внося в книгу путаницу и неразрешимые противоречия.

Придя, как мы видели выше, к заключению о тюркском происхождении хазар, автор обращается к очень туманным сообщениям Ибн-Фадлана, ал-Истахри и Ибн-Хаукаля, которые как будто противоречат этому заключению. Правда, сам он указывает, что все эти сообщения восходят к одному источнику³ (а может быть, добавили бы мы, и к одному недоразумению). Но это не мешает М. И. Артамонову на основании тех же источников сопоставить хазарский язык с болгарским и непосредственно перейти к «рассуждениям» Марра об этих языках. «Н. Я. Марр, — пишет Артамонов, — заключает, что чуваш, как термин, представляет лишь разновидность сармата. Такой же разновидностью последнего оказываются болгар и хазар. Таким образом, чувашаи определяются как творцы восточноевропейских образований: более раннего — хазарского и позднейшего — болгарского, а самый чувашский язык — как остаток булгаро-хазарской группы языков средневековья»⁴. Однако здесь, под свежим влиянием собственного фактического исследования, М. И. Артамонов не решается еще

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 83.

² Там же, стр. 68.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 85.

полностью солидаризироваться с «выводами» Марра и отмечает, хотя и очень нерешительно, противоречия между этими «выводами» и фактами. Поэтому рассматриваемая глава заканчивается «двойной формулировкой». «... Выводы современного языкознания, — пишет он, — подтверждают показания арабских географов о родстве хазарского и болгарского языков, а равным образом и сведения об отличии этих языков от турецкого и венгерского, представляющих не только иные диалекты, но и иные лингвистические группы или семьи — турецко-монгольскую и угро-финскую, сложившиеся на основе того же яфетического субстрата, пережитком которого является чувашский язык. С другой стороны, бесспорное наличие турецких элементов не только в хазарском и болгарском, но и в чувашском языках не может быть объяснено в целом одним только единством происхождения, точнее — глоттогонического процесса, и едва ли даже в чувашском обязано только позднешему заимствованию в период татарского завоевания. Рассмотренные выше данные о турках в Восточной Европе и на Кавказе выдвигают вопрос о роли турецкого элемента не только в политической истории хазар, но и в сложении этнических и культурных признаков этого народа»¹.

Но в третьей главе «раздвоенность» эта исчезает: автор определенно переходит на позиции марризма. Здесь положения Марра являются центральными, определяющими и пути исследования, и основные положения главы. М. И. Артамонов указывает на методы Марра, среди которых основное внимание уделено четырехэлементному анализу², этническому «переоформлению»³, скрещению. Он приводит «выводы» Марра и полностью с ними солидаризируется, хотя и указывает, что «для более тесного сближения хазар и сармат нужны дополнительные данные»⁴.

«Выводы Н. Я. Марра об яфетической скифо-сарматской среде, — пишет М. И. Артамонов, — внутри которой сложились хазаро-болгарские племенные образования, ... исключают ту противоположность мнений относительно хазар, которая представлена турецкой и угро-финской гипотезами об их происхождении. Сближение названия «Саркел» с турецкими, финскими или венгерскими словами одинаково закономерно, поскольку турецкая и угро-финская лингвистические семьи образовались из яфетического субстрата»⁵. Считая это положение

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 87.

² Там же, стр. 107.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 107.

⁵ Там же, стр. 108.

слишком широким, М. И. Артамонов пытается конкретизировать его в применении к хазарам, найти «дополнительные данные» для сближения хазар с сарматами. При этом он исходит из схемы, предполагающей ту же непрерывность автохтонного развития, что и приведенная в начале нашей работы схема Марра: «... В скифо-сарматскую яфетическую и только частично иранизованную среду влились монгольские гунны, связав ее на время единой политической организацией, покрыв своим именем и внося какой-то культурный и лингвистический вклад... Из этой — теперь гунно-сарматской — среды вышли и болгары, давшие общее наименование ей в эпоху распада гуннского союза, и хазары, сделавшиеся центром нового политического объединения»¹. Действуя согласно этой схеме, М. И. Артамонов приходит к отрицанию ряда собственных своих выводов, явившихся результатом фактического исследования во второй главе работы. Если во второй главе, как мы видели выше, автор правильно брал под сомнение сообщения о хазарах в первые века н. э., то теперь эти сообщения оказываются реабилитированными (хотя и с оговорками). «... Упоминания хазар (хазир) в древних армянских исторических сочинениях, — пишет он, — ... нужно признать заслуживающими доверия в том смысле, что армянам, как близким соседям северокавказских гуннов, эти варвары рано стали известны не только под своим общим наименованием, но и по названиям отдельных племен, в особенности тех, которые, находясь ближе других к Закавказью, чаще всего тревожили его своими набегами...»² Эта мало понятная фраза означает, очевидно, что еще до появления названия «хазары» носители его были известны под названиями других племен, переоформившихся впоследствии в хазар. И действительно, хазары в рассматриваемой главе оказываются связанными, а иногда и отождествленными то с болгарами³, то с акацирами⁴, то с савирами⁵, то с каспами⁶. Не буду останавливаться на противоречиях, неизбежно порождаемых такими «отождествлениями» (можно упомянуть, например, что савиры и акациры — различные конкретные племена, воевавшие друг с другом). Укажу лишь, что приведенные выше выводы самого Артамонова об отличиях между хазарами и

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 109.

² Там же, стр. 121 и сл.

³ Там же, стр. 104 и сл.

⁴ Там же, стр. 110 и сл.

⁵ Там же, стр. 120, 133.

⁶ Там же, стр. 124—125.

гуннами, хазарами и болгарами здесь полностью упускаются из виду. Зато новые выводы автора находятся в соответствии с положениями Марра, для подтверждения которых выискиваются «дополнительные данные». «Название хазар, — пишет он, — Н. Я. Марр считал разновидностью термина сармат и это, надо думать, с точки зрения процесса языкотворчества совершенно верно. Хазары или хазы, по его словам, закономерные преемники «салов» или «саров», носивших основную или первую часть составного термина «сар-мат»¹. Здесь, как мы видим, передано положение Марра. Сравним его с выводами самого Артамонова: «И болгары, и хазары могут быть возведены к сарматам, но скрещенным с угорскими племенами, о чем свидетельствует характерное окончание их названий»². Как мы видим, тождество выводов Марра и Артамонова вызывает гораздо меньше сомнений, чем тождество хазар с акацирами или болгарами. В обоих случаях хазары «возводятся» к сарматам. Не менее характерно сопоставление хазар с каспами, которых Марр рассматривал, как одну из стадий этногонии Кавказа (и не только Кавказа). «Рассматривая каспов, — пишет Артамонов, — как разновидность кас-ов и has'ов, Н. Я. Марр полагает, что именно они лежат в основе хазарского племенного образования и хазарского имени, едва ли, однако, в чистом, а не в скрещенном виде. Хазары, как новое переоформление каспов, с этой точки зрения могут считаться древнейшим населением Кавказа не только Северного, но и Южного, из чего, конечно, не следует, что хазары действительно тождественны с каспами и их реликтовым вариантом кистами-чеченцами. Каспы или кас'ы в хазарах слились с сар'ами — сарматами с той большей легкостью, что и те и другие находились на одной и той же стадии этно-лингвистического развития»³. Вместо конкретного племени мы вновь встречаемся здесь с «помесью» (правда, уж не трехсоставной, как у Марра, а двухсоставной) автохтонных племен, из которых одно — полулегендарно, а второе — те же сарматы. С «переоформлением» одного из скифо-сарматских племен в хазаров мы встречаемся и при сопоставлении хазар с акацирами. Таким образом, к этому «переоформлению» сводятся все варианты «отождествлений».

Однако подобные выводы резко противоречат основному заключению второй главы об исторической и этнической связи

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 114.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 124—125.

хазар с тюрками. Вначале М. И. Артамонов пытается преодолеть это противоречие и пишет, «что савиры и хазары, как позже турки, означают одну и ту же этническую среду, что между теми, другими и третьими нельзя провести строгой границы»¹. Но далее сам он проводит эту границу, и проводит достаточно определенно. «Мы теперь знаем, — пишет он в заключении книги, — что хазары были не турки, а являлись одним из гунно-болгарских племен, с разгромом политического могущества савиров (напомню, что на стр. 120 Артамонов указывает: «закавказские савиры были одновременно и хазарами», следовательно, они разгромили самих себя) выступившим на первый план, как центр новой варварской организации в юго-восточном углу Азово-Каспийского междуморья»².

Таким образом, хазары, которые во второй главе убедительно представлены «одним из турецких племен, сравнительно поздно проникшим к западу от Каспийского моря», в результате марровских «переоформлений» к концу третьей главы превратились в автохтонов Восточной Европы, в «гунно-болгар», тесно связанных с сарматами. Вряд ли, сопоставляя эти взаимоисключающие выводы, читатель вынесет скольконибудь ясное представление о происхождении хазар и характере связи их с тюрками.

С путаницей в вопросе происхождения хазар, с «превращением» их в автохтонов Восточной Европы связана и ошибочность общей оценки М. И. Артамоновым их исторической роли. Он упрекает «русскую дворянско-буржуазную историографию» в «узком национализме», результатом чего явилось отсутствие внимания к хазарам. «Занятая исследованием истории Русского государства, — пишет он, — дворянско-буржуазная историческая наука крайне неохотно касалась таких явлений прошлого, которые нельзя было связать с русским народом, как важнейшей действующей силой»³. Вряд ли в данном случае упрек этот можно признать правомерным. Выше мы видели, что в русской дворянско-буржуазной историографии, наряду с шовинизмом, существовала и другая крайность — недооценка роли русских славян и переоценка хазар. Более того, сама переоценка значения хазар М. И. Артамоновым, даже форма выражения ее, чрезвычайно близки соответствующим положениям В. В. Григорьева и свидетельствуют о том, что ошибки последнего не были критически пересмотрены и преодолены М. И. Артамоновым, который пишет о политическом и

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 120.

² Там же, стр. 134.

³ Там же. От автора.

культурном преобладании Хазарии, «выступающей в качестве государства, почти равного по силе и политическому значению Византии и арабскому халифату в то время, как Русь еще только выходила на историческую арену и то в роли вассала Византийской империи»¹. Формулировка эта очень недалека от рассуждений о Хазарии, окруженной племенами дикими и кочующими и блиставшей, как яркий метеор, на мрачном горизонте Европы. В соответствии с этой тенденцией представлена М. И. Артамоновым и роль хазар в образовании древнерусского государства. «...Хазарское государство, — пишет он, — нельзя не учесть, как важнейшее условие образования Киевской Руси в тех конкретно-исторических формах, в какие это государство вылилось как в политическом, так и в культурном своем содержании»². Выше уже указывалось, что образование Киевской Руси явилось значительнейшим событием раннесредневековой истории Восточной Европы. Конкретно-исторические формы этого государства, его политическое и культурное содержание определялись многовековой политической и культурной историей восточных славян, а не наличием примитивного, враждебного славянам и разгромленного ими хазарского каганата.

К сожалению, М. И. Артамонов пока еще не выступил в печати с подробным разбором своих прежних ошибок³, хотя последние выступления его свидетельствуют о коренном пересмотре ошибочных взглядов⁴.

4

Идеализация хазар и преувеличение их исторической роли очень отчетливо выражены и в работах В. В. Мавродина и прежде всего в его книге «Образование древнерусского государства». Период VII—VIII вв. Мавродин именует «периодом хазарского каганата» и определяет его словами А. Е. Преснякова: «огромно значение Хазарского царства в ранней истории восточных славян». Не буду подробно останавливаться на положениях В. В. Мавродина, который связывает с хазарами проложение путей на восток, вовлечение славян «в сферу влияния восточных цивилизаций мусульманского мира»⁵,

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. V.

² Там же, стр. VI.

³ Помимо рассмотренной книги, можно упомянуть статью «Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии», СА, VI, 1940, где мы тоже встречаемся с этническим переобразованием сарматских племен, с болгаро-хазарами и т. п.

⁴ Доклад «Хазария и Русь» на пленуме ИИМК 1 апреля 1953 г.

⁵ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 178.

безоговорочно утверждает, что «вся восточная группа славянских племен... оказалась под властью хазарского кагана»¹, что даже в Киеве мог стоять хазарский гарнизон², считает, что хазары внесли вклад в русское «творчество и книжность»³ и что русская письменность развилась и приняла определенные формы под воздействием хазарского письма⁴. Большая часть этих положений повторяет иногда в «расширенном виде» старые ошибки, соответствующие рассмотренной выше порочной тенденции. Отмечу лишь, что положения В. В. Мавродина также возникли в результате пагубного воздействия порочных взглядов Марра. И здесь мы встречаем нивелировку племен, этнические перевоплощения, древние связи, «идущие от глубин скифо-сарматского и гунно-болгаро-хазарского мира»⁵ и т. д.

Не буду останавливаться на примерах других извращений хазарской проблемы, связанных с «новым учением» о языке. Мы видели, что положения Марра тесно связаны с порочной тенденцией, созданной еще русской дворянско-буржуазной исторической наукой. Но они являлись не простым продолжением этой тенденции; превращение хазар в автохтонов Восточной Европы, в «творцов» исконной восточноевропейской культуры, в «великих доисторических строителей городов», нивелировка хазар с сарматами, болгарами и др. явились новым, специфически марристским «вкладом» в историю извращений хазарской проблемы. Именно марровские положения внесли полнейшую путаницу в вопросы происхождения и исторической роли хазар, отбросив, по сути дела, решение этих вопросов далеко назад.

Еще Д. И. Иловайский писал, что «Хазарское царство основано собственно турецким племенем; в этом едва ли может быть сомнение»⁶. Создание его он правильно рассматривал, как один из эпизодов движения азиатских тюркских племен на запад и столь же правильно указал на историческую связь хазар с другими тюркскими племенами. «Турки хазарские, — писал он, — подчинив себе многие города и оседлые населения, и сами сделались народом полуоседлым. А те орды, которые в своем движении с востока остановились

¹ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 181.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 194.

⁵ Там же, стр. 190.

⁶ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1876, стр. 68.

в степях Яицких и Волжских, продолжали свой прежний кочевой образ жизни; они встречаются потом в истории под разными именами, преимущественно печенегов, узов и куманов (половцев)»¹. С тюркским происхождением хазарской орды соглашался ряд исследователей древнейшей истории Руси, в том числе В. О. Ключевский, С. М. Середонин, Ю. В. Готье и многие другие. Выше мы видели, что фактическая часть исследования М. И. Артамонова привела его к тому же выводу, подкрепленному развернутой системой доказательств. Нет никаких сколько-нибудь серьезных оснований пересматривать этот вывод. Для правильного разрешения хазарской проблемы необходимо решительное отрешение от «автохтонизма» хазар, от нивелировки их с сарматами, аланами, болгарами и другими племенами.

С другой стороны, тот же Д. И. Иловайский, как мне пришлось уже указывать выше, писал о том, что «хазары неизбежно подверглись влиянию более развитых народностей славянских и особенно кавказских». Некоторые славянские племена, а также племена Кавказа и Поволжья, подпавшие временно под власть примитивного хазарского государства, сохранили свои языки и свою культуру. Они оказывали решающее воздействие на пришлых хазар². Культура народностей Предкавказья и Северного Кавказа определила в основном характер так называемой хазарской культуры³, так же как несколько веков спустя культура городов Волжской Болгарии легла в основу так называемой золотоордынской культуры⁴. Роль местных, прежде всего кавказских, народностей в событиях, связанных с созданием хазарского каганата, неоднократно подчеркивалась Д. И. Иловайским, А. А. Спицыным, Ю. В. Готье и другими исследователями. Наибольшее число памятников хазарского времени, справедливо указывал Ю. В. Готье, «и притом самые интересные, находятся как раз в тех местностях, где обитали не сами хазары, а другие народы, которые в той или иной мере должны были признавать господство хазар»⁵. К этим ученым

¹ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1876, стр. 68.

² Достаточно указать на аланский характер находок в хазарском слое Саркела, на сообщения ал-Бекри и Фахрад-дин-Мубарак-шаха о славянских влияниях в языке и письменности хазар и т. д.

³ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана, КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

⁴ Недаром Д. И. Иловайский считал, что по характеру своему хазарский каганат был «прямым предшественником «Золотой Орды» («Разыскания о начале Руси», М., 1876, стр. 67, 68).

⁵ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, стр. 53.

менее всего применим упрек Марра в «туркологической абияции» и невнимании к местному кавказскому миру. Более того, сам Марр, отойдя от правильного пути, на котором стояли эти ученые, нивелировал различные племена, лишил их конкретной исторической характеристики и сам пришел к принижению их исторической роли. Нельзя не вспомнить в этой связи слова И. В. Сталина: «Н. Я. Марр внёс в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра»¹. Слова эти полностью относятся, как мы видим, и к рассмотренной нами исторической проблеме.

¹ И. Сталин. *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МГУ — Московский ордена Ленина Государственный университет
им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов и описаний местностей и племен
Кавказа
СЭ — Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
А. Д. Удадьцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке.	9
П. Н. Третьяков. Произведения И. В. Сталина о языке и языкознании и некоторые вопросы этногенеза	19
А. В. Арциховский. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии	51
П. И. Борисковский и А. П. Окладников. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытно-общинного строя	70
А. Я. Брюсов. К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов	94
Т. С. Пассек. О марровских ошибках в изучении трипольских племен	104
Б. Б. Пиотровский. О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике	119
С. В. Киселев. О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века	129
Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа	141
Н. Я. Мерперт. Против извращений хазарской проблемы	165

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*. Технический редактор *Т. В. Алексеева*.
Обложка художника *Г. М. Рифтина*.
РИСО АН СССР № 70-59В. Т-07305. Издат. № 3912. Тип. заказ № 817. Подп.
к печати 7/IX 1953 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 6. Печ. л. 12. Уч.-изд. л. 12.
Тираж 3000. Цена по прейскуранту 1952 г. 7 р. 20 к.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., дом № 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
17	13 св.	западноевропейской	правобережной
177	17 св.	— хазары	Qoz — хазары

Против вульгаризации марксизма в археологии.